

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ТАЕНА РУК ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2000

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНАСТИКА

*Glen
Cook*

Stars' End

■

ГЛЕН КУК

звездный
РУБЕЖ

ББК 84 (7 США)
К88

Серия основана в 1992 году

Glen Cook
STARS'END
1982

Перевод с английского В. Кравченко под редакцией М. Левина

Серийное оформление А. Сальникова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и «Права и переводы» (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Кук Г.

К88 Звездный Рубеж: Роман / Пер. с англ. В. Кравченко под
ред. М. Левина. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»,
2000. — 480 с. — (Координаты Чудес).

ISBN 5-237-04545-6

Это история Звездного Рубежа. История заброшенной планеты на дальнем
краю галактики. Планеты, превращенной в самую неприступную из твердьей.
Планеты Смерти, овеянной тайной, загадочной, подвластной лишь самой себе.

История Ловцов Звезд, понимавших — овладев арсеналами Звездного
Рубежа, они смогут не страшиться никого.

Это — история битвы с новым, доселе неизвестным врагом. Врагом,
который возник из неведомых далей космоса — могущественный,
безжалостный, умевший только одно — убивать. История отваги, мужества,
жести. История завершается...

© Glen Cook, 1982

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000

**Эта книга — тебе,
Шерри Линн Мейнс.
Без тебя все сроки были бы
просрочены.**

Книга первая.
НЕБЕСНЫЕ СЕЙНЕРЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ: 3049 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Смертельный крик взорвавшегося солнца озарил космический флот, равного которому не многим доводилось увидеть. В армаде было шесть больших звездолетов. Из них самый маленький был сорока километров в длину.

Не мерцало вокруг звездолетов сияние двигателей. Не отмечал их пути ионный след. Они дрейфовали, поймав ударную волну сверхновой, скорость которой достигала трех десятых скорости света.

Каждый из этих кораблей напоминал абстрактную скульптуру, которую создал сумасшедший художник на всепланетной свалке металлолома. Он сварил бесформенные обломки и пинком отправил их к самой далекой звезде. Эти корабли были сплошь углы, трубы и плоскости, сферы, кубы и что-то, напоминавшее серебряные

паруса. Горными хребтами горбились и лесами антенн щетинились спины звездолетов.

За ними плыли обломки, вырванные из зазубренных ран в бортах. Из щелей свистели струйки воздуха, сверкая в пламени сверхновой. Возле самых страшных ран роились слепнями корабли поменьше.

Была битва. Битва у Звездного Рубежа. Ярость и размах ее недоступны воображению человека, никогда не бывавшего в космосе.

Эти помятые, искалеченные корабли вышли из битвы живыми.

Перед кораблями простерлась гигантская линза Млечного Пути, холодная, серебристая, яркая. Звездолеты направлялись к ее центру. Они тащились из последних сил, как умирающий в пустыне — к оазису.

На одном из малых кораблей стала разгораться искра, отбрасывая цветной отблеск в ночь космоса. Это сияние не было радостным. Это был тускло-красный цвет венозной крови, цвет угасающего солнца.

Остальные корабли отодвинулись подальше. Их брат был обречен. В любую минуту мог выйти из-под контроля его ядерный реактор, и они не хотели оказаться слишком близко от взрыва. Слепни порхнули в стороны, спасая свои экипажи.

Обреченный малый корабль полыхнул сиянием, соперничая со светом близкой сверхновой. От него брызнули осколки размером с пирамиду, смешавшись с сопровождающим флот мусором. Медленно закувыркались останки корабля — теперь всего лишь выпотрошенный труп. Снова бросились к нему малые корабли и закружились вокруг останков. Эфир наполнился сигналами. Есть живые? Хоть один? С обломков не отвечали. Но малые корабли продолжали поиск.

Мойше бен-Раби хлопнул левой рукой по выключателю возврата.

Голова раскололась от боли. Демон воткнул ему в виски раскаленные крючья и дернул. Мойше закричал:

— Клара, укол!

Он не почувствовал, как в руку вонзилась игла. Укол был слишком слабым в сравнении с жуткой болью. Он понял, что получил укол, только потому, что секунду спустя ощутил благословенное облегчение.

Ганс стащил с него шлем. У юноши было измученное лицо. Клара мягким полотенцем вытерла Мойше пот со лба.

— Плохо, Мойше? — спросила она.

— Хуже не бывает. Я не могу больше до него дотянуться. Он там, совсем без защиты... И мы только что потеряли «Джаризл». Они не смогли остановить утечку антивещества. Вспомогательные корабли уже отправились на место катастрофы... Вряд ли они хоть кого-нибудь спасут.

— Выпьешь, Мойше? — спросил Ганс. Голос юноши дрожал. У него была сестра на «Джаризле».

— Налей чего-нибудь, будь добр. Я потерял с пуютом не меньше пары литров. Им удалось связаться с Грабером?

— Я не слышала, — пожала плечами Клара. С виду она была пухлой, седеющей, румяной, доброй бабушкой. И так оно и было. Эту книгу можно было прочесть по обложке. Бен-Раби любил ее — сыновней любовью.

— Нам нужна помощь. Мы не можем вечно прятаться в этом урагане сверхновой. Волна частиц скоро нагонит и разорвет наши экраны в клочья.

— Пейн говорит, что мы выберемся из потока, как только подберут всех с «Джаризла». Акулы могут этим воспользоваться.

— О черт!

— А что говорит звездная рыба? — спросил Ганс, возвращаясь с фруктовым напитком. Он старался не показывать своих чувств. Он достаточно долго пробыл на флоте, чтобы узнать, как следует ждать и хороших, и дурных известий. Как только станет что-нибудь известно о его сестре, ему сообщат.

Бен-Раби спустил ноги на пол.

— Я же говорил. Я не мог туда пробиться. Слишком далеко.

— Может, кому-нибудь другому удалось.

— Тому, у кого больше опыта? Не думаю.

Гансу едва исполнилось девятнадцать, только что вылез из яслей. Мальчишка еще не успел привыкнуть к суровой жизни траулерного флота.

— Придется сделать так, как сказал Пейн. С боем проложить себе дорогу.

Бен-Раби стала бить дрожь — естественная реакция тела на массивную дозу анальгетика. Клара набросила одеяло ему на плечи. Это не помогло.

Звездоловы не могли еще с уверенностью сказать, что у Звездного Рубежа победа осталась за ними. Они знали только, что флот Пейна удержал за собой пространство боя и повернул домой. Новых атак пока не было, но борьба не

минуемо должна была возобновиться — это только вопрос времени.

— Глянь-ка на меня, — прошептал бен-Раби. — Не могу перестать дрожать.

— Отправляйся домой, — отозвалась Клара. — Тебе нужно поспать.

— Если нам придется прорываться, я должен быть здесь для нового погружения. Я просто ноги вытяну.

Он потерял руку в том месте, где под кожу вонзилась игла. Напряжение чрезвычайной ситуации истощило его, и этого нельзя было не заметить.

При попытке встать он потерял сознание.

— Проводи его домой, Ганс, — сказала юноше Клара. — Лестер, помоги Гансу посадить Мойше в скутер, ладно?

— Что происходит? — спросил бен-Раби, когда Ганс остановил плоскобрюхую электрическую повозку у дверей его каюты. Какое-то время он не мог сообразить, где находится. — Зачем ты?..

— Что случилось? — спросил женский голос. В нем звучала тревога.

— Он потерял сознание, — отозвался Ганс. — Ему просто нужен отдых.

— Я ему говорила... — Перед глазами Мойше появилось худое, бледное, встревожен-

ное лицо, обрамленное короткими светлыми волосами. Женщина пристально вглядывалась ему в глаза. — Что с тобой, Мойше? Ты что, считаешь себя суперменом? Помоги мне, Ганс. Если понадобится, я привяжу его к кровати.

— Но кто-то же должен... — протестовал бен-Раби.

— Ты не единственный «кто-то» на «Данионе». Усердие новообращенного ни с чем не сравнимо. Я люблю его, но иногда он заставляет меня просто на стенку лезть.

— Позаботься о нем, Эми.

— Не беспокойся, я слишком много вложила в этого идиота.

Они уложили бен-Раби в постель. Там было спокойно, будто в утробе матери. Только оставалось чувство неясной вины. Нехорошо спать, пока другие телетехи все еще пытаются установить контакт.

Эми присела на край кровати. Мойше заснул задолго до того, как она закончила выговаривать ему за то, что он совсем о себе не заботится.

Она все еще сидела рядом, когда шесть часов спустя зажужжал сигнал связи.

— Эми Кольридж, Безопасность, — ответила она.

На экране появился сидящий человек.

— Доброе утро, лейтенант. Бен-Раби там?

— Да, командир. Он здесь, сэр. — И голосом на октаву ниже добавила: — Он спит, сэр. Если он вам действительно нужен, я могу его разбудить.

— Нет, не надо. Я хотел поговорить с вами, лейтенант. Сейчас иду к вам.

Несколько минут спустя в дверь каюты постучали. Должно быть, командир позвонил ей уже по пути сюда.

— Я только что прочитал ваш рапорт о бен-Раби.

— Вы лично? А в чем дело? Это был обычный рутинный рапорт.

Командир отмахнулся от ее вопроса.

— Он может понадобится нам для чего-то более серьезного, чем контакт. Кольридж, я хочу задать вам один вопрос. Пожалуйста, подумайте над ответом.

— Да, сэр?

— Ваш рапорт честен? Вы не позволили чувствам повлиять на ваши суждения?

— Да, сэр. То есть нет, сэр. Я хочу сказать, он честен, сэр.

— Вы уверены, что он стал сейнером без задней мысли?

— Кое-какие задние мысли у него есть. Он воспитывался иначе. Но он предан, сэр. Я бы даже сказала, слишком предан. Такой уж он человек.

— А он останется преданным? Под давлением, например? Ему случалось менять объект преданности.

— Менять? Когда, сэр?

— Когда он покинул Старую Землю.

— Это не одно и то же. Земля — часть Конфедерации. Он просто поступил во флот.

Командир «Даниона» задумался.

— Верно. Но, учитывая, как на это смотрят жители Старой Земли, такой поступок означает неуравновешенную натуру. Ладно, хватит о бен-Раби. Что вы скажете о его товарище?

Бесцветные брови Эми над бледно-голубыми глазами слегка сдвинулись к переносице.

— Это труднее, сэр. Маус гораздо сложнее.

— Вы уверены, что не преувеличиваете ваше непонимание? По психологическому профилю он выглядит очень просто. Почти черно-белым. Кажется, все его существование строится на ненависти к сангарийцам.

— Тогда зачем он остался здесь? Он мог бы вернуться к Конфедерации вместе с остальными. Здесь он не может сражаться с сангарийцами.

— Меня это тоже удивляет. Собственно поэтому и спросил.

— Не знаю, что вам ответить, сэр. Для меня он всего лишь фасад. Очарование и простота. Мне трудно понять, когда он серьезен, а когда шутит. Единственное мое чувство — это что человек, которого я вижу перед собой, не настоящий Масато Шторм.

— Вы с ним в связи, лейтенант?

— Сэр!

— Отвечайте.

— Нет, сэр! Я не состою в связи с мистером Штормом.

— Ну, тогда вы принадлежите к исчезающей породе женщин. Кажется, он переспал с половиной свободных женщин на «Данионе».

— Он привлекателен для определенного типа женщин.

— Да? — улыбнулся гость. — Но не для вас?

Она помедлила, прежде чем ответить.

— Соблазн есть. Он обладает каким-то животным магнетизмом. Плюс еще любопытство, что особенного все в нем находят. Но между нами ничего не будет. Мне он не нравится.

Кажется, ее ответ удовлетворил командира.

— Мы вступаем в новую эру, лейтенант. Эру перемен. Наш изоляционизм под угрозой. Акулы подтачивают наши силы. Идея насчет Звездного Рубежа оказалась революционной. Нам придется приспособливаться. Или накрыться собственным хвостом и подохнуть. Эти двое могут оказаться полезны — у них нестандартная подготовка. Наша разведывательная служба слова доброго не стоит. Они могли бы нам ее создать. Но это значит, что придется им доверять. А они не родились звездоловами.

— Многие из нас когда-то давным-давно не были ими. Мой отец...

— Я знаю. Мы все изгнанники. Хорошо, лейтенант, спасибо за информацию. Считайте наш разговор конфиденциальным. Не говорите о нем никому. И если узнаете что-нибудь, что может иметь отношение к этому делу, звоните прямо мне. Я внесу вас в красный список и перезвоню сразу же.

— Да, сэр.

Командир исчез так же стремительно, как и появился. Эми упала в кресло и уставилась на тени, заполнившие комнату.

Посидев, она встала и вошла в каюту, где спал бен-Раби. И посмотрела на него с выражением почти благоговейным.

Она никогда прежде не встречалась с командиром корабля, а видела его только на общих сборах.

Ее Мойше, ее последний шанс... Может быть, он и в самом деле чего-то стоит.

Эми никогда не связалась бы с чужаком, если бы ее самооценка не опустилась так низко. Она не могла заставить себя поверить в то, что достойна нормального мужчины, настоящего звездолова. Эми была готова смотреть, как ее жизнь постепенно катится под уклон, к самым нижним ступеням общественной и карьерной лестницы.

Визит командира изменил все. Она заставит Мойше шевелиться. Она позаботится о том, чтобы этот его приятель, Маус, не уводил его в сторону.

Различие между жизнью Конфедерации, которую бен-Раби решил оставить, и жизнью звездоловов было очень глубоко.

Звездоловы, небесные сейнеры, всю свою взрослую жизнь проводили на борту огромных траулеров, дрейфующих по водородным потокам глубокого космоса, собирая испражнения почти неосязаемых космических животных, которых они называли звездными рыбами. В межзвездных реках существовала целая экологическая систе-

ма. Эта жизнь была неторопливой и величественной, поскольку редки были случайные столкновения молекул, из которых она и возникла. Эта жизнь была невидима для глаза или радара. Атомы, составляющие «тела» межзвездных существ, могли быть рассеяны на многие кубические километры.

Звездные рыбы были куда больше траулеров, и все же материю их тел можно было сжать до такой степени, что она поместилась бы в тело десятилетнего ребенка. Атомы, составляющие тела рыб, служили не только для поддержания процесса жизнедеятельности, но и для концентрации разного рода сил. Большинство существ, принадлежащих к межзвездной экологии, частично существовали в гиперпространстве и в другой, параллельной вселенной.

В сердце звездных рыб горел крохотный термоядерный огонек.

Звездные рыбы засасывали водород и отдельные случайные молекулы, а время от времени выбрасывали крупницы твердых испражнений. Эти крупницы были совершенно бесценны.

Звездоловы называли это амброй. Амбра была основой их экономики.

Крупницы амбры использовались в инстелльной связи. Замены ей не было. Сейнеры контролировали ее единственный источник, а потому — рынок и цену.

Числа не было организациям, готовым платить практически любую цену за почти мгновенную связь через огромные межзвездные расстояния.

От своего работодателя, Флота Конфедерации, Мойше бен-Раби и Масато Шторм получили задание проникнуть в среду сейнеров, отыскать способ захватить траулеры и взять под контроль добычу амбры. Они достигли успеха и одновременно потерпели провал. Необходимую информацию они собрали...

И предпочли сами стать звездоловами.

Водородные реки могли похвастаться развитой экологической системой. В ней были и хищные акулы, которые питались в основном звездными рыбами. Эволюция наградила звездных рыб единственным по-настоящему надежным оружием защиты — интеллектом.

Эволюция глубокого космоса началась за многие эоны до того, как из звездной туманности родилось солнце Старой Земли. Нынешнее поколение звездных рыб помнило изгибы истории,

происходившие миллиарды лет назад. Они видели, как рождались и бесчисленные планетные расы. Они знали цену своим отбросам.

В последнюю тысячу земных лет — одно мгновение ока по масштабам звездной рыбы — акулы стали бешено размножаться. Появились новые виды. Они слабо соображали, отчаянно множились и охотились стаями, в которых иногда насчитывалось до тысячи хищников. Выживание звездных рыб как вида внезапно оказалось под угрозой.

Их старейшины бились над решением, и решение было принято с почти неумеренной поспешностью. Они обратили свой интеллект на поиск способа связаться с крохотными, твердыми, теплыми созданиями, которые жили в металлических скорлупках, рыщущих по их следам.

Они заключили сделку с первыми сейнерами. Амбра в обмен на защиту человеческого оружия. Это была хорошая сделка. На протяжении почти двух сотен лет акул удавалось держать в узде.

Всего лишь еще одно мгновение ока Времени.

Потом еще сильнее размножившиеся хищники создали новую тактику. Теперь они сначала нападали на пастухов, потом на стадо.

На «Данионе» были нижние чины-наземники, срочно набранные для восполнения потерь, понесенных в одной из таких атак. Командование корабля надеялось набрать высококвалифицированных специалистов, которых можно выманить из Конфедерации. Вместо этого они привлекли огромное количество шпионов, посланных найти способ захватить контроль над траулерным флотом. Разведывательное бюро Флота Конфедерации отправило своих лучших агентов: Мойше бен-Раби и Масато Шторма.

Эти двое нашли то, что обещало стать их домом.

На «Данионе» взвыли сирены.

Эми вскочила с кресла:

— Мойше, все по местам! Должно быть, выходим из волны сверхновой!

Бен-Раби вылетел из спальни, на ходу влезая в костюм для погружения.

— Идем, лапонька! — Он вытащил ее в коридор, где стояла пара скутеров, присосавшихся к зарядным розеткам. Он схватил один, она — другой. — До встречи, милая, — бросил он, уплывая прочь.

Вырулив на середину коридора, бен-Раби включил максимальный ход. Стены слились в летящие назад полосы. По пешеходным дорожкам

бежали люди. Навстречу ему неслись другие скутеры. На каждом перекрестке коридоров Мойше с трудом удавалось избегать столкновений.

— Все по местам, все по местам! — продолжал вещать голос, напоминающий глас богов.

«Тысяча чертей, — думал Мойше, — не надо бы мне возвращаться туда так скоро».

Пять огромных потрепанных кораблей начали выходить из безжалостного сияния сверхновой. Кораблики-слепни продолжали кружить вокруг их ран, сновали между ними и погибшим кораблем, слетаясь к центру, под прикрытие их огня. Один за другим большие корабли разворачивали свое самое мощное оружие от общего центра.

ГЛАВА ВТОРАЯ: 3049 год н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Корабль материализовался немного ниже поверхности озера пыли, заполнявшей кратер одной из безымянных лун, которая вращалась вокруг мира, лежащего далеко к центру галактики. Самый близкий к центру обитаемый мир — Улант — остался в тысяче световых лет по направлению к окраине. В этой части космоса не бывал ни один человек.

Если бы астрономы этой планеты наблюдали за спутником, их удивил бы пылевой гейзер, вырвавшийся из его плоской поверхности.

Но астрономы не наблюдали. Они, как и солдаты, жены, ветераны и дети... как и все, кто населял этот мир, были заняты борьбой, отнимающей все силы, и им было наплевать, существует ли спутник вообще.

Корабль, вырвавшийся из озера пыли, напоминал огромный пончик, в середину которого

всунули пивную кружку и закрепили тоненькими соломинками. Высокая лопасть, похожая на акулий плавник, поднималась от тора и шла в сторону от цилиндра. Она заканчивалась шаром.

Весь корабль был абсолютно черным. Даже номер корпуса не нарушал этого бесцветья.

Это был очень маленький корабль. Высота кружки не превышала шестидесяти, а внешний диаметр пончика — шестидесяти пяти метров. Округлые обводы судна нарушались только антеннами, двумя пусковыми ракетными установками и короткими выступами лазерных и гразерных батарей. Это была смертоносная оса, созданная с единственной целью — убивать.

Корабль был музейным экспонатом. Буквально. И самой страшной акулой из кораблей, которую когда-либо создавал человеческий разум.

Это был клаймер, сохранившийся со времен Улантской войны. Его извлекли из музея Луны Командной и для этого полета специально отремонтировали.

Это был первый клаймер, вырвавшийся на просторы космоса после самых отчаянных дней войны, — потому что клаймеры почти так же смертоносны для своей команды, как и для врага.

Лишь абсолютный императив выживания расы мог заставить людей снова послать их в бой.

На Луне Командной это понимали. Клаймеры уродовали тела и души своей команды.

Эти маленькие подстерегающие убийцы изменили ход Улантской войны. И наполнили санатории Конфедерации ходячими трупами — немногими уцелевшими на службе в тайных полях, где сходят с ума.

В своем торе клаймер генерировал поле, переносившее его в измерение вне гиперпространства, называемое нуль-состояние или клайм, где его было практически невозможно обнаружить, пока он не выскакивал оттуда в гипер или нормальное пространство для атаки.

Отряды клаймеров уничтожили целые эскадры улантидов.

На этом клаймере была самая замечательная команда, которую когда-либо посылал в космос любой флот.

Командиром корабля был адмирал флота граф Манфред фон Штауфенберг, первый заместитель начальника штаба Флота Конфедерации. Он видел работу клаймеров до самого конца войны. Старшим помощником была Мелена Тель-ейч Кат, Прима Защиты Уланта, проще го-

воря — министр обороны. Вторым помощником был Главный Миротворец Уланта, или начальник Генерального Штаба, Турон Волчист Форс. Начальником артиллерии и его первыми помощниками были Звездные Лорды Токе. Одним из них был Звездный Лорд, командовавший легионом космических пехотинцев Токе в составе Флота Конфедерации. Остальные были равны ему по рангу в Касте Воинов.

На борту не было никого в ранге ниже генерала или адмирала и не было тех, кто не умел или не имел права принимать решения.

Одна хорошо нацеленная ракета могла бы нанести значительный урон обороне человечества и его союзников.

Адмирал Вайдблад, дама, управляющая Разведывательным Бюро Флота, и адмирал Бэкхарт, возглавлявший у нее отдел тайных операций, занимали самые незначительные посты в боевой части. Одной была поручена система гиперслежения, другому — пассивные радары.

Но Звездные Лорды или кто там еще, а спали все в гамаках, прицепленных к центральному элементу конструкции клаймера — «килю». Уборная была одна на всех, а душа не было вообще. В клайме использовались ночные горшки,

и все дышали вонью друг друга — совсем как клаймерщики прошлого века.

Все они как один пришли своими глазами взглянуть на угрозу, о которой уже несколько лет подряд вопили экспедиции улантидов.

Они смотрели фильмы, они опрашивали свидетелей. В некоторых случаях они уже что-то предпринимали. Но им нужно было увидеть своими глазами, чтобы окончательно поверить.

Им нужно было увидеть войну, идущую под ними. На планете этой луны.

Раса, явившаяся из глубин центра галактики, систематически истребляла любую встреченную ею разумную жизнь. Последними ее жертвами стали жители этого мира.

Люди на борту клаймера принадлежали к расам, которые в прошлом жестоко между собой воевали. Отношения между некоторыми из них и сейчас были далеки от братской любви. Но никогда, даже в самые жаркие, самые отчаянные дни противостояния, ни одна раса не стремилась к полному уничтожению другой. Их войны были испытанием воли рас — в борьбе за территорию.

Мир под ними был четвертой планетой, на которую нападала «раса центра» с тех пор, как

ее обнаружили разведчики улантидов. Первые три мира были теперь безжизненны. Агрессоры даже не стали использовать их под базы.

Даже Воины Токе не могли понять стремления уничтожить разумную жизнь только за то, что она разумна.

Воины верили, что сражение есть очищение души, путь к чести и славе, суровый и достойный богов. Битва была для них почти самоцелью. Когда под рукой не было чужаков, они сражались друг с другом.

Однако они отлично знали, чем отличается победа от уничтожения, и эксцессы пришельцев из центра тревожили их не меньше, чем их товарищей по экипажу.

Они явились сюда, чтобы увидеть своими глазами. Теперь грозная правда пылала перед ними в аквариуме дисплея.

Атмосфера планеты кишела паутиной лазерных лучей. Потоки лучей и частиц рубили воздух и пространство, как разящие мечи несметных воинов древности.

Обитатели планеты обладали достаточно развитой техникой.

Агрессоры брали числом и напором. Их корабли закрывали звезды.

Они подавили орбитальную оборону планеты многие месяцы назад. Теперь они выковыривали наземные укрепления и кое-где уже захватили плацдармы.

Поверхность планеты мерцала короткими вспышками огней, затмевающих звезды.

— Это же ядерные взрывы! — вскрикнула Защитница Уланта.

В самые безнадежные минуты войны ни улан-тиды, ни люди не использовали ядерное оружие против вражеских планет. По молчаливому согласию его оставляли только для сражений в космической пустоте.

— Они нас заметили, — сообщил Бэкхарт. — Сюда направляется семь истребителей.

— Отлично, — отозвался граф фон Штауфенберг. — Мелена, кажется, все это происходит в тропосфере. Вряд ли одной из тысячи боеголовок удастся пробиться к поверхности планеты.

Звездный Лорд, командовавший всеми Звездными Лордами, бухнул, как в бочку:

— Каждая прошедшая сметает защиту. Сеть обороны редет. Скоро будут прорываться две на тысячу. Потом четыре.

— Не говоря уже об отдаленных последствиях радиоактивности. Интересно, почему они

форсируют высадку? Вот здесь. На архипелаге у южного тропика. Они пробили к нему коридор.

— Адская защита, — пробормотал кто-то. — Черт возьми, почти как у Звездного Рубежа. Не хотел бы я через такую прорываться.

— Когда истребители доберутся до нас? — спросил фон Штауфенберг.

— Они движутся в норме. Ближайший будет здесь через четыре-пять минут. Кажется, там еще что-то зашевелилось.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросила шеф Разведывательного Бюро Флота.

— Можем расквасить парочку носов, — отозвался фон Штауфенберг. — Но это ничего не изменит. Здесь не поможет и сотня клаймеров. Ладно, пусть посмотрят люди в других отсеках. Я хочу, чтобы это видел каждый. Нам будет что обсудить на пути домой.

— Воины уже приняли решение, — провозгласил Звездный Лорд Космического Легиона Токе.

— Он говорит за весь Токе, — добавил старший Лорд, не бывший его начальником. — Для Токе здесь может быть только одно решение. Мы выступим против них. Если придется, в одиночку.

— Для нас это не так просто, Манфред, — ответила Мелена. — Мы раса искателей приключо-

чений, но я связана демократическими традициями и верой в мир. Мы не можем организовать быстро и притом эффективно.

— Раньше вам это удавалось, — усмехнулся фон Штауфенберг.

Защитница была старше, чем он. Она прошла всю Улантскую войну.

— Надеюсь, что и снова удастся. Мы многое можем сделать, когда решаемся действовать вместе. Но сам процесс принятия решения омерзительно долго.

— Ваше решение было принято много лет назад, Мелена, — буркнул от своих радаров Бэкхарт. — И не пытайся пускать нам пыль в глаза. Я могу назвать имена и номера сотни военных кораблей, которые вы потихоньку спрятали в укромных местах, куда, вы думали, мы и не заглянем.

— Адмирал Бэкхарт? — В голосе фон Штауфенберга слышался суровый вопрос.

— У меня свои источники, сэр. Они вооружаются со всей скоростью, на которую способна их космическая промышленность. С конвейера сходят торговые корабли, вот только двигатели на них стоят как на линкорах, и на торговых линиях они не появляются. Они просто исчезают, а потом появляются в другом месте, вооруженные до зубов.

— Почему об этом не было доложено Верховному Командованию, Бэкхарт?

— Потому что мои источники находятся в штабе Защитницы. И я знал, зачем они вооружаются, а вы бы в это не поверили. Половина их Верховного Командования до сих пор стремится переиграть исход Улантской войны. Я решил, что игра может спокойно продолжаться и дальше. Наши люди видели достаточно улантских кораблей, чтобы начать строить свои собственные, так что теперь мы стоим на том же пути.

— Бэкхарт... Ваша логика меня настораживает. Очень настораживает. У меня есть сильное предчувствие, что вам придется объяснить ее Следственной Комиссии. Что еще вы от нас скрыли?

— Вы хотите честного ответа или такого, который вам будет приятно услышать?

У Бэкхарта не было умения завоевывать людей. На своей должности он держался только потому, что не было человека, способного сделать ту же работу не хуже.

— Бэкхарт!

— Еще кое-что скрыл, сэр. Операции в стадии осуществления. Если они пройдут успешно. то у нас будет чем встретить этих чудовищ.

— Чудовищ? — переспросила Мелена. — У нас нет доказательств...

— Мелена, адмирал у нас ксенофоб. По сути дела, он не питает особой любви и к человечеству. Расскажите нам, чем вы занимаетесь, Бэкхарт.

— Есть шанс, что я на пороге решения сангарийской проблемы. Перед самым нашим отлетом должны были поступить новые данные. Возможно, мне снова потребуется фон Драхов.

— Что еще?

— Это еще рано обсуждать. Слишком неопределенно. Возможный прорыв в военных технологиях и средствах связи. Пока я не стану об этом говорить. Не здесь.

— Бэкхарт...

— Соображения безопасности... сэр. Можете занести мои слова в протокол, если вам угодно.

Фон Штауфенберг повернулся к шефу Разведки Флота. Та пожала плечами:

— От меня вы тоже ничего не узнаете, Манфред.

— Черт побери! Ладно, давайте двигаться. Время на исходе, а на это взглянуть должны все.

Клаймеры были самыми тесными кораблями со времен «Джемини»*. Пропустить через рубку сорок разных существ, собранных на борту корабля, было делом долгим и неудобным.

---

* один из первых космических кораблей США.

— Он собирается стрелять, — сказал Бэкхарт, рассматривая ближайший истребитель. — Выстрелил. Пучком ракет. У нас четыре минуты на то, чтобы спрятаться.

— Как вам это понравится? Даже не попытались выяснить, кто мы и чего хотим.

— Говорит командир корабля, — проговорил фон Штауфенберг по общей системе связи. — Мы под огнем. Инженерный отсек, подготовиться к переходу в нуль. — За тридцать секунд до подлета пучка ракет он приказал: — Подняться на десять Гэв. Старший помощник, подготовиться к атаке. Программируйте подлет к стрелявшему кораблю.

Перистые антенны улантита мелко задрожали. По человеческим меркам это означало довольное хихиканье.

Звездные Лорды были уже в оружейном отсеке, надеясь, что им разрешат поиграть в эти смертельные игрушки.

— Одну ракету, — приказал фон Штауфенберг. — Прямо в кильватер.

Это была классическая стратегия клаймерной атаки. Двигатели были слабым местом всех военных кораблей. Выходные апертуры двигателей экранировать невозможно.

Пыль кратера вдруг схлопнулась и обрушилась на дно, как воды Красного моря на колесницы фараона. Корабль-пончик исчез.

— Поднимитесь-ка на сорок Гэв и так держите, — скомандовал фон Штауфенберг. — Сомневаюсь, чтобы у них хватило знаний искать нашу точку Хоукинга, но на всякий случай уменьшим ее сечение.

Одной из странностей клаймеров было то, что ни одной известной человечеству расе не удалось создать что-либо подобное. Даже для самих людей это был случайный побочный продукт совершенно других исследований.

Прошло двадцать три минуты, и старший помощник доложил:

— Вышли на позицию атаки, сэр.

— Оружейный отсек, говорит командир. Одна ракета. Готовность! Отсек слежения, когда спустимся, будьте готовы взять пеленг и дистанцию на все, что видите. Сделаем все, что сможем. И все записывать. Техслужба, когда выберемся в норм, сразу сброс тепла, поняли? Все готовы? Инженерный отсек, давайте вниз.

Самой большой слабостью клаймера было накопление тепла. В нуль-состоянии его некуда было сбрасывать, а клаймерам зачастую прихо-

дилось прятаться там по многу дней, спасаясь от охотников противника.

Клаймер не был военным кораблем в полном смысле этого слова. Он годился только для ударов из засады, и их эффект полностью зависел от внезапности нападения.

Прима Защиты вывела корабль из нуля всего лишь в четырех километрах позади вражеского истребителя. Клаймер тряхнуло. Пущенная ракета пошла с ускорением 100 g. Она попала в цель прежде, чем на истребителе успели заметить ее приближение.

— Подарок хорошим деткам, — проворчал Бэкхарт, когда клаймер снова ушел вверх.

— О чем это вы? — спросил фон Штауфенберг.

— Адмирал, вы дали им ценную информацию, разнеся их на куски. Вы им сообщили, что нам это под силу. Заставили их заинтересоваться. Давайте побережем остальные сюрпризы до того момента, когда они смогут принести пользу.

Фон Штауфенберг покраснел. Но его отношения с Бэкхартом трудно было ухудшить.

— Он прав, Манфред, — вмешалась Прима Защиты. — В ту войну вы практически свели на нет преимущество владения клаймерами, используя их понемногу. Куда более эффектив-

но было бы внезапное появление целых клаймерных флотов. У нас бы тогда не было времени приспособиться.

— Конечно, конечно. Это было эмоциональное решение. Запрограммируйте курс к кораблю-носителю, Мелена.

Клаймеры не могли покрывать большие расстояния. Корабль-носитель ждал в сотне световых лет в сторону дома. Его прикрывала небольшая армада.

Команда клаймера высоко ценила собственные жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: 3049 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Бен-Раби протиснулся вместе со своим скутером в сектор управления. Секундой позже массивные бронированные двери с рокотом стали на место. Теперь сектор был полностью изолирован. Никто не мог войти или выйти, пока эти двери вновь не откроются.

Мойше остановился на длинном покатом уклоне. Он соскочил со скутера, воткнул вилку зарядного устройства в первую попавшуюся розетку и бросился в люк, ведущий в пункт контакта.

— Успел все-таки, — сказала Клара. — Мы уж и не надеялись. Ты очень далеко живешь. Давай отдохнешь.

— Мой скутер дымился. Может, сходишь взглянешь на него, Ганс.

Мойше устроился в специально пригнанном для него кресле.

— Готов? — спросила Клара.

— Нет.

Она улыбнулась ему. Ганс начал втирать ему в кожу головы лишнюю запаха пасту. Клара запустила пальцы в приспособление, похожее на сетку для волос.

— Никогда ты не готов, а мне казалось, тебе нравится Головастик.

Бен-Раби рассмеялся:

— Головастик-то мне нравится, да и весь его народ тоже. Только он нравился бы мне еще больше, если б мог войти в дверь, протянуть руку и сказать: «Привет, Мойше, давай-ка по паре пива».

Головастик был звездной рыбой, с которой обычно связывался Мойше.

— Ксенофоб!

— Чепуха. Не в этом дело. Просто неприятно болтаться где-то вне своего тела...

— Неправда, Мойше. Старую Клару тебе не обдурить. Я нянчилась с телетехами, когда тебя еще на свете не было. Все вы похожи. Вам не хочется выходить, потому что очень больно возвращаться.

— Да?

— Готово, — вмешался Ганс.

Клара надела сетку на голову Мойше. Пальцы у нее были мягкие и теплые. Они скользнули по его щеке. И сразу ее лицо затуманилось тревогой.

— Не слишком усердствуй, Мойше. Возвращайся, если станет туго. Ты не успел как следует отдохнуть.

— После Звездного Рубежа отдыха нет. Ни для кого.

— Но мы же победили, — напомнил Ганс.

— Нам слишком дорого обошлась эта победа.

— Дешевле поражения.

— Думаю, мы по-разному смотрим на вещи, — пожал плечами бен-Раби. — Начать с того, что я никогда бы в это не ввязался.

— Вы там, в Конфедерации, получаете по морде и утираетесь? — спросил Ганс. — Впервые слышу.

— Нет. Мы взвешиваем шансы. Выбираем подходящий момент. И потом бьем сразу. Мы не рвемся напролом, как взбесившийся слон, терпя такие потери, как сейчас.

— Орифламма, — заметил Ганс.

— Что?

— Так иногда называют Пейна. Это что-то из древности, что-то насчет «пленных не брать».

— Ах, орифламма. Это был особый вымпел, который принадлежал королю Франции. Если тот поднимал его, это означало «пленных не брать». Однажды это дорого обошлось самому королю.

— Ганс, — вмешалась Клара, — Мойше из Академии. Он тебе может рассказать, сколько спиц было в колесе римской колесницы.

— Возьмем, к примеру, Пуатье...

— Кого?

— Это место такое. Во Франции, которая на Старой Земле...

— Я знаю, где Франция, Мойше.

— Отлично. Там разыгралось одно из важнейших сражений Столетней войны. И можно сказать, что французы проиграли именно из-за орифламмы. Они загнали англичан в ловушку. Их было десять на одного. Черный Принц решил сдаться. Но французы подняли орифламму. Англичане озверели и стали отбиваться. Когда пыль улеглась, французы оказались разбиты, а Людовик — в кандалах. Здесь есть мораль, если хочешь. А именно: не загоняй противника в угол, из которого ему не выбраться.

— Ганс, ты понимаешь, чем он сейчас занимается? — спросила Клара.

— Хочешь сказать, что он читает нам лекции и ждет сигнала отбоя? Не вышло, Мойше. Подними-ка голову. Я надену шлем.

Бен-Раби поднял голову.

По волосам под сеткой пробежали мурашки. Его голова скрылась в шлеме, и наступила тем-

нота. Усилием воли Мойше поборол панику, которая всегда охватывала его перед погружением.

Ганс застегнул шлем и подогнал датчики биомониторов.

— Слышишь меня, Мойше? — раздался в наушниках голос Клары.

Мойше поднял руку и сказал:

— Слышу нормально.

— Я тоже тебя слышу. Показания нормальные. Кровяное давление немного повышено, но для тебя это норма. Задержись на минутку в зоне перехода. Расслабься. Отправляйся, когда захочешь.

Свое «никогда не захочу» он не произнес.

И хлопнул правой ладонью по выключателю.

Теперь ему оставались только внутренние ощущения. Строгая сенсорная депривация оставляла его наедине с болью и усталостью, со странным привкусом во рту и со стуком крови в висках. Когда включится поле, исчезнет и это.

В малых дозах это действительно успокаивало. Но в больших могло просто свести с ума.

Он снова щелкнул правым выключателем.

Вселенная вокруг него обрела форму. Он был ее центром, ее повелителем, ее творцом... В этой вселенной не было боли, не было несчастья.

Слишком много чудес сверкало вокруг, в его вырвавшемся на свободу сознании.

Это была вселенная переливов цвета, ярких и нежных одновременно. Каждая звезда была сверкающей драгоценностью, каждая сияла своим собственным светом. Надвигающийся шторм, солнечный ветер сверхновой был бушующим, психоделическим облаком, в котором вещества казалось не меньше, чем в грозовых тучах Старой Земли. С другой стороны вдаль, к центру галактики, уходило бледно-розовое мерцание извивов водородного потока. Окружающие траулеры были искрами радужного золота.

Стая золотых китайских драконов плыла вслед за флотом, стремясь к нему, но их удерживало на расстоянии световое давление умирающей звезды.

Звездная рыба!

Горечь бен-Раби уступила место упоению. На этот раз контакт будет.

Он потянулся мыслью к драконам.

— Головастик! Ты здесь, друг мой?

Какое-то время не происходило ничего. Потом его окружило теплое сияние, как бурное радостное приветствие.

— Здравствуй, человек-друг Мойше. Вижу тебя. Выходишь из потока. Один корабль погиб.

— «Джариэл». Они все еще стараются кого-нибудь спасти.

— Печально.

Головастик не казался опечаленным. Эта рыба, подумалось бен-Раби, по природе своей не способна ни на что, кроме радости.

— Ты ошибаешься, человек-друг Мойше. Я вместе со стадом оплакиваю скорбь Звездного Рубежа. И все же я должен смеяться, разделяя со своими друзьями-людьми радость победы.

— Корабли-которые-убивают не все уничтожены, Головастик. Сангарийцы помнят обиды вечно.

— Ха! Они — слезинка на ресницах вечности. Они умрут. Их солнце умрет. А звездные рыбы все так же будут бороздить реки ночи.

— Головастик, ты снова рылся в темных чуланах моего сознания. Ты крадешь мои образы и высыпаешь их на меня же.

— У тебя очень занимательное сознание, человек-друг Мойше. Туманное, разорванное сознание, запутанное, как паутина, полное дверей-ловушек...

— Что ты можешь знать о дверях-ловушках?

— Только то, что я нашел у тебя в сознании, человек-друг Мойше.

Головастик смеялся и подтрунивал над ним, как влюбленный подросток.

По меркам звездной рыбы он и был ребенком. Он еще не миновал своего первого миллионлетия.

Бен-Раби старался просто не думать о масштабах времени, по которым жили звездные стада. Ему было не под силу вообразить жизнь, которая тянулась многие миллионы лет. Оставалось только сожалеть о том, что существа, в чьем распоряжении были эти невероятные сроки, никогда не соприкасались с мирами, населенными жизнью с биохимической природой. Какие поведи они могли бы поведать! Какие тайны истории раскрыть!

Но звездные стада не решались приближаться к крупным источникам гравитации или магнитного поля. Даже гравитация больших траулеров отзывалась в теле рыб чем-то похожим на ревматические боли людей.

Это были ужасно хрупкие создания.

Пока Головастик шутил и подтрунивал, Мойше обратился частью сознания к своей личной вселенной.

Где-то вдалеке снова рыскали красные торпеды, пересекая просторы розовой реки на фоне галактики.

— Да, — отозвался Головастик, — акулы. Те, что уцелели в битве у Звездного Рубежа, созвали

их сюда. Они нападут. Они голодны. Еще одно пиршество для пожирателей падали.

Маленькие тени всех цветов и оттенков следовали и за звездными стадами, и за торпедами. Это и были падальщики, о которых говорил Головастик.

Огромная, неспешная экология водородных потоков создала ниши для существ с различными жизненными функциями, хотя их определение в человеческих терминах редко бывало больше, чем приближением. Просто удобные ярлыки.

Мойше почувствовал нервную дрожь. Головастик коснулся его сознания, успокаивая...

— Я учусь, Головастик. Теперь я уже вижу реку. Я вижу бурю частиц, идущую от большого солнца.

— Замечательно, человек-друг Мойше. А теперь расслабься. Скоро появятся акулы. Следи за падальщиками. По ним можно судить, когда акулы не могут больше ждать. Они начинают пританцовывать.

В своей тайной вселенной Мойше рассмеялся. Звездные рыбы верили только в обдуманное действие. Этого, собственно, и следовало ожидать от существ, чьи жизни измерялись миллионами лет, однако молодые рыбы бывали беспокойны-

ми и восторженными. Их частенько ругали за беспокойные вибрации в присутствии взрослых. Старейшины называли это «пританцовывать».

Головастик пританцовывал почти все время.

Старейшины считали его местным дурачком. По словам Головастика, они жалели о том, что позволили ему в таком нежном возрасте соприкоснуться с грубыми сознаниями людей.

— Это шутка, человек-друг Мойше. Хорошая шутка? Смешно?

— Да. Очень смешно.

Для звездной рыбы. Должно быть, старейшины — самые флегматичные, прагматичные и лишенные понятия о юморе существа во всем творении. Они даже не могли постичь само понятие шутки. Бен-Раби находил, что это очень удручающее сообщество. Если не считать Головастика.

— Мне очень повезло стать твоим теледрузгом, Головастик. Очень повезло.

Бен-Раби говорил искренне. Ему доводилось вступать в контакт со старейшинами. По его сравнению, это было как заниматься любовью с собственной бабкой, сидя голый задницей на айсберге под взглядами внимательной толпы. Встреча с Головастиком была для него самым приятным событием за последние годы.

— Да. Тронутым лучше держаться вместе. Венсеремос, товарищ Мойше.

Вселенная бен-Раби наполнилась смехом.

— Где ты это откопал?

— Твое сознание полно отрывочных воспоминаний, человек-друг Мойше. Когда-то ты играл революционера на куске твердой материи, который назывался Пыльный Шарик.

— Точно, играл. Недели две. А потом увертывался от пуль всю дорогу до посольства.

— Ты многое пережил за последние несколько лет, человек-друг Мойше. В десятки раз больше, чем другие, кто вступал в контакт с Головастиком, звездной рыбой. Много приключений. Как ты думаешь, вышел бы из Головастика шпион?

— А за кем бы ты стал шпионить?

— Да. Это проблема. Очень трудно прикинуться акулой.

— Это тоже шутка, да?

— Да. А ты все еще шпионишь, человек-друг Мойше?

— Нет, завязал. Я больше не Томас Мак-Кленнон. Теперь я Мойше бен-Раби. Я нашел свой дом, Головастик. Теперь это мой народ. Нельзя шпионить за своим народом.

— Ого, у тебя в сознании какие-то тени. Может, там прячется секретный агент? Похоже

на то. Хей! А может быть, однажды ты отправишься шпионить за людьми на кусок твердой материи? Будешь двойным шпионом.

— Двойным агентом?

— Да. Это правильное слово.

— Со шпионажем покончено, Головастик. Я буду телетехом.

— Опасно.

— Шпионаж тоже. Тому больше причин, чем ты можешь понять.

— Ты имеешь в виду опасность вреда для сердца?

— Не понимаю, почему говорят, что ты глупый. Ты гораздо догадливее, чем большинство известных мне людей. Ты понимаешь суть вещей без объяснений.

— Потому что я — звездная рыба. Люди не могут заглянуть внутрь, человек-друг Мойше. Вам надо объяснять. Вам надо показывать. Ты не такой человек, чтобы этим заниматься.

— Да. Давай поговорим о чем-нибудь другом, а?

— Время разговоров подходит к концу, человек-друг Мойше. Падальщики начинают пританцовывать. Ты не обратил внимание?

— Я еще не могу видеть все сразу.

Это было одним из достоинств вселенной, которая рождалась, когда телетех вступал в кон-

такт. Человек больше не был ограничен бинокулярным зрением, но ему приходилось отвыкать от своих прежних привычек.

Слепые становились телетехами быстрее и работали лучше. Им не надо было отвыкать от привычек, не надо было преодолевать предубеждений. Но слепцы, страдающие классической мигренью, попадались очень редко.

К флоту стали приближаться алые торпеды. Они не бросились опрометью. Голод еще не вытеснил здравый смысл.

Акулы соображали туго, но знали: чтобы добраться до добычи, надо обойти траулеры.

В этом и был весь смысл союза звездной рыбы со звездоловами.

— Надо кончать визит, Головастик. Я должен помочь в битве.

— Да, конечно, человек-друг Мойше. Стреляйте метко. Я буду помогать, посылая в твой мозг верные направления.

— Отлично. — Вслух, в свой шлем, бен-Раби проговорил: — Наведение!

— Наведение на связи, — шелкнуло в наушниках.

— Говорит телетех. Я в контакте и готов принять контроль над батареей сектора. Акулы готовятся к атаке. Повторяю, готовятся к атаке.

— Ч-черт! Ладно, приятель. Забудь о батарее сектора. Начальник артиллерии хочет, чтобы ты давал данные в аквариум главного дисплея. Как думаешь, ты и твой контактер сможете давать нам информацию в реальном времени?

— Да, — глубоко в сознании бен-Раби пробормотал Головастик.

— Да, — повторил Мойше и сам удивился. Он еще никогда не пытался этого делать.

— Монитор?

— Готов, наведение, — вмешался голос Клары. — На всех датчиках зеленый свет. Я только что запустила транслятор. Можете подключать компьютер, как только будете готовы.

— Готовьтесь к передаче, контактер.

— Мойше, — проговорила Клара. — Не надо рисковать. Как только станет туго — отключайся.

— Передача, контактер!

На мгновение бен-Раби показалось, что какой-то неосязаемый вакуум высасывает его сознание. Однако Головастик мягко коснулся его мыслей, и волна паники улеглась.

Мойше расслабился и стал проводником, стал сторонним наблюдателем.

Падальщики вдруг начали кровожадно при-
танцовывать.

— Начинается атака, — пробормотал бен-Раби.

Рыбы-падальщики радовались — их ждал пир независимо от исхода битвы. Они будут одинаково довольны и мертвой акулой, и мертвой звездной рыбой.

Около десятка алых торпед вдруг затуманились, вытянулись в длинные перистые линии и снова обрели форму в опасной близости от звездного стада.

Сотня световых мечей начала кромсать их на поживу падальщикам. Для пучков частиц акулы были легкой добычей.

— Узнают, как нападать через гипер, — прошептал Головастик.

Стадо звездных рыб даже не подумало уклоняться. Они не станут маневрировать, пока не начнет поддаваться защита человеческих кораблей.

А защита может и не выдержать, пронеслось в мозгу бен-Раби. Пять кораблей не могут дать нужную плотность огня. Будут мертвые зоны. Большие дыры. Если попытаться их закрыть, можно расстрелять своих.

Стая акул пришла в замешательство. Они еще не нашли удачную тактику нападения на траулеры.

Тугодумие хищников было единственной надеждой и звездных рыб, и звездоловов. Потому что с акулами что-то случилось. Их число возрастало почти экспоненциально. Они все отчаяннее пытались раздобыть себе пищу.

Раньше их добычей были отбившиеся от стада звездные рыбы. Слабые, больные, неосторожные. Однако теперь акулы нападали на здоровых и сильных и даже набрасывались на своих собственных раненых. Даже огневая мощь траулера не всегда могла сдержать большую стаю, когда голод переходил в смертоносную ярость берсеркера.

— Все не так хорошо, как ты думал, человек-друг Мойше. Они все рвутся в бой одновременно, отовсюду. Убивать и умирать.

В мыслях Головастика проскальзывал ужас. Мойше пришел в отчаяние. Даже в адской битве у Звездного Рубежа Головастик не терял оптимизма.

Предсказание звездной рыбы сбылось. Красные торпеды внезапно полетели во все стороны. Мойше доводилось встречать ту же реакцию у людей. Один раз — когда шайка революционеров-дилетантов слышала приближение полиции. В другой раз — когда террорист бросил ручную гранату в переполненный театр.

Но акулы не разбегались. Их охватило мгновенное безумие. Они растягивались для атаки.

Хищники бросились к траулерам. Их встретил кинжальный огонь лазерных лучей и пучков частиц.

Огонь «Даниона» был смертельным. Мониторинг в режиме реального времени, который обеспечивали телетехи и связанные с ними звездные рыбы, давал стрелкам ту бесценную долю секунды, которой не было у их товарищей на кораблях, использующих стандартные системы наведения.

Волна акул обрушилась на «Данион», как ледоход на гранитный утес.

Они могли бы взять вверх, будь у них в распоряжении терпение моря и его нескончаемая сила, которая позволяет тысячелетие за тысячелетием посылать волну за волной на гранитную скалу. Они уже сильно потрепали «Данион» у Звездного Рубежа. Чтобы разметать целую секцию корабля, достаточно было прорваться одной акуле с многомерной системой огня. Но в этой стае акул было меньше, и вел их не разум, а голод.

— О черт! — выругался бен-Раби, когда взрыв оторвал огромный кусок соседнего корабля. Одной из акул все же удалось туда прорваться.

ся. Корабли сопровождения, которые все еще суетились вокруг обломков «Джариэла» или пытались залатать дыры в огневом щите, ринулись к вырванному осколку. Вокруг него клубились тучи замерзшего ледяного пара — корабль терял воздух.

Одна акула прорвалась к стаду звездных рыб.

Огромные создания, порождения ночи, вовсе не были беззащитны. Один извергнул шар ядерного огня, горевшего у него в «кишках», и послал его в цель с точностью, достойной Робин Гуда. Акула исчезла в тающей вспышке водородной бомбы.

Один хищник сгинул. Одна звездная рыба обезоружена на много часов. На воскрешение внутреннего огня у этих созданий уходило приличное время.

Бен-Раби видел, как у Звездного Рубежа миролюбивые звездные рыбы использовали то же оружие против сангарийских рейдеров.

— Вот и клочья полетели, человек-друг Мойше. — Головастик попытался пошутить. — Да, мы с тобой неплохо справляемся. Может быть, твои старейшины в конце концов решат, что ты не так глуп.

Невысказанной вслух осталась надежда Головастика на такую же реакцию его старейшин.

— Идет новая эра, Головастик, — подхватил бен-Раби. — Время торопливых и пританцовывающих.

— Акулы возвращаются!

Оружие «Даниона» вновь прорезало долгую ночь. Интересно, мелькнула мысль у Мойше, что подумает наблюдатель, окажись он через тысячу лет в тысяче световых лет от места схватки.

В Улантской войне обе стороны использовали в войне технику ретроспективного наблюдения. Нельзя было изменить исход сражения, но можно было снова и снова изучать сам бой под любым углом зрения.

Второе нападение было еще яростнее первого. Бен-Раби прекратил всякие попытки думать. Отслеживание ситуации требовало всего его внимания.

Все больше акул появлялись из гипера, движимые тягой неизвестной природы. Их тоже охватило бешенство. Они нападали на все вокруг, включая и своих раненых соплеменников, оставшихся в районе битвы.

Этого-то и боялся Головастик. К месту сражения будут притягиваться все новые и новые акулы, пока не подавят защиту просто своей численностью.

Это предвидели и звездные рыбы, и звездолеты. Страх гибели стада за стадом и траулера за траулером под ударами хищников и заставил независимых командиров этого флота объединиться в атаке у Звездного Рубежа.

Поток новых акул замедлился до капель.

«Мы снова побеждаем, человек-друг Мойше, — подумал Головастик. — Видишь этот ритм? Этот сияющий ритм? Они теряют силы, пожирая собственных раненых».

Бен-Раби оглядел свою внутреннюю вселенную, которая менялась, будто в калейдоскопе. Он не видел ничего, кроме хаоса. Это, подумалось ему, то самое, о чем грезил Чижевский, когда писал «Древнего Бога». Казалось, что в последних событиях отразилась поэма Чижевского. Неужели этот человек был провидцем?

Нет. Когда он писал тот цикл, куда вошел и «Древний Бог», то держался только на звездной пыли. И месяца не прошло после написания поэмы, как наркотик его прикончил. Его образы были рождены языками огненного безумия, пожиравшего его сознание.

— А ты не устаешь от того, что вечно прав? — спросил Мойше Головастика, когда акулы обратились в бегство.

— Никогда, человек-друг Мойше. Но я давным-давно научился ждать, пока истина станет очевидной, непреложной, и только тогда провозглашать ее вслух. От ошибки больно. Презрение старейшин жжет как огонь тысячи солнц.

— Я знаю это чувство.

Почему-то по вселенной Мойше вдруг пронеслось лицо адмирала Бэкхарта, его прежнего командира. Здесь, на окраине галактики, в битве не на жизнь, а на смерть с созданиями, о существовании которых всего лишь пару лет назад он и не подозревал, его прошлая карьера казалась ему далекой, как чужая жизнь. Жизнь другого воплощения или литературного персонажа.

Атака провалилась, как только бежали первые, насытившиеся акулы.

Звездные рыбы пострадали куда меньше, чем их несъедобные защитники. Ни один дракон не исчез из золотого стада, оберегаемого траулерами, но еще один корабль получил серьезные повреждения.

Через сознание Мойше мышиною пробежкой юркнули предательские мысли.

Головастик возмутился меньше, чем можно было ожидать.

На чисто прагматическом уровне звездный товарищ Мойше был согласен, что лучший спо-

соб сохранить жизни и корабли звездных рыбаков — уйти из межзвездных рек.

— Они никогда не уйдут, Головастик. Траулеры — это их отечество. Их родина. Это гордые и упрямые люди. Они будут бороться и надеяться.

— Знаю, человек-друг Мойше. И это печалит стадо. А старейшин заставляет гордиться тем, что выковали такой прочный союз. Но почему ты сказал «они»?

— Ну, мы. Знаешь, иногда... почти всегда я здесь чужой. Они поступают не так, как привык поступать я...

— Иногда ты тоскуешь по своей прошлой жизни, человек-друг Мойше.

— Иногда. Но не часто и не о многом. Вернемся к делу. — Ему пришлось сосредоточиться на своем физическом голосе, чтобы прохрипеть: — Наведение? Телетех. Акулы уходят. Они бросили попытки. Можете давать отбой, как только последняя покинет пределы прицельного огня.

— Вы уверены, контактер? В аквариуме дисплея картина другая.

— Уверен. Дайте мне знать, когда можно прекратить передачу. Это мой второй контакт за последние восемь часов.

— Ясно. Будет сделано.

Казалось, парень на том конце проникся к нему должным уважением.

— Ты в порядке, Мойше? — вмешался голос Клары. — Напряжение не слишком велико? Мы можем тебя вернуть.

— Я в порядке. Пока. Я помню, кто я такой. Только держи свой шприц наготове.

У Звездного Рубежа «Дацион» потерял половину своих профессиональных, обученных теле-техов. Одних — из-за слишком долгого контакта, у других сознание сожгли акулы, прорвавшиеся через огневой заслон корабля. О первых предполагалось, что они заблудились в личной вселенной контактера. Десятки пострадавших теле-техов занимали специально отведенную палату, где докторам и сестрам приходилось ходить за ними, как за новорожденными.

Их тела продолжали жить, а сознание... оставалась надежда, что его удастся найти.

За всю историю небесных сейнеров еще не удалось вернуть назад ни одного контактера.

В эти дни звездоловы жили надеждами. Одной из них был Звездный Рубеж — надежда на оружие, способное рассеять стаи акул.

Бен-Раби не понимал, как сейнеры собираются добиться того, что не удалось многим поко-

лениям безумцев, дураков и гениев. Звездный Рубеж был крепостью неприступной.

Это был целый мир, размером примерно с Землю, и этот мир был крепостью. Или планетой-линкором. Или черт знает чем. К Звездному Рубежу невозможно было подступиться. Технология его оборонительных сооружений превосходила воображение всех рас, знавших о его существовании. Его создатели давным-давно сгинули в пропасти времен.

Поколения людей мечтали об оружии Звездного Рубежа. Тысячи гибли в попытках до него добраться. А крепость оставалась неприступной.

Почему сейнеры так уверены, что им повезет больше?

— Вы были правы, контактер. Компьютер говорит, что они отходят. Теперь можете прекратить передачу. Мы обойдемся и обычными сканерами.

— Спасибо, наведение.

Ощущение высасываемого из сознания потока исчезло сразу. Вселенная бен-Раби пошатнулась. Головастик коснулся и поддержал его.

— Пора прощаться, человек-друг Мойше. Ты теряешь чувство реальности и ориентацию в пространстве-времени.

— Я еще не совсем пропал, Головастик.

— Все вы так говорите. Здесь ты больше ничем не можешь помочь, человек-друг.

В подсознании Мойше раздался грохот распадающейся на куски реальности. Он породил волну ужаса. Головастик не пытался ему помочь.

— Клара, укол! Я возвращаюсь.

Он ударил левой рукой по выключателю.

Они ждали его. Смертная мука длилась всего лишь несколько мгновений.

Но этого хватило. Он зашелся в крике.

С каждым разом возвращение становилось страшнее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

3049 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

На этот раз Мойше поместили в Госпитальном отсеке. Три дня его держали на транквилизаторах.

Когда женщина-врач вошла, чтобы вывести его из этого состояния, возле него сидели два человека. Тонкая, бледная голубоглазая женщина с нервными руками. Эми. И маленький азиат со спокойствием айсберга — его друг Маус.

Эми не могла и минуту посидеть спокойно. Она теребила костюм, застегивала и расстегивала его, закидывала ногу на ногу, вскакивала с места и начинала расхаживать по комнате, чтобы через минуту снова сесть. Она не разговаривала с Маусом. Обычно она намеренно старалась отдалить Мауса от себя и Мойше. Будто считала Мауса своим конкурентом за внимание бен-Раби.

Эти двое, Мойше и Маус, вместе прошли огонь и воду. Иногда они друг друга недолюбливали. Происхождением и воспитанием они отличались как день и ночь. Столетия предубеждений разделили их стенами, но общие лишения и опасности выковали между ними нерушимую связь. Слишком часто они стояли в бою спиной к спине и спасали друг другу жизнь, чтобы это забыть.

Маус ждал не шевелясь, с терпением самурая.

Он был заядлый архаист. Недавно он познакомился со своим древним наследием и теперь в воображении примерял на себя роль самурая. Их кодекс и обычаи нравились заключенному в нем воину.

А к распутнику отношения не имели. Маус же был классиком этого жанра — по крайней мере с противоположным полом.

Масато Игараши Шторм ничего не делал на половину.

Докторша тихо кашлянула.

— Он поправится? — спросила Эми. — Выберется? Я помню, что вы мне говорили, но...

Лицевые мускулы Мауса слегка дрогнули. Эта гримаса заменяла тысячетомный трактат об отращивании при виде подобной несдержанности.

Женщина-врач оказалась более терпеливой.

— Просто вынужденный отдых, мисс. Вот и все. С ним ничего такого, чего отдых не мог бы излечить. Я слышала, он адову работу выполнил, давая наводчикам контакт реального времени. Он просто себя загнал.

На лице Мауса мелькнуло странное выражение.

— А ты-то что думаешь? — спросила Эми в упор.

— Обычно он себя не перегружает.

Эми была готова броситься в драку.

Женщина-врач прервала эту сцену, сделав бен-Раби укол. Мойше начал приходить в себя.

Маус остался безразличен к реакции Эми. Но заметил ее. Он был очень наблюдателен. Просто ему было все равно, что она думает.

— Док, — сказал он, — есть ли какие-то особые причины, чтобы колоть его этим медицинским раритетом?

Женщина держала запястье бен-Раби, считая пульс.

— Что вы имеете в виду?

— Что это примитив. Времена архаики. Звуковые седативные системы были созданы еще до моего рождения. Это гораздо удобнее и для врача, и для пациента.

Женщина покраснела. Маус сам всего несколько недель назад вышел из госпиталя. Он провел там месяц, оправляясь от раны, полученной в схватке с сангарийским агентом, пытавшимся захватить управление «Данионом». Маус был не в восторге от качества медицинского обслуживания и не делал из этого секрета. Но он вообще ненавидел врачей и госпитали. Он мог найти недостатки и в самом безупречном.

Сангарийку тогда выследил Бен-Раби. И стрелял в нсе...

У Мауса хватило бы наглости стоять лицом к лицу с дьяволом и предложить ему заткнуться.

— Нам приходится обходиться тем, что мы можем себе позволить, мистер Шторм.

— Так мне и сказали.

Маус не стал развивать тему, хотя и считал, что сейнерам говорить о бедности — это все равно что царю Мидасу кланчить на углу медяки.

Бен-Раби открыл глаза.

— Как дела, Мойше? — спросил Шторм, помешав Эми начать разговор с более драматической реплики.

Работа столетий кладет на детей неизгладимый отпечаток. Ее следы остаются невидимыми и неизменными, как секретный код ДНК. Маус

с молодых ногтей знал, что жители Старой Земли — парии.

Семья Мауса была на службе уже три поколения. Его предки принадлежали к военной аристократии Конфедерации. Предки бен-Раби многие столетия были безработными на содержании государства.

Ни один из них не считал себя предубежденным. Но ложные истины, впитавшиеся с молоком матери, глубоко пускают корни и постоянно дают побеги нереалистичных реакций на реальный мир.

Бен-Раби рано пришлось обуздывать предрасудки. Чтобы выжить. В его батальоне в Академии было только двое со Старой Земли.

Сейчас он минуту собирался с мыслями.

— Что я здесь делаю? — спросил он.

— Тебе нужен был отдых, — отозвалась Эми, — долгий отдых. На этот раз ты перестарался.

— Да брось ты, я сам могу о себе позаботиться. Я знаю, когда...

— Чепуха! — отрезала докторша. — Каждый телетех так думает. И всех их приносят сюда выжженными дотла. Мне приходится менять им пеленки и кормить с ложки. Что с вами, ребята? Ваше эго на пару размеров великовато даже для бога средней величины.

У Мойше шумело в ушах. Он хотел ответить, но во рту было такое чувство, будто язык завернут в старый задубевший носок.

В глазах женщины-врача стояли слезы.

— У вас кто-то погиб у Звездного Рубежа?

— Сестра. Она вышла из контакта, как раз когда ваши сухопутные поднимались на борт. Ей было только семнадцать, бен-Раби.

— Сожалею.

— Врете. Вы — телетех. И сожаление мне не поможет. Не поможет кормить ее каждый день. Она была вроде вас, бен-Раби. Была уверена, что справится, не хотела меня слушать. Ни один из них не хотел слушать. Даже контролеры, которым надо бы понимать. Они отправили ее назад в контакт после четырех часов отдыха.

Бен-Раби закрыл рот. Что он мог сказать? Его самого ввели в контакт во время битвы у Звездного Рубежа. Главная рубка контакта походила на палату тяжелораненых. Десятки телетехов отдали все, чтобы спасти «Данион».

Мойше никогда бы не оказался в рубке контакта, даже не знал бы о ее существовании, если бы во время боя контактеры не понесли таких жестоких потерь. В те дни он был всего лишь наземником, которому не следовало доверять, разоблаченным шпионом, от которого скрывали

тайны сейнеров. Его допустили к контакту лишь потому, что он мог на миллиметр увеличить шансы «Даниона» на выживание.

Решение перейти к звездоловам Мойше принял сразу после битвы у Звездного Рубежа, почти в люке корабля, который должен был отвезти наземных контрактников назад на одну из планет Конфедерации.

Он медлил слишком долго. Половина его пожитков отправилась вместе с тем кораблем. Он так и не получил их назад. Команда корабля сильно поцапалась с таможней. Эти бюрократы озверели и хватали все, что не было привинчено к палубе.

Бен-Раби взял худую, холодную руку Эми.

— Как себя чувствуешь, дорогая? У тебя усталый вид. Сколько прошло времени?

Рука была так холодна... как у привидения. Как он влюбился в Эми?

Всегда он влюблялся в странных, невротичных и просто испорченных женщин. Алиса в Академии... Что она устроила ему при расставании! Сангарийка Мария, как вампир высосавшая его между двумя последними заданиями...

— Теперь, когда я знаю, что ты в порядке, со мной тоже все будет хорошо. Мойше, пожалуйста, будь осторожнее.

Эми казалась необычно отстраненной. Бен-Раби взглянул на нее, на Мауса и снова на нее. Новые проблемы с Маусом? Ее неприязнь к его другу недавно весьма усилилась.

Маус почти все время молчал. С ним была его неизменная шахматная доска, но он не стал предлагать партию. Его останавливало присутствие Эми. Шахматы были его великой страстью, соперничающей даже со страстью соблазнять подряд всех красивых женщин.

— Эй, Маус! Как ты думаешь, чем сейчас занимается Макс?

Единственный способ втянуть друга в разговор, который пришел в голову Мойше, — это вспомнить кого-нибудь из общих знакомых, кого они знали до прихода к сейнерам.

— Наверное, богатеет и гадает, почему мы больше не заглядываем в ее лавочку. Не думаю, что Бэкхарт дал себе труд сообщить ей наш новый адрес.

— Ага, — рассмеялся бен-Раби. — До него уже дошли новости, как ты думаешь? Ну, или дойдут со дня на день. У него пена изо рта повалит! Макс была нашей приятельницей на Луце Командной, — объяснил он Эми. — Она держала магазинчик марок.

— Лучший магазинчик для коллекционеров на всей Луне, — добавил Маус.

Эми не ответила. Она просто не могла понять, зачем эти двое собирали маленькие кусочки бумаги столетней давности, к которым следовало относиться как к драгоценностям.

И не только марки. Кажется, эти двое собирали все подряд. Монеты. Марки. Прочее старое барахло. У Мауса вся каюта была завалена коваными треножниками ручной работы и прочими ископаемыми железками. Единственной коллекцией, которая нравилась Эми, была коллекция бабочек. У Мауса на стене висела большая рама экзотических экземпляров. Они были невероятно прекрасны.

Корабли сейнеров были экологически стерильны. Только в зоопарках содержалась негуманоидная жизнь, и это были большие, широко известные млекопитающие.

У Эми не было хобби. Для отдыха она читала. Эту привычку она переняла от матери.

А Маус даже прилично играл на кларнете — старинном деревянном духовом инструменте, который редко где можно было видеть. Он говорил, что играть научился у отца.

— А как будет с Гретой? — спросил Маус. — Ты думаешь, департамент о ней позаботится?

От этого имени Эми подпрыгнула на месте.

— Ты никогда не рассказывал мне ни о какой Грете, Мойше.

— Это было в другой жизни.

Они были любовниками, но знали друг друга очень мало. Бен-Раби не любил ворошить чужое прошлое — ему оно всегда представлялось мешком со змеями, из которого еще неизвестно что выползет. Всегда можно было наткнуться на гадюку. У каждого человека свои темные тайны.

Но на вопрос Эми он все же ответил:

— Я уже говорил тебе. Это девочка, которую я встретил, когда последний раз был на Старой Земле. Последний раз, когда навещал мать. Она хотела выбраться с планеты. Друзья не отпускали ее. Я ей помог. А кончил тем, что стал ее спонсором.

— Он был ей вроде приемного отца, — пояснил Маус.

— Наверное, теперь ей уже восемнадцать. Я не думал о ее возрасте. Зря ты ее вспомнил, Маус. Я теперь расстроился.

— Ну, брось ты. Макс за ней присмотрит.

— Наверное. Но это неправильно. Нельзя сваливать это на кого-то другого. Как ты думаешь, Эми, я смогу время от времени посылать ей весточку? Просто сказать, что я жив-здоров

и все еще помню о ней. Я согласен, чтобы письма писали ты или Ярл. Можете даже пропустить их через компьютер-дешифратор и убедиться, что там нет ничего предосудительного.

— Это просто ребенок? — спросила Эми.

— Ага. Она здорово напоминала мне меня самого в юности, когда я только что выбрался со Старой Земли. Совершенно потерянный. Я думал, что, если я ей буду помогать, будет лучше. А потом я вроде сбежал, когда Бюро послало нас сюда. Я сказал ей, что вернусь через пару месяцев. А уже прошло почти четырнадцать.

— Я попрошу Ярла. Иногда он разрешает отправлять письма. У некоторых из нас есть родственники в Конфедерации. Но письма идут медленно.

— Это не важно. Эми, ты золото. Я тебя люблю.

— Ну, если вы начинаете нежничать, — сказал Маус, поднимаясь со стула, — то я лучше пойду. Начинаются гражданские занятия. Ну и чепуха. Представь: я, Эмили Хопкинс и этот фашиствующий болван-преподаватель... Может, меня снова ранят в руку. Тогда я смогу вернуться сюда и пропущу парочку уроков. Веди себя хорошо. Слушайся милую даму доктора, или я сверну тебе шею.

И он исчез, пока Мойше не начал свое занудное «Спасибо, что навестил».

— Ты на удивление неразговорчива сегодня, дорогая, — проговорил бен-Раби спустя какое-то время. Возможно, если бы здесь не было врача...

— Я просто устала. Мы все еще стоим двойные вахты, и нам едва удастся прикрыть все посты. На Верфях придется застрять надолго — если «Данион» не развалится на части по дороге. Если акулы не разнесут нас к чертовой матери.

— Ты уже в сотый раз упоминаешь эти Верфи и не хочешь мне о них ничего рассказать. Ты мне все еще недостаточно доверяешь?

— Это именно верфи. Не больше и не меньше. Там мы строим и ремонтируем корабли. Мойше, раз тебе пока некуда спешить, расскажи мне лучше о себе.

— Что?

— Я встретила тебя в самый первый день, еще на Карсоне, когда ты только что подписал контракт. Мы прожили вместе несколько месяцев, и вдруг я узнаю, что у тебя есть дочь. Я о тебе почти ничего не знаю.

— Грета мне не дочь, дорогая. Я просто помог девочке, которая нуждалась в ком-то...

— А разве это не одно и то же?

— Юридически — да. На бумаге. Иначе у нас были бы проблемы на суде.

— Расскажи мне. Все.

Делать было нечего. Можно было только рассказывать, и он начал рассказ.

Женщина-врач, которая мелькала на заднем плане, подозрительно глянула на него и всем своим видом показала, что ему придется еще на какое-то время задержаться.

— Хорошо. Скажешь, когда станет скучно.

Мойше родился в Северной Америке на Старой Земле, от Кларенса Хардveja и Майры Мак-Кленнон. Отца он почти не знал. Его мать по причинам, которые до сих пор оставались для него загадкой, предпочла воспитать его дома, а не сдать на попечение в государственные ясли. Из живущих на пособие немногие сами воспитывали своих детей.

Его детские годы ничем не отличались от младенческих лет детей других безработных на домашнем воспитании. Мало надзора, мало любви, мало учебы. Он начал гонять с дворовой ватагой, когда ему еще восьми не было.

Ему было девять, когда он впервые увидел инопланетников. Выскочек — так их называли на Земле. Это были космонавты флота в отгла-

женной черной форме, пришедшие в город по каким-то своим, странным, внеземным делам.

Эта форма захватила его воображение. Она стала навязчивой идеей. Мальчик начал вытягивать разнообразные сведения о флотских из домашнего информационного терминала своей матери. Большую часть их он не мог понять из-за недостатка знаний. Он стал учиться самостоятельно, начав с нуля и постепенно добираясь до того, что ему так отчаянно хотелось знать.

В десять лет он забросил свою ватагу, чтобы оставалось больше времени на учебу. На одиннадцатом году его озарило: он *должен* отправиться в космос. Ему удалось тайком добраться до вербовщика флота. Тот помог ему проскользнуть через вступительные экзамены в Академию.

Ему никогда бы их не сдать, если бы для жителей Старой Земли не существовало особых стандартов и квот. В прямом соревновании с тщательно подготовленными инопланетниками, многие из которых выросли в военной среде, он бы провалился с треском. Половина офицеров службы были детьми офицеров. Служба стала замкнутой субкультурой, с каждым годом все менее связанной с общечеловеческой и все менее ею контролируемой.

Но у Томми была цель.

В двенадцать он убежал из дома и отправился на Луну Командную, в Академию. За шесть лет он из намертво отстающих пробился в пять процентов лучших. По окончании он воспользовался правом выбора и оказался во флоте. Он служил на истребителях «Аквитания» и «Гесс», а потом на крейсере «Тамерлан», после чего попросил направление в разведшколу.

После года обучения в Бюро его назначили флотским атташе при посольстве на Фелдспаре. После этого последовало еще с полдюжины подобных назначений в разных мирах, и тогда его работа привлекла внимание адмирала Бэкхарта, чей отдел занимался опасными операциями и деятельностью на грани и чуть за гранью закона.

Он принял участие в нескольких нелегких операциях и встретился со своим бывшим одноклассником Маусом. У них было несколько совместных заданий, последним из которых было присоединиться к звездоловам и добыть информацию, которая помогла бы принудить сейнеров присоединиться к Конфедерации.

Кое-что из этого Эми уже слышала. Что-то было новым. Однако этот рассказ ее не удовлетворил. Ее первым замечанием было:

— Ты ничего не сказал о женщинах.

— Что ты имеешь в виду? Какое это имеет значение?

— Для меня — первостепенное. Я хочу знать, кем были твои любовницы и каким образом вы расстались. Как они выглядели...

— Сначала поцелуй в задницу пьяного носорога, леди.

Он еще не совсем пришел в себя. И не сообразил, что произнес это вслух, пока не задумался, отчего она так сразу заткнулась.

Судорожно вздохнув, Эми вихрем вылетела из комнаты, как смерч, ищущий город, который можно было бы превратить в руины.

Откуда-то с заднего плана выступила женщина-врач и пощупала его пульс.

— Она очень настойчива, правда?

— Не знаю, что на нее нашло. Раньше она такой не была.

— У вас была интересная жизнь.

— Да нет, не совсем. Не думаю, что я поступил бы точно так же, если бы мне приходилось начинать все заново.

— Ну, вы могли бы начать заново, правда?

— Не понимаю.

— Омоложение. Я думала, это доступно каждому конфедерату.

— Ах, да. Более или менее. Кое-кто из генералов живет на свете еще с тех пор, как Ной причалил свой ковчег. Но у судьбы есть способы добраться до того, кто пытается от нее ускользнуть.

— Жаль, что у нас здесь такого нет.

— Вы не кажетесь настолько старой.

— Я думаю о своем отце. Он дряхлеет.

— Да, понимаю. Когда я смогу уйти?

— По сути дела, в любое время, но мне хотелось бы, чтобы вы задержались еще на пару часов. Сейчас вы будете чувствовать слабость и головокружение.

— Маус был прав насчет звуковых успокоительных.

— Знаю, но не я составляю сметы госпиталя. Всего хорошего, мистер бен-Раби. Постарайтесь, чтобы нам не пришлось снова встретиться.

— Я ненавижу госпитали, доктор.

Это было правдой. Те госпитали, в которых ему доводилось лежать, принадлежали Бюро, и попадал он туда для того, чтобы измениться физически или психически.

Для разминки он проделал несколько упражнений, а потом вскочил на трамвай, который шел к его дому.

Эми ждала его.

— Ох, Мойше. Это было глупо с моей стороны. Ты был прав. Это не мое дело.

Перед его приходом она плакала. У нее были красные глаза.

— Все в порядке. Я понимаю.

На самом деле он не понимал. Там, где он вырос, никто не интересовался чужой личной жизнью. В Конфедерации люди жили сегодняшним днем. И не задумывались о прошлом.

— Просто понимаешь... мне кажется, что все, что происходит между нами, так неустойчиво.

«Ну вот, — подумал он, — опять намеки на брак».

Для сейнеров брак был делом важным. В Конфедерации это было милым пережитком старины, забавой или мечтой молоденьких девушек и отчаянных романтиков. Он не мог понять серьезность, с которой сейнеры смотрели на брак. Еще не мог.

Звездоловы завоевали его преданность, но они не могли сделать из него другого человека. Они не могли превратить его в свое подобие, просто приняв в свою среду.

Интересно, подумалось ему, у Мауса те же проблемы? Наверное, нет. Маус — хамелеон. Он может адаптироваться к любой среде, раствориться в любой толпе.

— Мне надо на работу, — сказала Эми. Казалось, ее шатает от усталости.

— Тебе тоже надо бы отдохнуть, любимая.

Когда она ушла, бен-Раби достал свою коллекцию марок и развернул потрепанный альбом. Упомянув Макс и Грету, Маус открыл ящик Пандоры. Через некоторое время он оттолкнул от себя альбом и попытался набросать письмо девочке.

Но не придумал, что сказать.

ГЛАВА ПЯТАЯ: 3049 год н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

К адмиралам и генералам обычное ожидание и дезинфекционные процедуры по прилете на Луну Командную не относились. Проверяли их тоже по сокращенной программе. С тех пор, как после Улантской войны адмирал Мак-Гроу подался в пираты, случаев нелояльности старших офицеров больше не наблюдалось. Всего через три часа после посадки личного шаттла адмирала южнее моря Спокойствия Бэкхарт вошел в свой офис.

Говоря языком другого века, он не жалел лошадей. Корабль-носитель вынырнул из гиперпосередине между Луной Командной и Л-5. И тут же адмирал получил шифровку: «Немедленно требуется личное присутствие. Критично».

Либо у вселенной отвалилось дно, либо Мак-Кленнон и Шторм вернулись с охоты с ягдташа-

---

ми, из которых капают маленькие вкусенькие секреты.

В его кабинете уже собрался экипаж. Так он называл своих лично отобранных и доверенных людей.

— Отлично, как и вы. — Он поднял руку, обрывая дальнейшие приветствия. — Что стряслось?

— Не хотите ли сперва принять душ и переодеться? — спросил Джонс.

Бэкхарт выглядел измотанным, почти жалким. Как бродяга, нарядившийся в костюм адмирала.

— Это вы, шуты гороховые, отстукали мне «Личное присутствие. Критично». Если у меня есть время срать, мыться и бриться, надо было писать «Срочно».

— Возможно, мы поторопились, — признал Намагуши. — Но мы нашли подземный ход в этот склеп. Естественно, несколько возбудились.

— Подземный ход? Черт возьми, что здесь происходит? — Бэкхарт рухнул в огромное кресло за бескрайним столом из полированного дерева. — Ближе к делу, Акидо.

Намагуши вскочил с кресла и толкнул по сверкающей поверхности стола картонный квадратик.

— Цифры. Твой почерк ничуть не улучшился.

— Секретариат готовит распечатку, сэр. Это, сэр, то, что прислал нам Шторм.

— Ну и что?

— Стандартная система координат Моргана, сэр. Местоположение звезды. У нас ушло два дня на перевод из сангарийской системы координат.

— Сангарийской?.. Господи Иисусе! Это?..

— То, чего мы дожидались всю свою жизнь. Координаты их звезды.

— О Господи! Не может быть. Две сотни лет мы их искали. Резали глотки и теряли собственные головы — как банда фашиствующих молодчиков. И это окупилось. Я сделал ставку с дальним прицелом, и она выиграла. Коммуникатор мне! Черт возьми, дайте мне кто-нибудь этот чертов коммуникатор!

Джонс передал коммуникатор через стол. Бэкхарт яростно застучал по клавишам.

— Бэкхарт. Приоритетно. Эй ты! Да хоть бы он сейчас царицу Савскую трахал! Личное, важное, и я твои яйца зажарю на завтрак, молокосос, если ты сейчас же не... Прошу прощения, сэр. — Его манеры вдруг претерпели чудесное превращение.

— Да, сэр. Именно так, сэр. Я хочу получить подтверждение нашей позиции по Меморандуму о Долгосрочной Политике и Процедуре номер четыре. Конкретнее — параграфа шестого.

Воцарилось долгое молчание. Соратники Бэкхарта все ближе и ближе пододвигались к своему шефу. Наконец человек на другом конце провода что-то ответил.

— Да, сэр. Абсолютно. У меня в руках данные, сэр. Только что расшифрованы. Дайте мне фон Драхова и Первый Флот... Да, сэр. Я прошу на это время карт-бланш. Начать могу прямо завтра.

Снова молчание.

Наконец:

— Да, сэр. Именно об этом я и подумал, сэр. Понимаю, сэр. Благодарю вас, сэр. — Бэкхарт отключил связь. — Он хочет обсудить это с начальниками штабов.

— Они хотят дать задний ход? Сейчас? Когда мы на это положили столько жизней, которые?..

— Капитан Джонс! Вы *представляете*, насколько дико прозвучало мое к нему обращение? Позвольте, я нарисую вам картину. Я прервал его, когда фон Штауфенберг докладывал, что мы видели у центра. Это было именно то, что мы ожидали обнаружить, и выглядело это не лучше, чем баржа, нагруженная мертвыми младенцами. Какая-то раса психопатов добросовестно уничтожает любую разумную жизнь, которая попадает ей на пути. Тут я вламываюсь и прошу под-

твердить Меморандум четыре дробь шесть, который является обетом истребить сангарийцев, как только мы обнаружим, где их Метрополия. Считается, что хорошие в этой игре — мы, Джонс. То, что ему приходится сейчас выслушивать, способно погасить пламя нашей старой благородной ненависти к сангарийцам.

— Но я не вижу проблемы, сэр.

— Практически ее и нет. Взглянув на то, что творится ближе к центру, я бы счел четыре дробь шесть стратегическим императивом. Нам надо стряхнуть со своей шеи этих кровопийц. Они жрали нас живьем во время войны с Улантом и Токе. Как только намечается заварушка между нами и мирами вне Конфедерации, они появляются, как шакалы. Армады пиратских кораблей... Не говоря уже о той цене, которой нам приходится расплачиваться за пристрастие к звездной пыли. Черт побери, половина флота связана защитой торговых путей. Выполнение четыре дробь шесть освободило бы эти корабли. А если мы покончим с сангарийцами, Мак-Гроу тоже придется прикрыть лавочку. Это аргументы за. Акидо! Возьмите на себя роль адвоката дьявола.

Это была старая игра. Намагуши хорошо знал своего командира.

— Сэр! С какими глазами сможем мы заявить народам Конфедерации — не говоря уже о наших союзниках, — что мы уничтожили целую расу? И это именно в тот момент, когда мы собираемся распалить их и оправдать наш превентивный удар, направленный против вида, который мы обвиняем в том же грехе? Боюсь, сэр, что эти позиции, мягко говоря, несовместимы. Я бы осмелился заметить, сэр, что этот путь ведет нас в моральную пропасть. Проще говоря, мы будем величайшими лицемерами, которых доводилось видеть вселенной.

— Фигня! — отчетливо отозвался Джонс. — Да среди нашего населения найдется только один на тысячу, кому придет в голову задуматься о противоречиях! Сначала они будут махать чепчиками в честь уничтожения сангарийцев, а потом подписываться за начало войны с извергами центральной расы. Акидо, мне кажется, ты переоцениваешь мистера Среднего Человека. Он не может даже уследить за своим кредитным балансом, не то что оценить моральный.

— Чарли, такое отношение может загубить Луну Командную. А погибнем мы — погибнет и Конфедерация. Погибнет Конфедерация — придут варвары. Говоря словами римского центуриона Публия Минутия, «мы и есть империя».

— Минуточку, — вмешался Бэкхарт. — Акидо, подойди-ка сюда. — Он толкнул по столу коммуникатор. — Вызови мне библиотеку и найди информацию по этому Минутию.

— Хм-м...

— Так я и думал. Еще один твой авторитет из минувших веков.

Намагуши рассмеялся. Это его любимый трюк, и шеф был единственным человеком, которому каждый раз удавалось его поймать.

— На самом деле старик Публий, наверное, изрек что-то вроде: «Эй, приятель, где здесь ближайший бордель?», но я готов поставить на карту мою репутацию и биться об заклад, что какой-нибудь римский солдат все же изрек нечто подобное. Это правда. Армия действительно была империей.

— У тебя нет репутации, которую можно поставить, Акидо, — подколот Джонс.

— Армии очень помогало, что все жители римских провинций придерживались многих неписанных правил, Акидо, — заметил Бэкхарт. — Но мы отклонились от темы. Что там с отчетом Мак-Кленнона?

— Над ним все еще работают. Первые тезисы должны поступить с минуты на минуту. Главное, что нам удалось узнать, — это что звездолеты

попытались взять Звездный Рубеж. Так что вы и здесь угадали.

— Это не догадка. Это внутренняя информация.

— Что бы это ни было. И именно там Шторм обнаружил данные о планете сангарийцев. Пиратские корабли напали там на флот траулеров, пройдя по короткому пути. Дело в том, что сейнеры вполне могли добиться цели. Они не стали пытаться, потому что сангарийцы их потрепали.

— Когда этих ребят депрограммируют? Я хочу их видеть.

Тишина охватила комнату, как кошка хватается мыш. Молчание тянулось, пока не перешло в неловкость.

— Итак?

— Хм-м...

— Хватит ходить вокруг да около, Акидо. Говори прямо. Кто пострадал? Насколько сильно?

— Дело не в этом, сэр. Они не вернулись.

— Погибли? Тогда как?..

— Они живы. Но они перешли к ним.

— Они — что?

— Если вы помните, Мак-Кленнон был на это запрограммирован.

— Знаю. Это была моя идея. Но мы вовсе не предполагали, что он попытается сделать на

этом карьере. Он не был депрограммирован? А что, черт возьми, приключилось со Штормом? Как он там увяз? Почему он не вытащил оттуда Томаса?

— Мы работаем над этим, сэр. Опрашиваем вернувшихся. Если нам удастся до них добраться. Они вернулись на Карсон и успели разбежаться в разные стороны раньше, чем мы узнали о случившемся. Насколько можно сейчас судить, Шторм остался потому, что не хотел бросать Мак-Кленнона в одиночестве. Должно быть, в программировании была ошибка. Мак-Кленнон попросил разрешения остаться. Шторму не дали его оттуда вытащить.

— Ясно. Это похоже на Мауса. Не бросай своих раненых. Совсем как его отец. Я знал Гнея Шторма. Его, по сути дела, погубило именно чувство чести. Что ж, у меня тоже есть честь, даже если за долгие годы в этом кресле она несколько полиняла. Я тоже не бросаю своих раненых. Акидо, я хочу, чтобы мальчиков оттуда вытащили.

Джонс фыркнул.

— Чарльз? У тебя что, гвоздь в стуле?

— Я просто подумал, что тот, кто так заботится о своих людях, как вы утверждаете, не стал бы кидать их обратно в печку, пока они не ос-

тыли после заварушки на Сломанных Крыльях. А вы их выпихнули прежде, чем они остыли от...

— Эй, Чарли! Моя совесть — она моя. И мне с этим жить, не тебе.

— Шторм мог с этим сладить. Он не проходил глубокого психопрограммирования. А вот Мак-Кленнон... Пожалуй, вы его перегрузили. Даже в лучшие свои времена он был слегка слонтяем.

— Хватит. Я хочу, чтобы мы здесь и сейчас прекратили оплакивать Шторма и Мак-Кленнона. Это ясно? И давайте начнем думать, как их оттуда вытащить. А в свободное время побеспокоимся и о четыре дробь шесть. А перед сном, если у вас вдруг появится соблазн терять на него драгоценное время, помучайтесь над тем, как нам прижать сейнеров раньше, чем они приберут к рукам Звездный Рубеж.

— Сэр? — не понял Намагуши.

— Кто-то из вас, обезьяны, только что говорил, что сейнеры уверены в победе. Вы знаете, что будет, если им удастся?

— Сэр?

— Нам останется только поцеловать себя в задницу на прощание. Потому что мы тогда покойники. Можем надеяться, но уже в очереди в морг.

— На этот раз мне не удастся следить за вашей мыслью, сэр.

— Потому что ты не видишь картину в целом. Гештальт, как говорят немцы. Если они доберутся до этого оружия раньше нас, то мы можем тогда месить песок и ждать, пока он застынет. Контроль над производством амбры нам захватить не удастся, следовательно, флоту придется обходиться без адекватной инстинктивной связи, следовательно, наши шансы против этих тварей из центра становятся пшиком. Это тебе не трусоватые улантиды, которые собирались нас слегка выпороть, а потом честно пожать руку.

— И обратно, — сказал Намагуши, — если нам удастся вовремя взять звездоловов на мушку, то мы не только сможем оснастить флот, но и получим оборонный потенциал Звездного Рубежа. Если его удастся использовать.

— Вот! — Бэкхарт повернулся к остальным. — Теперь понимаете, почему Акидо у нас кронпринц? Берешь палку и долго по нему колотишь, тогда он начинает думать. Устроим мозговой штурм, джентльмены. На тему превращения пассивов в активы.

— Касательно парадокса четыре дробь шесть, — начал Джонс. — Должным образом

организованная утечка должной информации в должное время и в должном месте могла бы обеспечить Луне Командной такой поворот общественного мнения, что истребление сангарийцев станет требованием народа. В Бюро Общественных Связей есть несколько настоящих профессионалов. Они проделали чертовскую работу, создавая атмосферу напряжения просто намеками на мартовские беспорядки. Что, если они сейчас дадут чуть-чуть пробиться истине? Ровно настолько, чтобы возникли вопросы: какой же на самом деле ужас мы скрываем, создавая плохую прессу нашим друзьям с Уланта? Нет ничего, что публика заглотает охотнее, чем историю о заговоре. Особенно о заговоре молчания.

— Что я вижу! — воскликнул Бэкхарт. — У двух моих сотрудников работают мозги? И одновременно? Джентльмены, начало положено. Итак, у нас есть пара направлений работы. Как вы думаете, дадут нам сыграть музыку к этому спектаклю?

— А почему бы нам просто ее не сыграть? Не в первый раз.

— Однако этот раз может стать последним. Мы на перепутье. Мы — я имею в виду каждого на Луне Командной — собираемся дать тонкую

настройку механизму всей Луны Командной. И эта работа не потерпит наших игр друг с другом. Времени до стычки с центральной расой так мало... В общем, план простой. Мы должны ударить первыми, ударить сильно и продолжать бить всем, что у нас есть.

— Так же, как бил нас Улант?

— Именно так. Генеральный штаб Примы Защиты тоже строит планы — по данным своей разведки. Она будут вносить в них изменения ежедневно, чтобы как можно точнее отражать реальную ситуацию. Если у нас появятся какие-то предложения, то их тоже включают в программу. Если орда из центра сделает что-то неожиданное, они и это учтут. Они выслали вперед целый флот кораблей-смертников. И разведывательных кораблей с инстелом для передачи информации в реальном времени.

— Сэр, прежде эта стратегия не принесла Уланту успеха.

— И может не принести и на сей раз, но это лучшее, что у нас есть. Аналитики Уланта рисуют очень мрачную картину. Численность... Вы увидите видеозаписи. Пока будете смотреть, помните, что видите лишь один из флотов. Улан-тиды обнаружили еще четыре. Впечатление

такое, что они просто перелетают вслед за роем разведчиков, идя вдоль нашего рукава и уничтожая любой обитаемый мир с любой разумной жизнью.

Загудел сигнал связи. Бэкхарт щелкнул переключателем.

— Бэкхарт слушает. Да, сэр.

Звук был однонаправленным, а изображение — плоским. Собравшиеся в кабинете не могли ни слышать разговора, ни узнать вызывающего. Наконец после долгого молчания Бэкхарт произнес «Так точно, сэр» довольно тусклым голосом и дал отбой.

— Это был Начальник Генштаба Флота. Они решили выполнить четыре дробь шесть, но не собираются дать нам провести операцию. Он сказал, что они используют фон Драхова, но контроль над операцией будет за научно-исследовательским управлением.

— Научно-исследовательским? Что за черт?

— Им-то какое дело? Значит, мы чего-то не знаем.

Снова раздался сигнал связи. Ответил Бэкхарт, но тут же повернулся к Джонсу:

— Это тебя, Чарли.

Джонс примостился на краешке безбрежного стола и развернул аппарат к себе.

— Докладывайте. — Через несколько секунд его высокая, тощая и черная фигура задрожала от возбуждения. — Хорошо. Понял. Благодарю вас.

— Ну? — прорычал Бэкхарт.

— Один из моих сотрудников по электронному перехвату. Они только что зафиксировали обращение Совета Звездоловов к Сенату Конфедерации. Обычный запрос на таможенные льготы для проведения аукциона амбры. Просят провести его на Сломанных Крыльях. Правила и взаимные обязательства обычные. Такой запрос посылается каждый раз, когда они проводят аукцион на одном из миров Конфедерации.

— Сломанные Крылья недалеко от Звездного Рубежа. Есть какие-нибудь еще причины для волнения?

— Спонсором аукциона будет флот Пейна.

Бэкхарт смотрел на свои руки дольше минуты. И поднял голову с блаженным лицом.

— Джентльмены, в конце концов боги нас любят. Отменить все увольнительные. Все сданные в аренду вычислительные мощности вернуть в наше распоряжение. Объявить о сверхурочных работах. Для всех, включая уборщиков и операторов машин уничтожения документов. У меня такое чувство, что нам все же удастся выкараб-

каться из этой навозной кучи. — Он разразился демоническим смехом. — Смотреть в оба и держать ушки на макушке, джентльмены. Вся входящая информация — *буквально* вся — должна прогоняться через главную программу для поиска любых корреляций. Группы программистов пусть начнут обрабатывать имеющуюся информацию. Я хочу иметь самую большую и самую лучшую, черт побери, модель ситуации, какая возможна вне Управления Стратегического Анализа Генштаба. Посмотрим, не удастся ли нам спрессовать это все в большой и красивый пакет.

Бэкхарт поднялся из-за стола и отпер свой личный бар. Он достал бокалы и полгаллона подлинного скотча со Старой Земли, который он приберегал для случаев, бывающих раз в тысячелетие.

— За успехи и победы, джентльмены! Надеюсь, что наши, — провозгласил он и налил всем двойную порцию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: 3049 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Пять огромных траулеров еле двигались. Их скорость по отношению к осколкам едва доходила до трех километров в час. Похожие на москитов корабли сопровождения кружили впереди и по бокам этой процессии, отпихивая любую летающую гору, грозившую столкновением.

Обидно было смотреть, как приходилось ползти этим быстроходным чудищам глубокого космоса. Где-нибудь в другом месте они могли бы рвануть вперед и оставить свет ковылять за собой, как инвалида за олимпийским бегуном. А здесь они не могли выдержать темп ленивой стариковской прогулки.

Уже неделю эти помятые остатки флота Пейна были в пути.

Плотный каменный пояс сменился не столь захламленным регионом, где в основном попада-

лись обломки астероидов размером с небольшую луну. Траулеры стали набирать скорость. Караван растянулся.

— Мойше, ты все спрашивал о Верфях. Так вот они, — сказала Эми и указала на смотровой экран, перед которым они стояли.

— Да, но... — Мойше не видел ничего, кроме большого астероида, освещенного мощными огнями «Даниона». Вокруг него вращалось несколько бульжников поменьше. Фон был черен, без единой звезды. Все внешние источники света были скрыты пылью туманности.

«Данион» медленно подходил к большому астероиду.

— Что «но»?

— Здесь же ничего нет. Задний двор вселенной. Я ожидал тайной планеты. Может, даже Осириса. Чего-то из эпохи Первой Экспансии. Небывалых городов, сухих доков...

— Планетарных доков? А как ввести «Данион» в атмосферу? Или вытащить его потом из гравитационного колодца? Из кораблей вашего флота не многие могли бы попытаться.

— Но для ремонта корабля такого размера нужны тысячи людей. Десятки тысяч. Не говоря о черт знает как развитой промышленной базе и каком-нибудь хоть самом допотопном доке.

— Док прямо перед тобой.

— Что? Где?

— Смотри и увидишь.

Он стал смотреть. И увидел.

От астероида начал отделяться кусок скалы гаргантюанских размеров. Постепенно открывалась ярко освещенная пещера, достаточно большая, чтобы вместить в себя траулер. Оттуда выпорхнули буксирные суда. Часть их стала толкать крышку, другие устремились к «Даниону», как прилежные пчелы к клеверной лужайке.

Бен-Раби разглядел вдалеке смутное сияние. Еще один астероид открывал свою каменную пасть.

— Мы заберемся внутрь?

— Точно. Ты на удивление быстро соображаешь.

— Хорошенькая пасть.

— Они запрут за ними дверь и заполнят пещеру воздухом. Так работа пойдет быстрее, а док укроет нас от любопытных.

— Какой дурак полезет в эту каменную кашу? Эти летающие жернова превратят его в муку.

Бен-Раби был удивлен стремлением сейнеров нырнуть в туманность даже больше, чем самим существованием туманности. Подобные астеро-

идные мели встречались и в других пылевых туманностях.

— Нет, любопытных тут хватает. Мойше, это же туманность Трех Небес.

— Нет? Правда? Да, кажется, ты не шутишь.

Одна из самых жестоких битв Улантской войны развернулась на окраинных мелях туманности Трех Небес. После войны уцелевшие, вернувшиеся из плена, рассказывали о дрейфующих в туманности брошенных кораблях. Были среди них разбитые вдребезги, были и практически невредимые.

Туманность Трех Небес сразу обрела славу Саргассов космоса. Бросившиеся сюда на охоту за кораблями чужаков искатели сокровищ, ксеоархеологи и официальные исследователи редко возвращались назад.

— Экспедиции... в этом районе пропало пятнадцать или двадцать кораблей. Что с ними случилось?

— Мы интернировали их прежде, чем им удалось что-нибудь найти и броситься домой докладывать. Теперь они занимаются тем, для чего сюда и прибыли. Они только не могут вернуться домой.

— А зачем рисковать и устраивать базу здесь, где такое оживленное движение?

— Риск не так уж велик. Посетители заглядывают не часто — мало кто суется в район, откуда никто не возвращается. К тому же это последнее место, в котором нас станут искать.

— И все же... Время от времени на Луне Командной начинают поговаривать о том, чтобы послать сюда эскадрон истребителей для поддержки исследовательских кораблей. На случай, если корабли захватывают сангарийцы или Мак-Гроу.

— Если это произойдет, мы будем сражаться. И победим. Только дурак решится атаковать крепость, в которую мы превратили туманность Трех Небес. Мы обосновались здесь еще до Улантской войны. И времени на подготовку нам хватило. Это будет похоже на партизанскую войну. Мы считаем, что можем противостоять Конфедерации — если придется.

— Думаю, ваш оптимизм несколько преувеличен. Особенно для людей, которые не в состоянии справиться даже с акулами. Скажу наверное, когда увижу подробнее.

— Зачем ты это говоришь?

— Потому что я еще не встречал ни одного сейнера, который имел бы хоть малейшее представление о том, как велика и сильна Конфедерация. Или на что способна Луна Командная, когда поставит себе цель. Или что ваше ору-

жие — музейные экспонаты. На «Данионе» установлены тонны оружия, но один боевой корабль класса «Империя» мог бы изрубить в котлеты весь траулерный флот и даже не вспотеть.

— Думаю, ты сильно переоцениваешь свой флот. Наши недостатки были учтены при составлении планов обороны.

Бен-Раби решил, что лучше не спорить. Каждый из них говорил правду, и другой это знал.

— А детские сады у вас тоже здесь?

— Несколько. Со временем они все здесь будут: Колонизировать туманность — большая работа.

— Думаю, главным образом это техническая проблема.

— Да, но это требует времени и денег. Особенно денег. Нам приходится покупать все, что мы не можем производить самостоятельно, а это значит, что нам каждый раз приходится ждать аукциона, так как кредит наш очень ограничен.

— Ага, теперь я начинаю понимать, почему хорошим врачам приходится работать с примитивным оборудованием.

— Мы уже колонизировали более семи тысяч астероидов, Мойше, — гордо заявила Эми. — Но это только начало. Траулеры пострадали. Наши тайные убежища переполнены. Две сотни

лет мы принимали к себе изгнанников Конфедерации — тех, кто не пошел за Мак-Гроу и не бежал во внешние миры.

Выражение «внешние миры» было столь же относительным, сколь и выражение «за пределами». Для бен-Раби, уроженца Старой Земли, это означало все, кроме самой Земли. На Луне Командной под «внешними мирами» понимались планеты, не принадлежавшие к одной из семи планет—основательниц Конфедерации. Эти семь планет обычно называли себя Внутренними Мирами. Но на нечетко определенных границах Конфедерации внешними мирами называли населенные людьми планеты, не подписавшие федеральный пакт. Бен-Раби не знал, что именно имела в виду Эми.

— Ты не ответила на мой вопрос, — сказал он. — Почему именно здесь?

— Из-за промышленных преимуществ. Истории, которые рассказывали эти интернированные, оказались правдой. Здесь вокруг полно всякого лома. Нам удалось отыскать более тридцати тысяч обломков и покинутых кораблей. Построенных семью различными расами.

— Правда? — Мойше забарабанил пальцами. Он мог назвать пять, не считая человечества.

Шесть, если считать доисторическую расу, которая построила Звездный Рубеж.

— Ну, улантские и людские, это понятно. Остались от войны. А что за остальные пять?

— Я думала, ты спросишь, зачем им было сюда прилетать.

Бен-Раби нахмурился. Хотела она поддеть его, показав, что знает больше, чем он? Подчеркнуть минимальное преимущество? Практически о любом предмете он знал больше, чем она, и она, кажется, воспринимала это как личное оскорбление.

— Думаю, потому что это подходящее место для засады. Вот зачем во время войны сюда пришел «Каролинец».

Ее улыбка исчезла.

— Да, и еще потому, что туманность лежит недалеко от космических магистралей. Мойше, здесь бои шли столетиями. Если не миллионами лет. За исключением обломков от Улантской войны, которых я даже не считаю, ни один из кораблей не был построен расой, с которой вы встречались. Еще до того, как человек покинул Старую Землю, они успели вымереть. Или ушли из этой части галактики. Все они были раньше тех рас, с которыми нам доводилось сталкиваться.

— Спросите о них звездных рыб.

— Спрашивали, не такие уж мы дураки. Но им нечего особенно рассказывать. Расам, состоящим из твердой материи, они уделяют не больше внимания, чем мы бактериям. Даже меньше, потому что мы любопытны, а они — нет. Однако мы почти уверены, что одна группа кораблей принадлежала расе, которая переселила предков сангарийцев с Земли на их Метрополию, где бы она ни была.

— Да? Не рассказывайте об этом Маусу. Он из вас всю душу вытрясет, чтобы добраться до них.

Только в этом столетии генетики наконец признали издавна бытовавшее мнение о том, что сангарийцы и люди происходят от одного корня. Человек с улицы не поверил бы в параллельную эволюцию, настолько близкую, что ее результат неотличим от человечества. Ученые колебались, ссылаясь на то, что на Старой Земле не обнаружено никаких следов внеземного вторжения.

И вдруг на темной стороне Луны была обнаружена заброшенная подземная база чужаков. Это потребовало серьезного пересмотра некоторых устоявшихся принципов. А тут подоспели подтверждения сообщений о том, что человеческая женщина может забеременеть от мужчины-сангарийца.

Самый прославленный — или бесславный — из сангарийских агентов, Майкл Ди, был наполовину человеком.

— Мы защитим Мауса от него самого.

Бен-Раби пристально вгляделся в лицо Эми. У нее было какое-то до странности свирепое выражение.

— Эми, я пробыл здесь уже почти четырнадцать месяцев, а ты все продолжаешь меня удивлять. Когда же кончатся твои сюрпризы?

В ожидании ответа он продолжал рассматривать пустотелый астероид.

— Мойше, что случилось с людьми, которые построили Звездный Рубеж?

— Возможно, мы так никогда и не узнаем. Если только кому-нибудь не удастся взломать оборону планеты.

— Это сделаем мы. Мы отправляемся назад. Вопрос был риторический.

— Одну секунду! Назад? К Звездному Рубежу? После всего, что произошло? Да вы спятили. Вы все тут просто психи.

Эми рассмеялась:

— Мойше, когда они исчезли, они оставили свой корабль. Оставили их здесь. Только одному Богу известно, сколько здесь их. Три Неба занимают около одного кубического светового года.

Мы не исследовали и десятой части. У той расы здесь тоже были верфи и тайные убежища. Большинство кораблей, которые мы находим, принадлежали им. Мы думаем, что это была та самая раса, которая переселила сангарийцев. У нас есть исследователи, которые занимаются только одним — ищут их тайные убежища. Чем больше убежищ нам удастся отыскать, тем меньше придется строить самим.

— Она это серьезно, — проговорил он, обращаясь к черной пасти смотрового экрана.

— Абсолютно серьезно, дорогой. Абсолютно. Ну, на самом деле у нас нет *полной* уверенности в том, что все это — дело рук одной и той же расы, но компьютеры дают высокую вероятность. Видишь ли, Мойше, это в основном целые корабли, а не обломки. На некоторых даже до сих пор работают источники аварийного питания. Они пытаются отпугнуть нас мысленными шумами, как это делает Звездный Рубеж. К тому же на всех на них не хватает одного. Кто-то снял с них все вооружение. Жаль, что у нас нет в распоряжении целой армии ксеноархеологов и антропологов. Это по-настоящему интересно. Каждый раз, когда мы оказываемся здесь, я отправляюсь взглянуть, над чем они сейчас работают. Ученые не торопятся. В основном это те, кого

мы захватили, так что помогают они нам без особого энтузиазма. Иногда, правда, они готовят кое-кого из наших себе в помощники. Стариков или людей с врожденными дефектами, которые не способны ни на что другое.

— Это же бессмысленно, Эми. Люди не бросают хорошие корабли. И куда они отправлялись? Как? Почему? И если это именно они построили Звездный Рубеж, то зачем?

Она пожала плечами:

— Это же не люди, Мойше. Или люди не нашей породы. Не пытайся мерить их нашими мерками.

— Я этого и не делаю... хотя некоторые понятия, казалось бы, универсальны. Я просто обдумывал вопросы вслух.

— Вот из-за этих вопросов я и хотела бы, чтобы у нас было больше ученых. — Она переключила экран на носовую камеру. «Данион» уже глубоко вошел внутрь астероида. — Это могли быть те же самые существа, которые прорыли туннели на Луне Командной. Но так ли это? Есть ли связь между Луной, Тремя Небесами и Звездным Рубежом? Ждали они, что мы найдем Три Неба и Звездный Рубеж? Дали ли они нам головоломку, которую мы должны решить? Не испытывают ли нас?

— Ты думаешь, они планировали вернуться?

— Кто знает? Этим вопросам уже не меньше сотни лет, а ответы еще не родились. И если нам когда-нибудь удастся на них ответить, на место каждого решенного придут три новых. Как бы там ни было, эти древние корабли — главная причина того, что мы здесь. Некоторые мы восстанавливаем и используем. Из них получают отличные корабли сопровождения — если их удастся приспособить. Некоторые мы пускаем на слом, строим из них траулеры. Закупки на стороне мы делаем лишь в случае крайней необходимости. Обычно мы действуем через свободных торговцев, которые за комиссию делают для нас закупки на планетах и доставляют сюда, на один из астероидов на границе туманности. Они понимают, что это только перевалочный пункт, но не задают лишних вопросов. Лишние вопросы вредят бизнесу. И выследить нас они не особенно стараются. Хорошие ребята.

— Это камешек в наш огород?

— Если хочешь.

— Я подозревал свободных торговцев. Знал, что мы с Маусом попались не без их помощи. Слушай, есть у меня шансы взглянуть на один из этих кораблей? Я немного знаком с ксеноархеологией.

Перед его мысленным взором мелькнуло девичье лицо. Элис. Она была его возлюбленной, когда он учился в Академии. И работала тогда помощником на раскопках базы чужаков на Луне. Кое-чему научила его она, а остальному — Бюро.

Рано или поздно Бюро учило всему.

— Тебе придется спросить Ярла. Но не думаю, что он это позволит. Мы будем чертовски заняты восстановлением «Даниона». А кроме того, у тебя еще твои гражданские занятия и пивные вечера у Мауса.

— Только не начинай все сначала. Он мой друг, и я не собираюсь отказываться от нашей дружбы. Пара партий в шахматы время от времени никому не повредит. Если вы считаете, что мы готовим заговор против Великой Империи Сейнеров, лейтенант, можете организовать за нами надзор.

Она пропустила его сарказм мимо ушей.

— Мне не кажется, что это нужно. Я всегда... — Она остановилась, удержавшись от размахивания красным флагом. Их точки зрения давно определились, и спорить было бессмысленно. — Мойше, нам надо побыстрее привести в чувство «Данион». Флоты идут сюда. Как только они прибудут, мы отправимся на аукцион и на новую атаку на Звездный Рубеж.

— Звездный Рубеж, Звездный Рубеж! Я только о нем и слышу. Что за безумная идея. Эми, зачем нам второй раз совать шею в одну и ту же петлю? Посмотри, как дорого это обошлось в прошлый раз. Вспомни, я ведь тоже там был, был снаружи, со звездными рыбами. Я знаю, на что способна эта планета.

— Нам просто необходимо это оружие, Мойше. Ты видел доклад о потерях. Ты видел прогнозы. То, что творят акулы сейчас, через десять лет будет верхом миролюбия. Речь идет о выживании, любимый мой. А ты все еще мыслишь категориями политики.

— Вы просто готовите себе гибель.

— В противном случае — тоже верная гибель. Но мы справимся со Звездным Рубежом. Честно. Рыбы действительно знают, как открыть туда дорогу. Они отыскивали ключ, когда мы были там в последний раз.

— Да? — Головастик ничем на это не намекнул. — А сангарийцы или Конфедерация...

— Пусть хорошо рассчитают силы, Мойше, если собираются украсть у нас Звездный Рубеж. Потому что драка будет адская. Нас много, милый. И мы хотим драки. Времени такого не помню, когда бы нас не провоцировали. И нам надоело. Как только это оружие станет нашим...

— И еще акулы, милая. Не забудь об акулах. Да, веселенькая будет вечеринка. Как бы мне умудриться перевестись на наземную работу?

— А не надо умудряться. — Она рассмеялась. — Я только два часа как узнала. Вас переводят в Службу Безопасности для работы на аукционе.

Она не сказала ему, что аукцион будет только подготовкой к более серьезной программе. Если они со Штормом покажут себя хорошими и верными работниками, то им поручат организовать собственную службу разведки. Эми не была уверена, что даже ее собственный шеф, Ярл Киндервоорт, уже поставлен в известность. Кажется, командир корабля не горел особым желанием обсуждать с ним свои планы.

— Аукцион? Об этом Маус всю жизнь мечтал. Как он в это влип?

— Ну, во-первых, не он один. Ты тоже. Через пару дней на борт начнут прибывать наши новые телетехи, а ты перейдешь в новый проект.

— Почему?

— Потому что бывал на Сломанных Крыльях.

— Да. И хотел бы об этом забыть.

Предыдущее задание Бюро привело его на Сломанные Крылья. Гнусное было дело.

— Именно там будет проводиться аукцион. Мы уже послали запрос на разрешение. Теперь остаются только чистые формальности.

— Формальности? Хочешь пари, что там будет шпион на шпионе, и от Конфедерации, и от сангарийцев? Ваш народ мало в ком вызывает добрые чувства...

— Она тебя здорово зацепила, да?

— Кто она?

— Та женщина, сангарийка. Эта... Мария Штрехльшвайтер.

— Что? Откуда ты знаешь?.. Маус. Язык бы ему оттяпать!

— Он это сообщил не слишком добровольно. И не мне, а Ярлу. Я обнаружила это, когда полезла в твое дело за чем-то другим.

— Ладно. — Его сердце бешено колотилось, а почему — он не мог бы объяснить даже себе. Да, влюбился он в ту женщину. Тогда он не знал, что она сангарийка. — Это уже в прошлом.

— Знаю. И давно знаю. Маус написал этот рапорт после того, как ты в нее стрелял. Мне кажется, он считал важным, чтобы Ярл понял, через что ты прошел.

Это было не похоже на Мауса.

— Она бы убила всех нас. Рано или поздно. Мне пришлось это сделать. Раньше я никого не убивал.

— В особенности тех, кого ты еще наполовину любил.

— Да. Можно сменить тему?

— А Маус на самом деле это сделал? Вколол ее детям звездную пыль?

— Да. Маус играет не на жизнь, а на смерть. И с совестью при этом в ладу. У меня не так.

— Ты и правда думаешь, что сангарийцы будут на аукционе?

— Будут. Они жаждут мести не меньше, чем Маус. Эми, я не хочу в это ввязываться. Я доволен своим положением. Мне нравится контактировать. Головастик — отличный друг. Просто сначала я был немного испуган. Я ведь начал со знакомства с другими членами стада... Черт побери, иногда я вхожу в контакт, чтобы просто посвистеть с Головастиком.

Бен-Раби говорил со звездной рыбой так свободно, как не мог бы ни с одним человеком. Позволяя звездной рыбе заглянуть в свои мысли, он не чувствовал себя обнаженным. Головастик не делал моральных оценок, к тому же его мораль не была человеческой. По сути дела, именно он помог Мойше обрести хоть какой-то мир с самим собой.

Некоторые уголки его сознания так и остались недоступны для звездной рыбы. За прочны-

ми стенами скрывались целые годы его прошлого. Мойше даже представить себе не мог, что там таится. У него не было ощущения, будто в его прошлом чего-то недостает.

Жизнь у сейнеров изменила не только его, но и Мауса тоже, подумал он. Шторм стал еще более уверенным в себе, надулся, как воздушный шар. И бен-Раби не удавалось выпустить из него воздух. Пару вечеров в неделю играть в шахматы — не то же самое, что каждую минуту стоять спина к спине под огнем.

Маус родился оперативником. Он поменял хозяина, но не профессию. Теперь он работал в команде Ярла Киндервоорта.

Полная свобода. Именно ее узнал бен-Раби после выхода из госпиталя. Да, именно так. Единственное, что слегка давило, так это настойчивые намеки Эми на брак. Неврозы его под влиянием Головастика ослабели, хотя, когда он попал к сейнерам, их бы хватило на двоих.

— Тут уже ничего особенного не увидишь, — заметила Эми.

Кормовые камеры тоже уже оказались внутри астероида. Буксиры тянули пробку на место.

— Что? Ах, да. Надо бы попрощаться с Головастиком.

Он добрался до рубки контакта быстро, почти как в день битвы.

— Клара, где Ганс?

— Ушел. Нам пока нечего делать.

— Мне надо войти в контакт. А то говорят, что меня переводят.

— Не получится. Мы уже закрылись, Мойше. Через пару минут отключат питание. Да и стадо уже должно было выйти за дистанцию контакта.

— Клара, мне вряд ли представится другой шанс.

— Эх, Мойше, глупо это... Ладно. Ложись в кресло.

За пару секунд она обработала ему голову и надела сетку. Он еще не успел отдышаться, а шлем уже был у него на голове.

Мойше перешел в зону перехода и сразу дальше.

Туманность горела невероятными цветами. Жутковатое было место для глаз, совершенно темное, за исключением тех мест, которые освещались искусственно. В своей внутренней вселенной Мойше мог потянуться и прикоснуться к каждой отдельной искорке. Вот облака люминесцентной пыли. Вот сияющие астерониды, величественно вращающиеся вокруг центра туманности по орбитам с периодами в миллионы лет.

Мойше даже почувствовал зарождающуюся звезду, дремавшую в сердце туманности. Она спокойно спала в утробе времени, собирая силы, чтобы сиять миллиарды лет.

— Головастик, — позвал он, пробиваясь сквозь бурю цветов. — Ты здесь? Ты меня слышишь?

Сначала он думал, что ответа не дождется. Стадо расположилось далеко от границ туманности, за болевым порогом ее гравитации. Вдруг послышалось:

— Мойше, человек-друг? Что случилось?

Наконец-то!

Контакт был исчезающе слаб. Мойше едва различал мысли звездной рыбы. Ему никак не удалось нащупать друга своим внутренним зрением.

— Я пришел попрощаться, Головастик. Мне сказали, что я больше не буду телетехом. Ты был прав. Они хотят, чтобы я снова стал тем, чем был.

— О, я опечален, человек-друг Мойше. Я опечален, потому что печален ты. Мы были хорошими друзьями. И мне приятно, что ты счел важным мне сказать. Другие контактеры просто исчезали. Может быть, в этот последний раз мы снимем с тобой эти барьеры, человек-друг Мойше.

Но и на этот раз перегородки в сознании Мойше не поддались.

— Мойше, — за многие километры долетел голос Клары. — Сейчас отключат питание. Тебе пора возвращаться.

— Прощай, человек-друг Мойше.

Бен-Раби ощутил грусть звездной рыбы.

— Счастливого плавания, золотой дракон, — прошептал он. — Мое сердце будет вместе с тобой в твоём долгом темном путешествии.

Печаль Головастика взмыла волной и охватила Мойше. Этого нельзя было вынести, и Мойше щелкнул левым выключателем.

Боли почти не было. Он очень недолго был во внутренней вселенной.

— Не надо, Клара.

Он оттолкнул шприц.

— Мойше, ты плачешь.

— Нет.

— Но...

— Не надо. Оставь меня в покое.

— Хорошо.

Судя по голосу, она обиделась. Он привстал в кресле и притянул ее к себе.

— Прости, Клара. Мы знакомы с тобой недавно, но ты была мне хорошим другом. Мне будет не хватать тебя... и Ганса тоже. Передай ему, чтобы вел себя как следует.

— Я прослежу. Он мой внук.

— Ого, я и не знал.

А что там было с сестрой Ганса? Или с матерью? Ах, да. Погибла на «Джаризэле». Клара ничем не выдала горя.

— Клара... Клара, приходи нас навестить. Придешь?

— Приду.

— Обещашь? Эми будет счастлива с тобой познакомиться.

— Обещаю. А теперь убирайся отсюда, пока никто не позвонил шефу и не спросил, что за чертовщина тут творится.

— Спасибо, Клара. За все спасибо.

Назад Мойише возвращался не так поспешно. Он не рвался домой. Там ждет Эми с очередным лишенным изобретательности заходом на счет законного брака.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:
3049 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

— Что случилось? — спросил бен-Раби. Он явился домой и застал Эми в неглиже. Всю неделю она играла в эти телесные игры. Играла в надежде, что плотское желание толкнет его на предложение. Ее ждало разочарование. Ему не семнадцать лет.

Эта тактика не очень удачно вписывалась в их отношения. Да и какое может быть будущее у отношений, в которых одна сторона вымогает чего-то у другой. Долго такого никто не вынесет. Бен-Раби считал, что свою долю таких отношений он вылебал еще с Элис.

Не поэтому ли он так уперся? Потому что Эми вела себя как избалованный ребенок?

Так почему бы и нет? Если он хочет жить в этом обществе, то должен подчиниться его культуре. А в ней не очень жаловали застарелых холостяков.

Старых холостяков, как правило, выталкивали за пределы общества. Там он теперь и оказался. Да и Маус, несмотря на источаемое им обаяние, тоже начинал скользить вниз. Роящихся вокруг него дам стало поменьше. Он слишком ясно показал, что годится только для развлечений, а не для долгой старомодной верности.

Эми — лучшее, что есть. Так в чем же дело?

Отчасти — в привычке. Он слишком долго был одиночкой, связанным профессией, где привязанность к человеку слишком легко становилась кандалами смерти. Вот почему задание за заданием он боролся с дружбой, крепнувшей между ним и Маусом.

Это ему не удалось, и Маусу тоже. Сейчас, правда, редко им удается увидаться... Жаль. Когда они наконец с этим смирились, жизнь вновь вывернулась и пустила их по расходящимся дорогам.

Но это кончится, когда он перейдет в Службу Безопасности. Или нет?

— Во всем есть своя светлая сторона, — сказал вполголоса Мойше.

Думая о Маусе, он вспомнил о последнем совместном вечере. Он мог бы поклясться, что Маус намекал, будто с Эми надо что-то решать. Да это у них заговор!

За каким чертом Маусу его женить? Маус в институт брака не верит.

Следовало решиться. Но не слишком скоро. Нельзя, чтобы Эми думала, будто может им манипулировать.

Мойше обхватил голову руками, пытаясь уследить за мыслями, виляющими по причудливым путям. Путям, уводящим иногда далеко от здравого рассудка. Были моменты, когда он не знал, кто он и где он. Иногда он не понимал, что происходит вокруг и почему. Иногда он просыпался, думая, что вернулся на Сломанные Крылья или на Луну Командную. Однажды ночью, в постели, он назвал Эми Макс... А как-то раз ему показалось, что она — Грета... Однако, как бы тревожно эти случаи ни выглядели, это были отдельные случаи. До сих пор.

Они с Эми неистово, отчаянно предались любви.

Сразу после этого она немедленно начала одеваться.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты забыл? Сегодня мы ужинаем с шейхом и его гаремом.

— Одну вещь я тебе сейчас скажу, женщина. И постарайся раз и навсегда понять. Этот человек — мой друг. Смирись с этим.

Мойше забыл об ужине. Совершенно забыл. И тени воспоминаний не было, что договаривались.

Часом позже они встретились с Маусом и редющей компанией его куколок. У бен-Раби помимо воли забегали глаза. С Маусом было несколько милашек, с которыми сам Мойше тоже не возражал бы полежать. И он старался, чтобы Эми не заметила его взгляды. Уж если женщина так ревнует к другу...

«Это дело кончится неприятностями», — подумал он.

Вдруг появился Киндервоорт.

Ярл Киндервоорт был высоким, худым человеком, напоминавшим Дон Кихота или Бледного Императора из «Ярких золотых знамен» Чижевского. Как Эми и большинство сейнеров «Даниона», он был светлокожим, светловолосым и голубоглазым. Бен-Раби восхищался им как личностью и питал физическое отвращение к его внешности. Этого смешанного чувства он сам не мог понять.

Положение Киндервоорта в иерархии «Даниона» Мойше представлял себе не до конца. Очевидно, что Киндервоорт — непосредственный начальник Эми. Эми была всего лишь лей-

тенантом, младшим офицером, но при этом ее начальник отвечал за всю службу безопасности «Даниона». Людей на корабле было не меньше, чем в приличном городе. Возможно ли, чтобы полиция была так малочисленна?

Высокие скулы и квадратный подбородок Киндервоорта придавали ему сходство с черепом. Его прозрачные глаза редко светились улыбкой. Холодному взгляду у него мог бы поучиться и сам Маус. При этом он был истинно добрым и отзывчивым человеком.

— Можно к вам присоединиться? — спросил он.

— Конечно, Ярл, — отозвался Маус. — Всегда тебе рады.

Эми и бен-Раби кивнули. Киндервоорт уселся за стол и уткнулся в свой поднос с ужином. Он не участвовал в веселой перепалке. Не участвовал в ней и бен-Раби, а вот Эми как-то приободрилась и даже затеяла с Маусом пикировку рискованными шуточками.

— Ты уже сказала ему? — спросил Киндервоорт во время десерта.

— Что? Ох, я забыла, — отозвалась Эми.

— Сказала что? — спросил бен-Раби.

— Тебя переводят в Службу Безопасности. С завтрашнего дня. Будешь работать по аукциону.

— Ах, это. Я знаю.

— Кто тебе сказал?

— Я же не дурак, Ярл. Я могу играть дурака, но я подготовленный профессионал. Умею смотреть по сторонам и складывать два и два.

— Вот именно. Поэтому мы и хотим, чтобы ты работал по аукциону. Ты профессионал. И знаешь Сломанные Крылья. На этот раз флот Пейна получил неплохой пинок под зад. Пейн думает, что «Даннион» должен обеспечить необходимую защиту нашей команды, которая будет участвовать в аукционе. Между нами, я думаю, что нам поручили аукцион потому, что Граберу не нужны на Звездном Рубеже люди Пейна.

— Что? Звездный Рубеж? Боже милостивый! Мне только остается надеяться, что явится черная дыра и заглотит эту ружейную пирамиду, как вишню в шоколаде.

— Мойше! Какого черта...

— Ярл, вы просто спятили, парни. Все до единого. Я не стану стоять на ступенях сената и вопить «Ид марта берегись!», но только потому, что ни у одного болвана ума не хватит послушать. Вы там угробитесь. Неужели никому не удастся вбить это в ваши дубовые головы? Впрочем, мне-то какое дело? Я всего лишь угроблюсь

с вами. Ладно. Но зачем я вам на Сломанных Крыльях?

— Ты будешь начальником смены Безопасности в Городе Ангелов. Ночной смены. Людей тебе я уже подобрал. И хочу, чтобы ты завтра начал их обучать. По нашим данным, дело может быть серьезным.

— Что я тебе говорил? — обратился бен-Раби к Эми, а потом снова повернулся к Киндервоорту: — Я рискую показаться нескромным, но почему именно я?

— Ты и Маус, вместе. Потому что вы знаете город.

— Ага. А Маусу, значит, поручается другая смена? Двенадцать часов кряду. Подожди-ка. На Сломанных Крыльях будет только девять, но и это достаточно хреново. Глядеть и глядеть, а за каждым углом прячутся ребята, готовые превратить тебя в пару головешек. Ты знаешь, во что ты нас просишь влезть?

— Во что?

Киндервоорт не смотрел ему в глаза. Он знал.

— Маус убил ее детей. Я стрелял в нее на корабле. Ты ее отпустил. Она будет там, даже если ей придется полгалактики проползти на брюхе. Как только она узнает, что наш флот готовится к аукциону... Она не станет заботиться

о том, чтобы получить одобрение своего народа. Она явится туда, Киндервоорт. Вооруженная всем, что только найдет. Подумай об этом. Возможно, Главы поддержат ее, даже если им это будет не по вкусу. Им будет чертовски интересно узнать, что случилось с пиратским флотом у Звездного Рубежа.

— Еще что-нибудь, Мойше?

— А что?

— Мне хотелось бы выслушать все твои возражения прямо сейчас. Чтобы избавиться от них одним махом и заранее.

— Хорошо. Почему вы мне доверяете? Мне, которого вы застукали в тот самый момент, когда я наводил на ваше стадо Флот Конфедерации?

— По трем причинам. Во-первых, ты перешел на нашу сторону. Я видел результаты твоих тестов. Во-вторых, тебя порекомендовал командир корабля. А третью причину я лучше оставлю при себе.

Бен-Раби пытался припомнить те тесты, которые он проходил до и после того, как решил остаться со Звездными Рыбаками. Все они казались довольно рутинными, но он мог что-то и не понять.

— Обычная работа охранника? Три часа сна и десять минут на личные нужды каждый день, да?

— Возможно, — улынулся Киндервоорт.

Его улыбка не произвела на бен-Раби желаемого эффекта. Она показалась Мойше скорее мрачной, чем дружелюбной.

— Тогда мне лучше поскорее уладить свои дела. Потому что я не надеюсь выбраться из этого дела живым. Мне хотелось отложить это на несколько дней, но теперь... Маус, хочешь быть шафером? Ярл, тебя мы берем в свидетели. Приглашаются все. После церемонии вечеринка у меня. Если удастся раздобыть выпивку.

Несколько секунд все молчали. Маус тупо смотрел. Киндервоорту удалось принять удивленный и обрадованный вид. Девушки Мауса просто потерялись.

Эми продемонстрировала с полдюжины сменяющихся чувств. Непонимание. Растерянность. Недоверие. Шок. Разочарование, которое грозило обратиться в ярость.

— Так нечестно! — воскликнула она. Ей хотелось роскошного, пышного арханческого праздника со всем блеском былых королевских венчаний. — Ты надо мной смеешься?

Друзья знали, как она ждала его предложения.

Ему пришлось быстро ее разуверить.

— Ярл, мы можем сделать это прямо сейчас?

— Можем начать через десять минут, если ты серьезно.

— Давай.

— Мойше, это нечестно! — крикнула Эми. — Ты даже не спросил моего согласия! Я не одета, мне даже нечего надеть, и потом...

У нее в запасе оказался целый список «но». Бен-Раби и Киндервоорт спокойно ждали, когда она выскажет их все вслух.

— Эми, так мне звонить или нет? — спросил Киндервоорт.

— Черт! — Она стукнула по столу своими кулачками. — Да! Да, гром тебя разрази! Звони! Мойше бен-Раби, ты самый вредный, самый невыносимый тип, которого я в жизни встречала! Как ты мог со мной так поступить?

— Эй! Да ведь ты сама только об этом и говорила...

— Разве не чудесна любовь? — произнес Маус в пространство. Эми прекратила злиться. Взгляд Мауса предупредил ее, что не надо испытывать судьбу слишком сильно.

Церемония была совсем не та, что ей хотелось бы. Мойше поцеловал ее и прошептал:

— Если я выберусь оттуда живым, то мы устроим настоящую свадьбу. По всем правилам, как ты захочешь. Обещаю.

Когда начался прием, Киндервоорт отвел в сторону Мауса и бен-Раби.

— Наконец нам удалось кое-что узнать о подстраховщике.

Когда контрактники с планет поднимались на борт корабля, который должен был доставить их в Конфедерацию, какой-то человек попытался убить Мауса и бен-Раби, как только стало ясно, что они остаются. Потерпев неудачу, он совершил самоубийство. Тогда они решили, что это был подстраховщик, агент Бюро, которому поручили убрать их в случае провала.

— Наконец мы получили результаты вскрытия, — сказал Киндервоорт. — Это сангариец.

— Сангариец! — с презрительным отвращением произнес Маус.

— Да. И он действительно совершил самоубийство. У него было кольцо с ядом.

— Никто его не убивал? Второго подстраховщика не было? — Бен-Раби покачал головой. — В этом нет смысла.

— В этом не было смысла и тогда, когда мы думали, что их было двое и один скрылся, — проговорил Маус. — Мне кажется, это был человек Штрехльшвайтер, а не адмирала. В этом контексте смысл появляется. Ей чертовски хотелось добраться до нас.

— Именно так я и подумал, — вмешался Киндервоорт. — До сих пор у меня оставались подозрения, что все это могло быть подстроено. Чтобы ваш случай был правдоподобнее. Теперь это уже не кажется таким очевидным, и все же я в растерянности. Она все время была под наблюдением. В полной изоляции. Как ей удалось с кем-то связаться? Как она передала приказ, если даже предположить, что подстраховщик был запрограммирован? Если у вас появятся какие-нибудь предположения на этот счет, дайте мне знать. Не хотелось бы думать, что ей помогал кто-нибудь из наших.

— Ну... — Бен-Раби бросил взгляд на Мауса. Маус пожал плечами:

— Я был уверен, что подстраховщик — человек Бэкхарта.

— Вам доводилось слышать, чтобы сангариец кончал жизнь самоубийством?

— Это случалось. Вспомни Борровой.

— Это были дети. У них не было другого выхода, и они слишком много знали.

— Должно быть, его запрограммировали.

— Что здесь происходит? — спросила Эми. — Оплакиваешь жертву, Маус? Ты ведешь себя так, будто твой лучший друг только что умер.

— Поговорим потом, Маус. Нет, просто нам Ярл кое-что рассказал. Что-то вроде головокружки. Давай лучше потанцуем, милая.

Вечеринка выдалась невеселой. Длилась она недолго, как, впрочем, и медовый месяц. Рано утром Маус вытащил бен-Раби прямо из постели.

— Слушай, я ведь молодожен, чего ты пристал?

— Да брось ты. Ты уже восемь месяцев туда лазаешь, и от свадьбы ничего нового не появилось. Нас зовет Ярл. Пора приступать к подготовке.

Следующие четырнадцать часов бен-Раби провел, рассказывая о Городе Ангелов, изучая карты и уча новобранцев пользоваться личным оружием в специально отведенном для этой цели спортивном зале.

В его группе было двадцать пять человек. У Мауса столько же. Маус заставлял своих ребят снова и снова повторять приемы рукопашной схватки. Ему было легче — его ученики по крайней мере представляли себе, о чем идет речь.

Бен-Раби тоже добросовестно работал, но ему казалось, что сейнеры воспринимают все слишком серьезно, хотя и сам предчувствовал, что каша может завариться крутая.

Он колебался между уверенностью в том, что на Сломанных Крыльях сангарийцев будет —

плюнуть некуда, и противоположным мнением, что Служба Безопасности флота так туго зашьет щели, что ни один неприятель не пробьется.

На четвертое утро занятия вдруг прервало появление Киндервоорта.

— Извини, Мойше, сегодня придется снять тебя с занятий. У тебя экскурсия для кандидатов в граждане.

— А это не может подождать? Аукцион ждать не будет, а эти клоуны настолько плохи, что даже себя застрелить не смогут.

— Я спорил. И на меня цыкнули. По-моему, они считают важным, чтобы ты знал, за что сражаешься.

— Да? Прежде я этого не знал, а с работой справлялся...

— Что-то ты сегодня едкий.

— Достали. Чем больше я вижу, тем хуже это выглядит. Нам придется плохо, если эта штука вспыхнет римской свечой. Мы будем не готовы.

— Сделай все, что можешь, Мойше. Все равно большего никогда не сделать.

— Иногда этого недостаточно, Ярл. Я хочу сделать достаточно.

— Устрой себе сегодня выходной. Отдохни. Не думаю, чтобы это было так уж важно. Вам

должны показать, как выглядит жизнь звездоловов, живущих не на траулерах. Может быть, хорошо будет тебе и от Эми отдохнуть. Не знаю, что с ней творится. Стервозна, как никогда. Житья в конторе не стало.

— Ты знаешь ее дольше, чем я. Сообразишь, что с ней такое, — расскажешь мне.

Появился Маус.

— Готов, Мойше? Я заарканил скутер. Вперёд, пока кто-нибудь не выпустил его на свободу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: 3049 год н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Хел был ниоткуда. Бродячая планета-булыжник размером с Плутон, которая, как брошенный щенок, прибилась к первому встречному теплему телу. После этого Хел занялся делом и побежал вокруг неустойчивой Цефеиды, которая его усыновила. Даже в перигелии своей ленивой яйцеобразной орбиты Хел не получал достаточно тепла, чтобы на нем растаяла углекислота.

Хел был черным миром-неудачником, покрытым серебристыми морщинками льда, затаившимися в каньонах его сморщенной поверхности. Его солнце было всего лишь самой яркой звездой на небосводе. Никто не заподозрил бы о существовании подобной планеты, а если бы и заподозрил, то не стал бы тратить время на ее посещение.

Именно по этой причине Научно-исследовательское бюро Флота Конфедерации сочло Хел

превосходной базой для странного, опасного и сверхсекретного исследовательского проекта.

Станция «Хел» была спрятана в толще горы, как устрица в песке. Только в двух местах ее щупальца выходили на поверхность.

Эту станцию не должны были найти.

— Ион?

На Мареску стоило посмотреть. Камзол был потрепан, испачкан и измят. Чулки спадают складками. Парик набекрень. Косметика на лице расплылась и потрескалась.

— Ион? — во второй раз повторил Нейдермейер, поймав друга за локоть. — Слышал новости? Сюда прибывает фон Драхов.

Мареску резко отдернул руку.

— Кто?

Сейчас ему было безразлично абсолютно все, включая и новости Пола. Боль была слишком ужасной для смертного. Он выдернул из кармана грязный шелковый платок и вытер глаза. Пол не должен видеть его слез.

— Фон Драхов. Юпп фон Драхов. Парень, который командовал тем рейдом к Адским Звездам пару лет назад. Да ты помнишь. Репортеры прозвали его белокурым любимчиком Верховно-

го Командования. Тогда поговаривали, что когда-нибудь он станет начальником Штаба флота.

— А-а, еще один из твоих милитаристских героев. — Чтобышний раз как следует поругаться по поводу служб, Мареску был даже готов на время выйти из самой сильной хандры. — Фашиствующий лакей.

Пол улыбнулся, но на удочку не попался.

— Только не я, Ион. Я слишком хорошо тебя знаю.

Ругани не будет? Мареску снова погрузился в свою внутреннюю реальность. Чертова кукла! Как она могла? Да еще с этим... с этим арапом!

— Эй, Ион, что с тобой?

Даже хуже, чем обычно? Ион Мареску слыл на станции местным чудаком и брюзгой, его даже звали мистер Хандра или мистер Уксус. Большинство людей старались вступать с ним в контакт ровно настолько, насколько этого требовала работа. У него был только один настоящий друг, астрофизик Пол Нейдермейер, была возлюбленная по имени Мелани Баундс, был шеф — женщина с которой ему каким-то чудом удавалось поддерживать довольно приличные отношения — Орлица Катте. Все остальные были всего лишь жертвой его злобных нападок.

— Фон Драхов? Да он же строевой, так? С чего бы это они стали раскрывать это место строевому офицеру? Они хотят его здесь запереть?

— Ион, приятель, что с тобой? На тебе лица нет. Почему бы тебе не спуститься вниз, не принять душ и не надеть наконец чистый джемпер?

Одной из самых интересных особенностей Иона Мареску было то, что он, казалось, вместе с одеждой менял и свою личность. В стандартной рабочей одежде флота его почти можно было терпеть. Когда он облачался в свой костюм архайста, он превращался в упрямого, задиристого, злоязычного и неимоверно мрачного типа, будто половину времени он действительно жил в мире Англии восемнадцатого столетия.

Мареску остановился перед настенным зеркалом в коридоре, игнорируя людей, которым он загораживал проход.

— Кажется, у меня слегка помятый вид? — сказал он себе под нос, потом поправил парик, расправил под подбородком брыжи и подумал: «Эх, была бы тут Англия времен короля Георга! Вызвал бы я мерзавца на дуэль и убрал это дерьмо сталью!»

Но ведь негров на дуэль не вызывали? Просто собрались бы несколько друзей и вздернули чер-

номазого на сук. Если бы можно было сознаться друзьям в таком позоре.

Мареску не относился к числу самых изысканных архаистов станции. Многие из них приехали с маскарадными костюмами и результатами исторических исследований. Он увлекся архаизмом, только когда стал сходить с ума от изоляции. И с помощью Мелани сшил свой собственный костюм.

Он был предан своему хобби гораздо сильнее, чем остальные архаисты на станции, и гордился этим, как гордился своей хандрой, своими причудами и безупречностью работы над программами испытаний. Он любил думать, что он лучший во всем, за что берется, — даже в умении вызывать отвращение. И редко замечал неряшливость, проникавшую в его увлечение и привычки.

Мареску не стал тщательно изучать свою эпоху. Большую ее часть он просто выдумал. Верования и ценности эпохи своего хобби он создавал по когда-то и где-то слышанному.

Некоторые полагали, что слишком далеко зашедшее раздвоение между перфекционизмом на работе и халтурой в исполнении роли является признаком глубокой внутренней тревоги, однако

адмирал Адлер* была с этим не согласна. Она считала, что Ион работает на зрителя.

Мареску зашагал прочь. Он уже успел забыть о Поле. Нейдермейер снова ухватил его за руку.

— Ион, если я не могу помочь, кто же сможет? Мы долгие годы были друзьями...

— Здесь мне никто не поможет, Пол. Дело в Мелани. Я рано закончил смену. Кварковая трубка забарахлила. Частицы отклонялись от траектории чуть ли не на миллиградус. На орбитали их направить не удалось... короче, стенд отключили. А она была с Митчеллом.

— Понимаю, — пробормотал Нейдермейер, а про себя подумал: «Ну и что?»

Наверное, Мареску слишком заигрался. Может быть, об этом должен узнать психолог.

Человека, который начал путать нравы сегодняшнего дня с нравами эпохи своего хобби, они считают очень неуравновешенным.

Ион всегда был невротиком. Теперь он, кажется, на грани психоза.

— Как она могла пойти на такое, Пол?

— Успокойся, ты весь дрожишь. Пойдем со мной, дружище. Что тебе на самом деле надо — это огненная вода для успокоения нервов. Стоп!

---

* Орел (нем. Adler).

Пока что не будем об этом, слушайся своего доктора. Сначала выпьем, потом расскажешь, и мы что-нибудь придумаем.

— Да. Выпьем. Ладно. — Мареску вдруг решил проявить вежливость. — Расскажи мне об этом фон Даго.

— Фон Драхов. Рифмуется с Краковым, который в Польше.

— В Польше? А где эта Польша?

— Там, где выращивают китайских свиней, — усмехнулся Нейдермейер.

Мареску остановился. Его физиономия приняла озадаченное выражение. Потребовались секунды, чтобы сработала интуиция, которая делала его одним из лучших в Конфедерации создателем программ тестирования.

— Игра в ассоциации. Да мы же в нее уже сто лет не играли, правда? Польша. Китайские свиньи. Польско-китайские кабанчики. Не об этой ли породе говорили на днях в какой-то сельскохозяйственной передаче? Они хотят снова вывести вымершие породы?

— Мне не нравится, как они пахнут.

— Ладно, Пол, я пришел в себя. Успокойся. Лучше поведай мне повесть о твоём герое-кондотьере.

Нейдермейер не принял вызов.

— Я знаю очень немного. Просто подслушал какой-то разговор ребят из Безопасности. Они с ног сбились, готовясь к его прибытию. Кажется, оно застало их врасплох. Ну, вот мы и пришли. Что будешь пить?

Они сошли с эскалатора в мягко освещенную комнату. Света здесь было ровно столько, чтобы посетители не натыкались на мебель.

Бар был оформлен так, будто он выходит на открытую поверхность Хела. Защитный купол был незаметен. Рассеянный свет не давал на стеклостали бликов. Сам купол высился на вершине горы, откуда открывалась странная панорама темных утесов и пугающих провалов, а над головой горел Млечный Путь, сияя мириадами самоцветов.

— Ты никогда не замечал, что здесь кажется прохладнее? — спросил Мареску по крайней мере в сотый раз со времени их знакомства. Он смотрел на слабо освещенную поверхность мертвого мира. Нестабильное солнце из созвездия Цефеид висело над пиком, высвечивая золотую дорожку. Когда планета была в афелии, оно казалось не больше ярких соседних звезд. — Выбери ты, Пол. На сегодня у меня нет особых пожеланий, только наливай побольше.

Нейдермейер принес из бара стаканы и бренди.

— Фрэнсис, должно быть, ушел на этот шабаш в Безопасности, — предположил он.

Обычно бар держал космический пехотинец с непроизносимым староземным именем, которое исследовательский персонал станции сократил до Фрэнсиса Бекона. У Службы Безопасности дел было очень мало, и они часто тратили время на то, что могло сделать жизнь на станции более терпимой.

На Хел приезжали без обратного билета. Только руководитель исследований и начальник Службы Безопасности иногда выбирались за пределы системы. По соображениям безопасности на станции не было ни одной интелльной системы связи. Изоляция была абсолютной.

— Бренди? — удивленно спросил Мареску. Пол был убежденным приверженцем виски.

— Самое лучшее со Старой Земли. Делает жизнь почти сносной.

Мареску одним глотком осушил полстакана.

— Теперь они должны нас отпустить, Пол. Мы сделали им эти проклятые бомбы. Теперь мы просто суетимся и занимаемся косметикой.

— Должны, но не отпустят. Соображения безопасности. Пока нас держат здесь, никаких утечек не будет.

— Пол, как она могла?

— Ты же знал, что она...

— Когда связался с ней? Знал. Я все время это себе повторяю, но от этого не легче, Пол.

— Что мне тебе сказать?

Мареску усталился в свой пустой стакан.

— Ион... может, тебе не стоит налегать так на эту архаику. Постарайся вернуться в современный мир.

— Современный мир — мерзость. Пол. Разве ты не знаешь? В нем нет человечности. Ты, возможно, смеешься надо мной из-за этого костюма. Это символ, Пол. Это символ той эпохи, когда у людей были настоящие чувства. Когда было не наплевать.

— У меня есть чувства, Ион. Ты мне дорог. Ты мой друг.

— Нет, неправда. Ты здесь просто потому, что настоящие чувства тебе мешают.

Нейдермейер бросил на него недовольный взгляд. Бывали моменты, когда дружба с Ионом становилась тяжелой работой. Мареску не стал извиняться. Пол взял свой бренди, подошел к стене купола и стал смотреть на однообразную шкуру Хела. В змеиных глазах своего собственного бледного отражения он прочел тот же критический вопрос.

Надо ли доложить о состоянии Мареску? Неужели он уже так далеко зашел?

Стучать на друга никому не хочется. Эти ребята могли навечно запереть Иона в психушке. Их зоопарк психических отклонений, рожденных на Хеле, был самым процветающим предприятием планеты.

Слишком тонким был проект, чтобы доверять его психически неуравновешенным.

Но Ион был нужен команде. Ни у кого не было его уверенного и тонкого понимания систем тестирования. Пусть пока все идет как идет, и будем надеяться на лучшее. Встряска с Мелани может даже пойти на пользу, если вернет его к реальности.

Пол повернулся. Он посмотрел на тощего, низенького и усталого человечка, на лице которого отпечатались тысячи прожитых лет, а в маленьких черных глазах горели миллионы пережитых агоний. Верно ли он решил? В этих черных глазах горела мука — отсвет зарождающегося безумия.

Грохот потряс основы вселенной.

Снежный пейзаж полыхнул темным, кровавым багрянцем и почти сразу вернулся во мрак.

Лицо Мареску стало пепельным. Он подошел к стене купола и коснулся ее трясущимися пальцами.

— Пол...еще бы немножко, и... Если бы они случайно дестабилизировали испытательное ядро, нас бы выбросило в соседнюю вселенную.

Лицо Нейдермейера тоже побледнело от страха.

— Но ведь ничего не случилось, — выдавил он из себя.

— Все равно это безобразис. Надо же соображать!

Жалость к себе, которую испытывал Мареску, сдуло дыханием ангела смерти.

Он вглядывался в темноту снаружи. Бледный свет ярче подчеркнул глубокие тени. На фоне неподвижных звезд двигалась сияющая точка, разгораясь все ярче.

— Быстро опускаются.

Поверхность Хела польхнула под фиолетово-белой бурей, поляризованной стеклом купола. Стекло держало световой напор, по внутренней поверхности купола пошли разводы, как от нефти на воде.

— Доктор Нейдермейер? Мистер Мареску? Не могли бы вы уделить мне минуту?

Они повернулись. На сходе с эскалатора стоял майор космической пехоты Готфрид Фейхтмайер. Он был заместителем начальника Службы Безопасности и напоминал бравого

вояку, сошедшего с плаката и призывающего вступить в армию. Квинтэссенция космического пехотинца.

— Спорить могу, он уже просыпается в таком виде, — буркнул Мареску себе под нос.

— В чем дело, майор? — спросил Нейдермейер.

— Нам пужна ваша помощь в арсенале. Два устройства для установки на борту.

Мареску стало нехорошо. Бабочки в его желудке надели подкованные ботинки и пустились вприсядку.

— Майор...

— Инструктаж в главной лаборатории через пятнадцать минут, джентльмены. Благодарю вас.

Нейдермейер кивнул. Майор начал спускаться по эскалатору.

— Ну? Они никогда им не воспользуются? — взорвался Мареску. — Ты болван, Пол.

— Может быть, и не воспользуются. Откуда нам знать... Может быть, какие-то полевые испытания.

— Не ври себе. Хватит. Эта проклятая бомба не нуждается ни в каких испытаниях. Я ее уже испытал. Они собираются взорвать чье-то солнце, Пол! — Губы Мареску двигались все быстрее и быстрее, голос поднялся до визга. — Не какую-

нибудь звезду, Пол. Солнце, чье-то солнце. Эти проклятые мясники-фашисты собираются взорвать целую солнечную систему.

— Успокойся, Ион.

— Успокойся? Не могу! Не буду! Сколько жизней, Пол? Сколько жизней оборвется из-за хлопушек, которые мы сами дали им в руки? Они обдурили нас! Обвели нас вокруг пальца. Мы, слепые самодовольные идиоты, обманывали сами себя, заставляли себя верить, что до этого никогда не дойдет. Но мы лгали себе. Мы знали. Они всегда используют оружие, каким бы ужасным оно ни было.

Пол не отвечал. Мареску реагировал, не зная всех фактов. И говорил то, о чем думали и о чем молчали все остальные.

Для исследовательского персонала служба на Хеле была сделкой с дьяволом. Ученые продали свою свободу и талант в обмен на неограниченное финансирование любых исследований. Станция была сверхсекретной, но знания, которые на ней создавались, кардинально меняли современную науку. Здесь фонтанировали новые открытия.

Все, чего требовал флот в обмен на вложенные деньги, — это оружие, способное превратить солнце в сверхновую.

Теперь флот это оружие получил. Ученые огляделись по сторонам, обнаружили поблизости несколько дыр Хоукинга, оставшихся от Большого Взрыва, извлекли несколько мегатриллионов кварков из линейного ускорителя, опоясывающего Хел, рассортировали их, запустили на орбиты-оболочки вокруг этих мини-сингулярностей и установили эти ядра на системы доставки. Сама ракета-носитель сгорит еще в короне, но ядро проникнет в сердце звезды, кварковые оболочки схлопнутся, смешивая положительные и отрицательные частицы с освобождением невообразимой энергии, которая зажжет пожар синтеза гелия.

Флот получил оружие. Теперь, судя по всему, и цель для него.

— Что мы сделали, Пол?

— Не знаю, Ион. Помоги нам Бог, если ты прав.

Коридоры были запружены космическими пешотинцами. Мареску выругался:

— Я и не думал, что на станции столько этих мерзавцев. Они что, размножаются здесь? Где все остальные?

Не было обычной беготни научного и технического персонала. Гражданские вообще попадались редко.

В главной лаборатории им велели явиться в арсенал.

Перед красной дверью уже собрались трое гражданских. Директор, однако, была адмиралом Научно-исследовательского управления и только маскировалась под штатскую.

— Что за фёрс! — рывкнул ей Мареску. — Две сотни опереточных солдат...

— Придержи язык, Ион, — шепнул Пол.

Директор и глазом не моргнула.

— Ты под наблюдением, Ион. Твой язык наживает тебе врагов.

Мареску растерялся. Обычно даже Орлица не огрызалась в ответ на его замечания.

— Что здесь происходит, Катте? — спросил Нейдермейер.

Мареску усмехнулся. Катте Адлер. Орлица Катте. Это было одно из тех метких прозвищ, которые вечно висят за спиной у нелюбимого начальника. У адмирала Адлер были резкие черты лица и нос, здорово смахивавший на клюв, к тому же волосы она всегда зачесывала назад. Никогда еще фамилия так не подходила владельцу.

— Они решили забрать готовую продукцию, Пол. Ты будешь работать с их офицерами по науке. Ион, ты подготовишь программу тестирования для их бортовых компьютеров.

— Они собираются его использовать, да? — спросил Мареску.

— Надеюсь, что нет. Мы все на это надемся, Ион.

— А в Санта Клауса вы тоже верите? — мрачно съязвил Мареску и взглянул на Пола. Нейдермейер хотел верить. Как и весь научный персонал, он был рад проглотить утешительную ложь.

— Корабль приземлился, майор, — доложил лейтенант-пехотинец.

— Понял, спасибо, — ответил Фейхтмайер.

— Пора за дело, — сказала Адлер. — Пол, возьми всех, кто тебе нужен. Ион, ты пойдешь на корабль и посмотришь, с чем будешь иметь дело. Как только напишешь предварительный отчет — сразу ко мне. Йозеф, свяжись с их оружейной командой и выбери из них людей для монтажа систем запуска. Остальное пусть делают ребята из мастерских.

— Нам придется делать все здесь? — спросил Йозеф.

— С нуля. Таков приказ.

— Но...

— Джентльмены, они спешат. Предлагаю вам начать.

— Они спустили с орбиты целый корабль? — спросил Пол. Корабли редко садились на поверхность планет.

— Спустили. Они не хотели терять время, работая на орбите. На это ушел бы лишний месяц.

— Но...

Это было опасно. Команда корабля будет с ног сбиваться, поддерживая равновесие гравитационного поля корабля с полем планеты. Одна ошибка — и корабль разорвет на части.

— В таком режиме работа не должна занять больше двенадцати дней, — подвела итог Адлер. — Если, конечно, ни на что не напоремся. Идем. — Она толкнула красную дверь.

Готовое оружие напоминало грозных, смертоносных акул и ничем не походило на бомбы. На полу арсенала стояли четыре устройства. Каждое из них представляло собой черную иглу: сто метров в длину и десять в диаметре. Они были длиннее, чем шаттл, предназначенный для доставки их на орбиту. Антенны и хоботы зловещего оборонительного оружия выступали на темных шкафах, как редкие кустики на обгоревших склонах.

Это были полностью автоматизированные миниатюрные военные корабли. Место, которое на пилотируемых кораблях должна была занимать команда, было отведено для смертоносной начинки. Это были быстрые и хорошо защищенные снаряды, способные прорваться через мощную оборону.

До сих пор действие оружия исследовалось только в теории, но его создатели были уверены, что оно сработает.

Натягивая на себя рабочий костюм, Нейдермейер шепотом обращался к Мареску, пытаясь убедить его — и себя, — что они готовят устройства всего лишь для полевых испытаний.

— Я уверен, — настаивал он, — что наши доблестные финансисты просто захотели выяснить, что же они получили за свои денежки. Нельзя упрекать их за то, что им хочется попробовать их новую игрушку.

— Ага. Наш герой фон Драхов хочет пострелять навскидку по паре отдаленных звездочек. Так ты считаешь?

— Так.

— Ты дурак, Пол.

В арсенал вошла группа незнакомых людей. Они уставились на четыре черные иглы с явным благоговением и некоторой опаской.

— Который справа — фон Драхов, — шепнул Пол. — Я его помню по головидению. Только он выглядит гораздо старше.

— Немного седины вокруг жабр ему даже к лицу.

Фон Драхов, сохраняя безразличный вид, заговорил с майором и Катте Адлер. Катте повела

всю группу вокруг одной из ракет. Унылое выражение лица фон Драхова сменилось некоторым интересом.

В этих больших и страшных устройствах было что-то, вызывающее в душе странный резонанс. Как пение сирен. Мареску сам его слышал каждый раз, когда прикасался к черным акулам, и почти стыдился себя за это.

— Маленькие мальчики играют с хлопучками, а большие — с бомбами, — пробормотал он.

— Остынь. Катте не зря сказала, что за тобой наблюдают. Ты же знаешь, что Фейхтмайер не относится к числу твоих поклонников, Ион.

— Я постараюсь держаться от него подальше.

Шли дни. Техники копошились у пары ракет, которые выбрал фон Драхов. Мареску тестировал их системы и руководил установкой оборудования для транспортировки. Йозеф подключал компьютеры ракет к системам управления огнем корабля фон Драхова. Техники разрабатывали и устанавливали адаптеры и переходники под стопорные кольца и пусковые направляющие на брюхе корабля.

Нейдермейер подготовил руководство для офицеров-ученых, ответственных за вооружение солнцеебийц и мониторинг их глюонного пульса во время полета. Требовалось отслеживать ма-

лейшие отклонения, которые могли бы предвещать взрыв кварковых оболочек.

Мареску не мог поверить, что им предстоит столько работы. Смены были долгими и напряженными. Он сочувствовал Полу, у которого личный исследовательский проект оказался под угрозой.

Нейдермейер следил за своим другом гораздо пристальнее, чем за пульсом глюонов, выискивая признаки психических аномалий. Казалось, Мареску даже слишком владеет собой. Сосредоточенность, почти фанатизм, с которым он погрузился в работу, говорил об очень хрупком равновесии, за которым затаилось безумие. Но были и позитивные признаки. Ион сбросил с себя отрепья архаиста. Он начал уделять больше времени своей внешности...

Потом все закончилось.

В шлюзе к ним присоединилась Катте Адлер.

— Да польется рекой огненная вода! — провозгласила она. — Пора послать все к чертям и сорваться с цепи — на время.

Мареску как-то странно посмотрел на нее.

Праздник развернулся, как подгулявший Новый год.

Напряжение кончилось. Все споры были отложены в сторону. Чувство вины запихали в

чулан. Ученые и техники прилюдно братались с военными. К компании присоединилась кучка офицеров фон Драхова. Они мало пили, много слушали и редко смеялись.

— Для них это только начинается, — пробормотал Ион. Он огляделся по сторонам. Его никто не слышал.

Фон Драхов был воплощением мрачности. Казалось, он на две трети погрузился в какую-то другую вселенную. Ион заметил, что, когда Пол попытался завести с генералом разговор об операции на Адских Звездах, тот глянул на Нейдермейера, как на маленькое ядовитое насекомое. Через десять минут фон Драхов вообще исчез.

— Кажется, друг мой, ты не произвел на него хорошего впечатления, — заметил Ион.

— Он очень щепетилен в этом плане, Пол, — подтвердила Катте. — Что для генерала странно. Жаль, ты не слышал, какая у них была стычка с Ионом.

Мареску встретил вопросительный взгляд Пола.

— Ничего особенного, я просто зашел немного дальше, чем следовало, вот и все.

— А в чем было дело? — спросил Нейдермейер.

— Речь шла о моральной стороне применения этого оружия, — объяснила Катте. — Фон

Драхов оказался чуть ли не пацифистом. Ион был потрясен, когда узнал, что человек с такими убеждениями мог согласиться на использование такого оружия.

— Проблема Иона в том, что он абсолюционист. Он видит только черное и белое. С каждым днем с ним все труднее и труднее. Как ты думаешь, можно уговорить его пройти терапию не принудительно?

— Ты думаешь, у нас есть основания беспокоиться? Да, за ним водятся кое-какие странности, но я не вижу никаких признаков опасности.

— Иногда. В последнее время... он кажется мне очень странным. Если не считать его спора с фон Драховом, то в последние дни он крайне сдержан. А так не может продолжаться долго. Такое чувство, будто в нем таймер тикает. И возврат в прежнее состояние может быть взрывным.

Они говорили о Мареску так, будто тот отсутствовал, по той простой причине, что его действительно уже не было рядом, хотя ни один не отметил в своем сознании его уход.

Катте Адлер назвала фон Драхова тайным пацифистом, и Мареску захлестнула багровая ярость. Буквально багровая. Купол и люди стали расплывчатыми, нечеткими и красными. Потом

все прояснилось. Все стало предельно ясным. Он должен пойти к Мелани и объясниться.

Он брел по коридору. Казалось, время кончилось. У него было отчетливое чувство, что мысли звучат рядом с ним. Этот кондотьер фон Драхов... Проклятый служака просто выбил почву у него из-под ног. Гибкая мораль? Как такое может существовать? Поступок либо морален, либо нет. Звездная бомба была самым величайшим злом, придуманным военной мыслью. И он помог этому злу, проникнуть в их вселенную. Он поддался соблазну... Он продался, как последняя шлюха...

Но должен же быть какой-то способ открыть им глаза на то, что они делают.

Мареску отчаянно затряс головой. Все вокруг было как в тумане. Виски стягивал стальной трос. Что-то не так. Мысли расплывались, уходили в сторону.

На мгновение он подумал, не найти ли психолога.

Фон Драхов снова засмеялся. Над ним.

— Ах ты гад фашистский!

Боже! Какой-то Торквемада затянул трос еще на один оборот. Череп раскалывался.

— Где я? — пролепетал он. Ноги несли Мареску без его воли, но в определенном направ-

лении. Он попытался сосредоточиться на окружающих его предметах.

— Что я здесь делаю?

Он хотел развернуться и пойти назад, но ноги продолжали двигаться в том же направлении. Куда он идет? Рука сама толкнула дверь Мелани.

Он был пассажиром в своем теле, а правил кто-то другой. И за действиями этого другого он мог только со страхом наблюдать.

Тихие вздохи и стоны хлестнули этого дьявола как плети, обожгли как заклятие колдуна. Ион смотрел на восьминое двадцатипалое чудовище. Оно распухало и опадало. Дергались четыре слепых глаза. Три чавкающих рта выпускали хлюпающие голодные звуки.

Ион, сидевший внутри, беззвучно вскрикнул и отвернулся внутрь себя, отказываясь видеть. Вокруг него сомкнулась темнота.

Неуклюжий кукольник дернул за веревочки, вытащил его из комнаты и повел по коридору неуверенными, виляющими, пьяными шагами. Когда Ион-пассажир решил высунуть голову на поверхность, оказалось, что он стоит в арсенале, одетый в костюм времен короля Георга, склонившись над компьютером в бронированной кабине управления испытаниями. Панель таймера

утверждала, что из его жизни исчезли бесследно целые часы. Руки и пальцы летали по клавиатуре парой танцующих бледных пауков.

Они делали что-то ужасное. Он не знал что, и они не остановились, когда он приказал. Он наблюдал за ними, как испуганный ребенок наблюдает за приближением смерти.

То тут, то там в его мозгу вспыхивали какие-то картины — фрагменты пропавших часов. Ион Мареску ползет под длинной черной иглой. Ион Мареску протискивается по узким коридорчикам черного корабля, отключая устройства безопасности...

— Ион?

Голос Пола едва пробивался сквозь толстые пуленепробиваемые стекла кабины. Он кричал. Ион понял, что он кричит уже давно. Он недоуменно глянул на Пола, едва его узнавая. Но работу не прекратил. Это самое важное испытание из всех, что ему доводилось проводить. Впервые в жизни он занимался чем-то действительно стоящим. Он нашел свою святую миссию.

Какую? Он потряс головой, пытаясь рассеять туман. Тщетно.

Руки его порхали по клавишам.

Рядом с Полом появилась Катте. Они изо всех сил колотили кулаками в непроницаемое стекло.

Женщина вдруг исчезла. Пол схватил с пожарного стенда топор и замахнулся.

Когда Ион поднял голову в следующий раз, весь ангар был забит военными. Прямо перед ним к стеклу прижалось побледневшее лицо майора Фейхтмайера. Его губы беззвучно шевелились. Он что-то кричал, но у Иона не было времени прислушиваться. Надо было спешить.

«Что там, черт побери, происходит?» — это выступила вперед та его часть, которая следила за происходящим со стороны.

Он кончил программировать последовательность испытания.

Каждая ракета должна была пройти имитацию запуска к солнцу Хела. Обычно Ион проводил испытания каждой системы поочередно, двигатели всегда были отключены, а устройства безопасности исключали запуск ракеты.

— Откуда нам знать, что двигатель сработает? — бормотал Мареску. — Мы что, будем верить на слово?

Пол и военные больше не пытались разбить стекло подручными средствами. Ион видел, как майор прокладывает вокруг двери серую липкую веревку.

— Пластиковая взрывчатка? Боже мой, что взбрело в голову этим психам?

Его правая рука метнулась к кнопке, которая запирала огромные двери арсенала. Именно через эти двери наемный убийца фон Драхов уже вытащил из арсенала две ракеты.

Люди разлетелись во все стороны, когда воздух арсенала вырвался в вечную ночь Хела. Мареску с удивлением смотрел, как разрываются и лопаются пузырями сломанные куклы их тел.

Левая рука плясала, иницируя начало испытания.

Арсенал заполнился ослепительным светом. Стекло кабины поляризовало его поток, но полностью блокировать не могло. Отключенные стопоры ракеты номер четыре поддались. Ракета рванулась вперед, слетая с направляющих. Она вырвалась на свободу, оставляя за собой сноп огня. На каменном полу арсенала осталась черная яма.

— Минутку, — проговорил Ион. — Минутку. Что-то не так. Так не должно быть. Пол? Где ты, Пол?

Пол не ответил.

Черная игла с раскаленным добела жалом хвоста замерцала в ночи. Очень быстро она превратилась в маленькую звездочку, эта звездочка отклонилась в сторону и направилась параллельно горизонту. Ракета устремилась к цели.

— Что происходит? — жалобно спросил Мареску. — Пол? Что стряслось?

Ушко черной иглы застыло на солнце Хела. Двигатели давали ускорение 100 g.

В кабине, где уже начало падать атмосферное давление, Ион Мареску понял чудовищные масштабы сделанного. Трясущимися руками он достал из ящика бланк предложения и начал писать рекомендации, согласно которым в будущем все испытания должны программироваться так, чтобы запуск испытания одной системы автоматически блокировал выполнение всех остальных.

— Есть поле влияния, командир, — доложила лейтенант Калавей.

— Выходите в гипер, — отозвался фон Драхов. — И как только рассчитаете дугу, уничтожьте астронавигационную кассету с записью пути к Хелу. Джентльмены, напоминаю вам, что официально мы никогда не слышали об этом месте. Мы ничего о нем не знаем и никогда тут не были.

Он уставился на смотровой экран, потом со всей силы хлопнул по столу кулаком и в очередной раз задумался над тем, кто он такой, что делает и рассказали ли ему всю правду. На какое-то мгновение экран превратился в калейдо-

скоп — это корабль входил в гипер, — а потом почернел.

Семнадцать минут двадцать одну секунду спустя солнце мира, из которого он только что бежал, почувствовало первый укол черной иглы. Маленькая гамета — творение человеческих рук — оплодотворила гигантское водородное яйцо. Через несколько часов начнется цепная реакция вспышки сверхновой.

Уцелевших не будет. Служба Безопасности не допускала присутствия на Хеле ни одного корабля. Персоналу станции оставалось только смириться и ждать своей судьбы.

Нигде во вселенной не существовало ни клочка информации о величественном и смертоносном оружии, созданном на станции Хела. Это тоже было одной из предосторожностей Службы Безопасности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:
3049 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Маус направлялся к той же стыковочной станции, где произошло самоубийство сангарийского агента-подстраховщика. Там уже набралось с полдюжины совершенно растерявшихся бывших наземников. Маус и Бен-Раби были последними. Все остальные, кроме одного, были женщины.

— Они еще не появлялись, Элен? — спросил Маус.

— Нет. Ты что-нибудь слышал? Не знаешь, зачем это?

— По правде сказать, нет.

Бен-Раби перестал прислушиваться к разговору. Он снова вернулся к тем минутам, когда люди Киндервоорта явились обезоружить Мауса и он оказался на линии огня подстраховщика. Мойше подошел к тому месту, где стоял тогда, и медленно повернулся.

— Ярл был здесь. Маус — там. Еще кучка людей — вот тут. Прежде чем показался Ярл, они увезли реанимационную каталку с Марией сюда, потом ее доставили на корабль сопровождения.

Он раза три мысленно проиграл эту сцену и не смог вспомнить ничего нового. Тогда мысли его были заняты другим. Он поверил, что Маус хочет увезти его хитростью, и не хотел улетать, потом его отвлек Ярл...

— Эй, Маус! Давай повторим это вместе. Может быть, ты что-нибудь придумаешь.

В отсек въехал скутер. С него сошла пара незнакомых звездоловов.

— Вы класс по гражданству? — спросила женщина.

— О, привет! — воскликнул Маус тоном человека, увидевшего посреди пустыни цветущий оазис.

Женщина отступила, ее глаза расширились.

— Должно быть, Шторм, — сказал мужчина. — Моя жена, мистер Шторм.

— Н-да... Иногда получается, иногда нет. Не попробуешь — не узнаешь.

— Надеюсь, вы не будете пробовать. Ладно. Давайте проверим список и начнем. Кажется, все в порядке. Голов столько, сколько и должно быть. Хорошо. Сейчас мы покинем корабль

через люк для персонала и направимся в рабочий док одного из причалов. В рабочей зоне гравитация нулевая, так что упасть не бойтесь. Следуйте за мной.

Он подошел к люку, открыл его и вылез наружу. За ним последовали будущие граждане сейнеров.

Маус постарался задержаться, чтобы оказаться поближе к женщине.

Бен-Раби пнул его локтем под ребро.

— Брось, не лезь к ней.

— Мойше, она сводит меня с ума.

— Да уж, первый сорт. Но она замужем, а новые враги нам не нужны.

— Ты не понял. Это не секс. Да, она хороша. Первый сорт, как ты говоришь. Но я о другом. Это первый человек из внешнего мира.

— О чем ты говоришь?

— Она не с «Даниона».

— Черт возьми, откуда ты знаешь? — сказал бен-Раби, пролезая через уже третий люк шлюза. — Может, ты здесь хорошо поработал, но вряд ли добрался до всех. На данном этапе. Мы не встречались и с сотой долей команды «Даниона».

— Но все, кого мы встречали, — одного замеса. О Боже!

Бен-Раби выбрался наконец из корабля. Он стоял на его обшивке и протягивал руку Маусу. В обе стороны простирались трубы, кубы, рельсы, шипы... Многие гектары искореженного металла. Над головой еле заметно изгибалась зеркально отполированная каменная поверхность астероида. Нос «Даниона» не доставал до нее какой-нибудь сотни метров.

Именно эти сто метров и внушали Маусу ужас.

Маус до смерти боялся падения. Эта фобия вылезала наружу во время взлета и приземления, когда верх и низ приобретали определенное значение.

— С тобой все в порядке?

Шторма трясло. Лицо покрылось каплями пота. Он два раза взмахнул руками над люком, будто утопающий, пытающийся за что-нибудь ухватиться.

Остальные уже шли, перехватывая руками по канату, который тянулся от корабля до самой поверхности астероида.

— Давай, Маус, это не так уж страшно.

Черт возьми, как с такой фобией ему удалось пройти упражнения по внешним работам и тренировочные полеты на посадочных модулях, которыми их заставляли заниматься в Академии?

Эта слабость Мауса не переставала изумлять бен-Раби. Ничего другого этот парень не боялся. Свист пуль и шипение лазеров были для него лишь неизбежными шумовыми эффектами его работы.

Его работы!

— Мозг убийцы, Маус. Переключайся на мозг убийцы. — Так называлось особое состояние медитации, только вот в этом состоянии Маус становился самым опасным человеком на свете.

Или он уже потерял практику?

Дрожь Мауса постепенно улеглась. Глаза стали стеклянными.

— Хорошо, — проговорил бен-Раби. — Идем. Медленно. Берись руками за канат и двигайся к поверхности. Хорошо. Хорошо. Теперь к этому выступу.

Мойше говорил мягко, без всякой интонации. В этом состоянии с Маусом нужно было обращаться очень мягко. Любое происшествие могло спустить его с цепи. Любой, незапрограммированный как союзник, мог сильно пострадать.

Женщина-инструктор нагнала бен-Раби.

— Что с вашим другом?

— Он боится высоты.

— Офицер флота?

— Знаю. Но постарайтесь эти несколько минут быть поосторожнее. Держите группу подальше. Он сейчас нестабилен.

Бен-Раби дотащил Мауса до балкона, повернул спиной к кораблю и начал тихим голосом успокаивать. Через пять минут Шторм спросил:

— Ты встречал на «Данионе» хоть одного человека, который не был бы блондином с голубыми глазами?

— Встречал, но мало.

— А кого-нибудь с черной кровью?

— Никого.

— Значит, я прав. — Маус бросил взгляд на траулер. — Проклятие, он прекрасен!

— Да?

— Новая перспектива, Мойше. Здесь нет верха и низа.

Бен-Раби оглядел помятый корабль.

— Маус, думаю, нас просто надули.

— Что?

— Мне показалось несколько странным, что нам пришлось проделать такой путь, я даже собирался спросить нашего гида, неужели они не придумали ничего лучшего. Посмотри. — Он кивнул в сторону корабля.

В каком-нибудь полукилометре от них скалистую поверхность астероида связывала с кораблем

телескопическая труба. Вдалеке бен-Раби заметил еще десяток таких же труб. Каждая из них была достаточно велика, чтобы беспрепятственно доставлять на траулер громоздкое оборудование.

— Как ты думаешь, это сделано специально для нас или для всей группы?

— Спокойнее, — предложил бен-Раби.

— Это я облажался, Мойше. А ты на моем фоне — просто образец декорума.

— А эти двое — часть плана?

— Это уж наверняка. Вопрос только в том, специально ли нам хотели это продемонстрировать, или они просто неумело действуют?

— Если цитировать некоего адмирала, который в былые времена отдавал нам приказы: «Сиди в камышах и дай им показать свои карты». Он умел объединять пословицы.

— Как твои рассказы, Мойше?

Они повернули вслед за парой своих гидов, которые загоняли остальных в туннель.

— За целый месяц не написал ни одной страницы. Сам не знаю почему.

— Время?

— И это тоже. Но прежде я всегда находил время.

Помимо всех прочих увлечений, бен-Раби пописывал короткие фантастические рассказы. Ты

сячи лет назад, на пути с Луны Командной на Карсон, он мечтал о миссии к звездоловам как о каникулах, за время которых можно будет многое написать. Он рассчитывал пробыть там не более шести недель. Адмирал обещал... Прошел год, а он закончил всего один несчастный рассказ, да и тот куда-то запропастился. Он не видел рукописи уже несколько месяцев.

Покинув центральную полость астероида, они оказались в поле действия искусственной гравитации. Между берегом и кораблем не было особой разницы.

— О Господи! — вздохнул Маус. — Новые метки на старых штанах. Через несколько лет, Мойше, нам все это порядком поднадоест.

— Жалеешь, что решил остаться?

Маус бросил на него быстрый взгляд.

— Нет.

Его лицо приняло несколько странное выражение, но бен-Раби не обратил внимания.

— Смотри-ка, Маус, дети. Я не видел детей с тех самых пор, как мы покинули Луну Командную.

— Ура.

— Да брось ты. Взгляни-ка лучше, это, должно быть, школьная экскурсия.

Дюжина малышей лет восьми хихикали, окружив какого-то старика, который каркающим

голосом что-то рассказывал. Несколько девочек передразнивали своего учителя, стоя у него за спиной. Остальные строили рожи насмешникам.

— Перезвони мне через десять лет, — отозвался Маус. — Пока они не созреют, мне от них никакой пользы.

— Ну почему тебе всегда надо...

— Это что, преступление, не любить детей? Кстати сказать, что-то я не замечал, чтобы ты с ними ладил. Я, конечно, не говорю о сынишке Юппа и этой твоей Грете. Ей было шестнадцать, но можно было дать все двадцать шесть.

Юпп фон Драхов был их товарищем по Академии. Теперь он служил мальчиком на побегушках при Высшем Командовании. Он помогал им в операции на Сломанных Крыльях. Позднее именно его назначили командовать подразделением, которому поручили перехватить флот Пейна. Так они предполагали. Он приблизился слишком поспешно, и его обнаружили. Именно поэтому Мойше и Маус застряли у сейнеров, и им пришлось отработать год, положенный по контракту.

— Хорст-Иоганн. Когда мы в последний раз были на Луне Командной, мне так и не удалось с ним повидаться. С тех пор прошло уже два

года. Проклятие, как летит время! Бьюсь об заклад, что он уже вырос на полметра.

— Господа, мы пообедаем в одной из рабочих столовых, — сказал гид-мужчина, — а потом вам покажут наши обычные ясли. Не стесняйтесь. Общайтесь с людьми. Им не менее интересно познакомиться с вами, чем вам с ними. Мы только просили бы вас держаться вместе. Если кто-нибудь из вас потеряется, всех нас ждут неприятные объяснения.

— Замечательно, — сказал Маус. — Еще одна новая метка на старых штанах. Неужели люди питаются только в этих чертовых забегах? Я бы продал душу, чтобы иметь собственную нормальную кухню.

— Ты умеешь готовить?

— Я человек неисчерпаемых талантов, Мойше. Думаю, именно это я и буду делать на Сломанных Крыльях. Придумаю, как готовить себе домашнюю еду. И жрать ее в укромном месте, а не посреди футбольного поля на глазах у пяти тысяч зрителей.

— Маус, у тебя сегодня колеса в разные стороны вертятся.

— А я вчера колес не глотал. И кроме того, я не люблю макаронных изделий, а вся эта экс-

курсия — сплошная лапша на уши и притом даже без кетчупа.

Столовые на астероиде были точно такими, как опасался Маус. Еда тоже. И разговор шел вяло, пока Маус не пошел на обострение:

— Грейс, зачем вообще нужна эта экскурсия?

— Я не понимаю вашего вопроса, мистер Шторм.

Мойше тихонько усмехнулся. Женщина почувствовала неотразимое обаяние Мауса. Поймав себя на этом, она стала держаться чопорно, как школьная учительница.

— Это упражнение по запудриванию мозгов. Вы оторвали нас от работы, на которую у нас и так не хватает времени. Вы заставили нас тащиться по этой чертовой проволоке, до умопомрачения водили по коридорам, хотя все то же самое мы могли увидеть, спокойно сидя в автобусе. Вы обещали, что мы увидим, как живут сейнеры, когда сходят с кораблей, но мы видим все то же самое. А раз вы похитили нас только на один день, значит, вы вообще ничего не собираетесь нам показывать. Дураку ясно, что даже поверхностное представление о такой цивилизации, как ваша, не составишь меньше чем за пару месяцев.

И без того смуглое лицо женщины потемнело от смущения.

— Вот смотрите: сидим мы здесь, восемь бывших наземников, стараемся хорошо себя вести и думаем, то ли это какая-то проверка, то ли нас надо было на время убрать с «Даниона»... В любом случае это глупо. Вы зря тратите свое и наше время.

— Мистер Шторм...

— Не обращайтесь на него внимания, — перебил Мойше. — Просто он стареет. В былые времена он был терпимее к подобным играм.

Маус улыбнулся и подмигнул. Бен-Раби улыбнулся в ответ.

Гиды окинули взглядом остальных экскурсантов. Те ничего не говорили, но на их лицах отчетливо читалось согласие.

— Тогда нет смысла продолжать, — проговорил мужчина. — Ваша реакция сама за себя говорит. Заканчивайте обед, я сейчас вернусь.

Он исчез.

— А в чем же *был* смысл? — спросил бен-Раби.

— Я всего лишь исполнитель, — пожала плечами Грейс.

— Психолог?

— Как вы догадались? — изумилась она.

— Нюхом их чую. Вы действительно его жена?

— Нет. — Она слабо улыбнулась. — Это мой брат.

— О-о-о, — шепнул Маус. Его услышал только бен-Раби.

— Маус, ты что, проглотил что-нибудь радиоактивное?

— С чего ты взял?

— А ты засиял.

Дама-психолог не обладала достаточным иммунитетом против шарма Мауса, и тот успел назначить свидание прежде, чем вернулся ее брат. Бен-Раби не сомневался, что Маус сделает это свидание весьма интересным.

Мойше не мог постичь, в чем заключается метод Мауса. Даже понимая, что ими манипулируют, даже зная репутацию Мауса, женщины падали в его объятия. Кажется, именно репутация Мауса подстегивала их интерес.

Их гид вернулся. Он поставил свой неоконченный обед на конвейер с грязной посудой и нетерпеливо дожидался, когда остальные последуют его примеру. Он хмурился в сторону Мауса, который пустил в ход тяжелую артиллерию, и теперь Грейс, как школьница, хохотала над анекдотами бородатыми, как мамонты, которые появились позже.

— Стиль, — сказал про себя бен-Раби. — Вот что у него есть.

— Простите? — обратилась к нему одна из экскурсанток.

— Беседую сам с собой, Элен. Это единственный способ поддерживать интеллектуальную беседу.

— Ты думаешь, они на нас за это обозлятся?

— Может быть. Вероятнее, друг на друга. Как сказал Маус, глупая была идея, в чем бы ни был ее смысл.

— Если только это не прикрытие.

— Это тоже возможно.

У дверей кафе их поджидал автобус. Через десять минут они уже были в шлюзовом отсеке, который недавно покинули с таким трудом. К этому времени Маус уже держал Грейс за руку. Она уже мурлыкала и с трудом могла дожидаться вечера.

— Шторм! — рявкнул ее брат. — Вернитесь в свой отдел. Все остальные, тоже на рабочие места. Грейс, ради Бога...

— Ради Бога заткнись, Берт.

— Да у него и имя есть, — тихонько заметила одна женщина. Мятежные настроения Мауса оказались заразительны. Сейнеры попытались навязать что-то наземникам, и теперь те отвечали колкими насмешками.

— Хватит, Маус, — проворчал Мойше. — Давай больше не влезать ни в какие дразги.

— Ладно. Так, значит, в восемь, Грейс? Пока, лапонька.

Шторм прыгнул в скутер, который доставил их в этот отсек. Мойше устроился сзади.

— Новые миры, которые надо завоевать?

— Это только с одной стороны, Мойше. И эта сторона уже начинает мне надоедать. Должно быть, они вступили в соревнование. С премией для девчонки, которая набросит на меня аркан. Они просто не поймут, если я скажу нет и предложу братскую дружбу. Станный народ.

— Какого черта вы здесь делаете? — спросил Киндервоорт, когда они вошли в спортзал, где он занимался с особо отстающими стрелками.

— Сюрприз! — огрызнулся Маус. — Игра остановлена из-за дождя.

— О чем он говорит, Мойше?

— Это было какое-то упражнение в идиотизме. Уверен, что ты в курсе дела.

— Я говорил ему, что это глупо.

— Говорил кому?

— Командиру корабля. Он имеет на вас двоих какие-то виды. Точнее не знаю.

— Напомни ему, что я перешел на вашу сторону, в частности, потому, что здесь со мной не будут играть в игры. Я хотел иметь работу с понятным для меня смыслом. Передай ему: если

эта чертовщина будет продолжаться, я спрячусь в рубке контакта и прикую себя к креслу. А свой аукцион пусть засунет, куда солнце не светило. Тоже, кстати, идиотская операция.

— Успокойся, Мойше. Принимайся-ка лучше за работу.

— Приятно видеть, что ты еще умеешь становиться на дыбы, — заметил Маус, когда Киндервоорт отошел.

— Только мне нужно время, чтобы распасться.

— Ладно, давай-ка приниматься за работу, как говорит наш начальник. Нам этих клоунов еще муштровать и муштровать.

На следующее утро, идя по людному коридору, Маус, не шевеля губами, чуть слышно шепнул бен-Раби:

— Мойше, они использовали это время для того, чтобы установить новые жучки. Профессиональная работа. Лучше, чем все, что сажает Киндервоорт. Такие, которые подключаются к анализатору стрессов. За нами следят во все глаза, Мойше. Отныне играй только наверняка, где бы и с кем бы ты ни был.

— Что они ищут? Нам же нечего скрывать.

— Кто знает? Но не забывай, что они ищут.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: 3049 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Бен-Раби пытался выдернуть из правого уха два упрямо торчащих волоска.
— Готов, дорогой? — окликнула Эми.

— Еще полминуты. — Ему было не по себе и не хотелось идти, однако отговорки и отсрочки кончились. Он должен познакомиться с семьей Эми. С такой, какая она есть.

Он должен быть продемонстрирован матери. Первоклассный трофей, подумалось ему. Бывший наземник, ставший сейнером, на взлете карьеры. Славная добыча для любой одинокой девушки.

Так он стал воспринимать чувства Эми. Прелесть новизны уходила. Магия исчезала. Он стал объектом оценок, а не чувств.

В нем тут дело или в ней? Правильно ли он ее понимал? Женщин он всегда понимал неправильно.

— Мойше, ты идешь?

— Как я выгляжу? — спросил он, выходя из ванной.

— Превосходно. Идем, мы опоздаем на шаттл.

— Я хочу произвести хорошее впечатление.

— Не беспокойся, мама обрадуется и крокодилу, только бы выдать меня замуж.

— Ну спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Послышалось что-то от прежней Эми.

Они взяли скутер и через одну из труб, связывавших корабль с астерондом, добрались до внутренних помещений. Пролетая мимо дверей, на которых болтались временные таблички, Эми снизила скорость. Для Мойше названия на табличках были китайской азбукой.

— Вот здесь.

На табличке было написано «СТАФИНГЛАС». Эми приткнула скутер в табунок таких же, присосавшихся к зарядным розеткам.

— Стафинглас, что это значит? — спросил Мойше.

— Не знаю. Наверное, какое-то сокращение.

— Это место, где живет твоя мать?

Эми кивнула:

— Идем, нам надо спешить. Через пару минут из шлюза начнут откачивать воздух. После этого нас уже не пустят на борт.

Сможет ли он задержать их на две минуты? Мойше решил, что это было бы неплохим трюком. Интуиция подсказывала ему, что путешествие будет только потерей времени, но для Эми это важно. Значит, надо сжать зубы и вытерпеть.

Шаттл оказался маленьким тесным суденышком, годным только для перевозки пассажиров. Когда Мойше и Эми поднялись на борт, все места уже были заняты. Человек десять стояли в проходах. Бен-Раби узнал кое-кого из команды «Даниона».

— У команды «Даниона» много родственников на этом Стафингласе, да?

— Ага. Старые траулеры похожи на семейные предприятия. Три или четыре поколения служили на одном корабле. Это становится традицией. Почти никто не уходит на корабли другого флота. Уже идут разговоры о том, чтобы компьютеры набирали новые команды по жребию.

— Бьюсь об заклад, что идея популярна, — улыбнулся Мойше.

— Как бубонная чума.

Когда шаттл прибыл к месту назначения, у него уже гудели ноги и ломило в спине. Перелет занял шесть часов. И все время стоя.

Стафинглас оказался именно таким, каким его представлял Мойше. Астероид, пронизанный бесконечными километрами широких туннелей, которые заменяли здесь улицы.

— Как дома, — сообщил он Эми. — Это в точности напоминает Луну Командную.

— Правда? — Она кинула на него удивленный взгляд.

— В меньших масштабах. — Ему хотелось заметить ей, что это не самая естественная и приятная среда обитания. Вместо этого он спросил: — Ты когда-нибудь бывала на настоящей планете?

— Нет. А что?

— Да ничего, просто любопытно.

Он не мог объяснить. Она просто не поняла бы его.

— Что-нибудь еще, что мне следовало бы знать о твоей матери? Мне хотелось бы произвести на нее хорошее впечатление.

— Прекрати это повторять, — огрызнулась Эми. — Говори о вещах очевидных и не ошибешься. Избегай споров. Она упряма как черт. Она может препираться просто для того, чтобы выяснить, насколько упрям ее оппонент.

Он искоса посмотрел на нее.

— Когда я была помоложе, у нас с ней шли постоянные баталии. Ей не нравились ни мои знакомые, ни мои увлечения. Говори о библиотеках, если тебе о них что-нибудь известно. Она — библиотекарь Стафингласа.

Чем больше Эми рассказывала о своей матери, тем меньше хотелось Мойше с ней встречаться. Ему уже доводилось сталкиваться с драконами. И это ему не нравилось.

— Вот мы и пришли.

Эми остановилась перед дверью, явно заставляя себя сделать последний шаг.

— Ну?

Закусив губу, Эми постучала.

Четыре часа спустя они извинились и отправились обедать. Ни один не произнес ни слова, пока они наконец не поставили свои подносы на столик в кафе.

— Брже, у меня голова раскалывается, — пробормотал Мойше, усаживаясь за стол.

— Голова? Неужели снова?

— От напряжения, не бойся, это не мигрень.

Ему пришлось плохо. Гораздо хуже, чем он ожидал. Эта женщина оказалась классической тещей. Он бросил взгляд на Эми. Хочешь узнать,

во что превратится женщина через двадцать пять лет? Приглядись как следует к ее матери.

— Мне очень жаль, Мойше. Я... я не могу придумать для нее никаких оправданий. Такое поведение просто возмутительно.

— Гм. Может, мне лучше постараться к нему привыкнуть. Скорее всего она просто сказала то, что другие думают. Нам с Маусом и всем прочим, вероятно, всю жизнь придется с этим мириться.

— Ты должен был огрызаться.

— Думаешь, это что-нибудь изменило бы? Нет. Только она говорила бы куда дольше.

Мойше все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Как уроженец Старой Земли он сталкивался с предрассудками с тех пор, как попал на флот. Он привык считать, что у него толстая шкура. Однако ему никогда не попадался никто, кто был бы так ядовит, как мать Эми.

Обитатели внешних миров поддерживали некую форму равенства, свои предрассудки они предпочитали не проявлять. Мать Эми высказывала свои предубеждения открыто, гордо и непоколебимо. Ни убеждение, ни сила не могли бы изменить ее образ мыслей ни на йоту.

За время их беседы она уже успела отречься от Эми.

— Не хочешь попробовать еще раз? — спросила Эми.

— Что? — изумился он.

— Она все же моя мать, Мойше.

Он наклонился над столом и на мгновение коснулся ее руки.

— Знаю. — Он понимал, что она из всех сил пытается скрыть свою боль. — Знаю. У меня тоже есть мать. И вряд ли они сильно отличаются.

— Они хотят для нас лучшего. И считают, что им решать, что для нас лучше. — Эми несколько раз судорожно глотнула. — Мама никогда не умела выражать положительные эмоции. Может, именно поэтому я немного странная. Пока я росла, я проводила с ней много времени. Она никогда не служила на флоте — не могла пройти комиссию. Это было самое большое разочарование в ее жизни. Пока мы не дали ей другой повод себя жалеть.

Эми почти никогда не говорила о своем отце. Мойше было известно только его имя и то, что он погиб при несчастном случае где-то здесь, в туманности. Судя по всему, несмотря на уверения в обратном, мать Эми считала этот несчастный случай довольно удачным.

— Нам лучше не возвращаться, Мойше, — решила Эми. — Только не сегодня. Давай дадим ей время успокоиться и привыкнуть к этой мыслию.

— Хорошо.

До шаттла надо было убить еще четыре часа. Мойше думал, что Эми захочет повидаться со старыми друзьями, но она не захотела. Она сказала, что все ее настоящие друзья — на борту «Даниона». Наверное, она слишком устала и ей не хотелось снова столкнуться с открытым неодобрением. Судя по всему, сейнеры, живущие в туманности, были менее космополитичны, чем люди траулерного флота.

— Если хочешь, — предложила Эми на обратном пути, — завтра мы можем удрать с «Даниона» и отправиться смотреть на корабли чужаков. Исследовательский центр тут недалеко.

— Ладно, — немного приободрился Мойше. — Отличная идея. Мне давно хотелось на них взглянуть. А как будет с работой?

— Я все сделаю.

Как только они добрались до своей каюты, Эми приняла снотворное. Мойше, несмотря на долгий день, спать не хотелось. Он вышел в коридор и постучал в дверь Мауса.

— Ну, как прошло знакомство? — спросил Маус. — Так плохо? — не дожидаясь ответа, предположил он.

— Это совершенно другой мир, Маус. Мне казалось, я знаю, как справляться с предрассудками... Но такого я никогда не видел. Ее мать — самый тяжелый случай, но куда бы мы ни пошли, их и там хватало.

— Знаю. Сегодня утром мы с Грейс совершили небольшую экскурсию.

— Вы так надолго вылезли из постели?

— Черт, надо же чем-то заниматься остальные двадцать три часа в сутки.

— Ну так расскажи мне. А где доска? Я здесь уже три минуты и до сих пор не видел шахматной доски.

— Извини, — усмехнулся Маус. Бен-Раби как-то обвинил его в том, что он не может общаться с мужчинами, если их не разделяет шахматная доска. — Наверное, я был слишком занят своими мыслями.

— Она показала тебе что-нибудь интересное?

— Не уверен. Не так-то легко избавиться от профессиональных привычек. Так что смотришь во все глаза и слушаешь во все уши, но не можешь найти ничего, что давало бы ключ к этим людям.

— Где вы были?

— Сначала где-то вроде комплекса офисов. Нечто среднее между правительством и торговым представительством. Мы бродили там часов пять. И там все открыто... Представляешь себе, никаких папок для служебного пользования, никого не волнует, что ты берешь со стола документ и читаешь. Хоть копии снимай, только там не было ничего интересного. Я хочу сказать, что дома за эти бумажки не дали бы и ломаного гроша. Я не видел ничего, что стоило бы запоминать.

— Что это за дикий ход?

Маус улыбнулся:

— Пару дней назад так сыграл против меня один сейнер.

— И проиграл.

— Да, но я играю лучше. Да, знаешь, чем они заняты? Готовятся к возвращению на Звездный Рубеж.

— Это не секрет.

— Нет, но, черт возьми, они готовятся совершенно серьезно. Знаешь, мы с Грейс были на астероиде, который они превращают в сухой док. Уже после того, как выбрались из офисов. Мне удалось поговорить с одной дамой-инженером.

Ее муж сейчас в команде, которая готовит шаттл для доставки оружия со Звездного Рубежа на орбиту.

Бен-Раби оторвался от доски.

— Любопытно. Куда ни пойдешь... Неужели они настолько уверены в своих силах?

— Чертовски уверены. Может, это мы чересчур уверены, что у них не выйдет. Может быть, у них есть основания для уверенности.

Маус тоже оторвался от доски. Кажется, у него появился вопрос, который он боялся задать. Мойше почувствовал напряжение, кипевшее в глазах его друга.

— Есть у меня подозрение, что они хотят сделать. Как-нибудь через звездных рыб.

Маус вернулся к игре. Нетрадиционный дебют с самого начала поставил его в трудное положение. Бен-Раби сковал силы Мауса, но слишком агрессивным ходом дал ему вывернуться. Это стоило ему коня.

— Ты всегда чересчур увлекаешься, — констатировал Маус. — Как твоя голова?

— Болела сегодня, но это только от напряжения. А что?

— Просто спрашиваю. — И ходом позже: — Я хотел узнать, что там у тебя с дезориентацией из-за психопрограммы. Случается?

— Не часто. Не так, как раньше. Приступа-ми. Ты знаешь, как это бывает. На секунду пол-ное забытие, а потом возвращаешься и начина-ешь гадать, где ты и кто ты. Но это ерунда. При-ступы настолько короткие, что никто не успевает заметить.

— Ну и хорошо. Я боялся, когда ты влез в эти... контакты. Мне казалось, что в таком со-стоянии ты можешь запутаться и вернуться дру-гой личностью — уже насовсем.

— Кстати, а ты, часом, не имеешь какого-ни-будь отношения к моему переводу?

— Если бы у меня было влияние, я бы по-старался. Ради твоего же блага. Но я здесь ни при чем.

Маус поднялся, показывая, что Мойше дол-жен последовать его примеру. Постукивая себя по уху, он вышел в коридор.

— В чем дело?

— Не хочу, чтобы они знали, что мне это известно. Приказ пришел сверху. С самой ма-кушки. Я знаю женщину, которая работает в отделе связи. Она рассказала мне кое-что, ду-мала, что мне это уже известно. Естественно, я ей подыграл.

— Естественно. Женщинам ты готов поды-грывать во всем.

Маус усмехнулся.

— Как-нибудь я расскажу тебе, как адмирал отправил меня в школу сутенеров. Проституция — не самая древнейшая профессия. Древнейшая — сутенерство. Ты бы так и сел, если бы увидел, чего может добиться от женщины по-настоящему хороший сутенер.

— Адмирал отправил тебя в школу?

— Да. Черт возьми, Мойше, это же старейший присм в шпионском ремесле. Парня учат, как сводить женщин с ума, а потом напускают его на женщин, которые работают в учреждении, куда требуется проникнуть.

— А я-то думал, что все как раз наоборот. Женщины соблазняют мужчин.

— И это тоже, только получается у них хуже. На чувственный шантаж мужчины реагируют по-разному.

— Так что тебе сказала твоя подружка? Мы не можем долго здесь торчать.

— Приятель, нас тащат на самую верхушку. Кто-то наверху решил, что мы — то самое лекарство, в котором нуждается дипломатический корпус сейнеров. Затея с аукционом — только испытание. Если мы выдержим, то нам дадут карт-бланш на создание своей собственной секретной службы.

Бен-Раби уже слышал некоторые намеки. Кое-что подозревал сам. Но к подобному заявлению не был готов.

— Настоящая секретная служба в масштабах всего флота. Внутренняя и внешняя. Разведка и контрразведка. Операции. В интересах всех звездоловов. Выглядит это так, что нам дадут все, что захотим, и предоставят полную свободу. На планетах у них есть друзья, которые их информируют. За последние два года эти люди сообщили достаточно, чтобы звездоловов заинтересовало происходящее на Луне Командной.

— Ага, вот где собака зарыта. У нас есть связи. Мы могли бы переманить на нашу сторону своих старых друзей.

— Ты все понял.

— И как тебе это?

— Мойше, я собирался спросить у тебя то же самое.

— Ты первый.

— Мне — нормально.

— Нормально! Чертовски трудная работа, требующая всех сил. Держаться голова в голову со Стариком. Адский труд.

Бен-Раби это не понравилось.

— Как я понимаю, ты рад.

— Черт возьми, конечно. Не хочется хвастаться, но если бы мы вернулись назад, я когда-нибудь получил бы пост Бэкхарта. Он сам так сказал. А ты бы стал моим заместителем по операциям. Мойше, Старик думал, что у нас есть то, что нужно для этой работы. Понимаешь, к чему я веду?

— Кажется, понимаю.

На мгновение Бен-Раби почувствовал разочарование. В поведении Мауса не было и намека на лояльность. Он смотрел на это дело как типичный наемник... «О чем, черт возьми, я ною? — подумал он про себя. — Я сам первый перебежал».

Бен-Раби бросил на Мауса пронизывающий взгляд. Он все сильнее и сильнее подозревал, что его напарник остался только потому, что остался он, а никак не по убеждению. Тогда откуда этот внезапный энтузиазм при мысли возглавить организацию, предназначенную для борьбы с бывшим работодателем? Что случилось с его навязчивой идеей уничтожить сангарийцев?

— Так над чем, я считаю, ты мог бы подумать, — сказал Маус, — это как нам построить организацию. Кого привлечь, на что обратить особое внимание — в этом роде. И еще — сама структура. Ты же лучший теоретик, чем я.

— Самой большой проблемой будет связь, Маус. — Бен-Раби пытался не воспринимать болтовню Мауса серьезно. Препятствия на пути создания секретной службы сейнеров были просто непреодолимы. — Как нам организовать тайную сеть, не имея связи? Понимаешь, что я имею в виду? Мы-то здесь, а наши объекты черт знает где. Мы с тобой всегда работали в таких местах, где можно было воспользоваться обычным коммуникатором или подключиться к сети флота. Предположим, что мы найдем кого-нибудь с Луны Командной. Предположим, у него появится ценная информация. И что же ему делать? Выскочить на улицу и орать во всю глотку?

— Найдем способ, Мойше. Сейчас не время беспокоиться о деталях. Не будь ты всегда таким пессимистом. Не говори: «Это невозможно», спрашивай: «Как нам это сделать?» Придумай способ, потом проводи его в жизнь. Вернемся к партии, пока они чего-нибудь не заподозрили.

Они обменялись парой ходов.

— Сдаюсь, — сказал Мойше. — Если б не тот дурацкий ход, я бы выиграл у тебя на этот раз.

— Дебют был плохой. Меня надо было обыграть. Еще партию?

— Одну. Потом мне стоит вернуться домой. Завтра Эми устраивает мне экскурсию к местным ксеноархеологам.

— Хотел бы я с вами пойти. Но Ярл взбесится даже из-за тебя одного.

Главная исследовательская станция была внушительна.

— Они приспособили астероидный док, — объяснила Эми. — Чтобы изучать корабли изнутри.

Планетоид был меньше того, в котором нашел приют «Данион», и все же его размеры были достаточно впечатляющими. Внутри было не меньше ста кораблей. Некоторые из них выглядели так непривычно, что их обводы резали глаз.

Внутреннюю поверхность астероида покрывали офисы и лаборатории, собранные под общей стеклостальной крышей. Сотрудникам лабораторий были видны плавающие над головой корабли. Люди в доке видели, что происходит в офисах и лабораториях. Астероиду сообщили вращение вокруг продольной оси, что с успехом заменяло искусственную гравитацию, которая вызывала бы постоянную нестабильность кораблей.

Мойше с Эми вошли через люк на одном конце астероида и быстро огляделись по сторонам. На Мойше док произвел впечатление. Линия кораблей тянулась бесконечно и исчезала вдаль.

— Корабли вводят с этого конца, — сообщила Эми. — Их осматривают, изучают и те, что непригодны, переводят в эту линию. — Она указала на дальнее судно. Его утаскивали буксиры. — В дальнем конце — переработка. Ненужные ученым корабли идут на слом или переоборудуются. Давай посмотрим, нет ли скутера.

Час спустя Эми представила его женщине по имени Консуэла эль-Санга.

— Консуэла — мой старый друг, Мойше. Консуэла, может быть, у Мойше найдется пара интересных для тебя идей.

Консуэла эль-Санга оказалась маленькой худощавой женщиной лет пятидесяти. Это был тип погруженного в работу исследователя, который всю жизнь посвятил удовлетворению своего любопытства. Мойше она понравилась сразу, и так же сразу он понял сходство между ней и собой. За рамками своей профессии Консуэла была очень застенчивой и неуверенной в себе.

— Вы ксеноархеолог, мистер бен-Раби?

— Нет, Эми преувеличивает. Меня даже не назовешь даровитым любителем. Просто до не-

давнего времени я довольно пристально следил за раскопками на Луне Командной. У меня были там знакомые.

На него обрушилась темнота. Ощущение было как от физического удара. Перед ним стояло женское лицо. Он не видел его уже многие годы. Элис. Его любовь академических времен. Девушка, которая работала на лунных раскопках.

— Мойше! — Голос Эми звучал испуганно. — Что случилось? Что с тобой?

Он поднял руку, помахал.

— Да нет, все в порядке. Просто замедленная реакция на вращение планетоида. — Он резко встряхнул головой. — Никогда не был в центробежной силе тяжести.

А внутри он чувствовал ужас. Что это? Этого не было уже несколько месяцев. Он поймал себя на том, что говорит, говорит не переставая.

— Я был на раскопках полтора года назад. Там как раз открыли новую камеру в отличном состоянии. Даже думали, что кое-что из оборудования еще может работать.

Эми и Консуэла пристально за ним наблюдали.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — спросила Эми.

— Конечно, конечно. Мисс эль-Санга, чем я могу вам помочь?

— По правде сказать, не знаю. Можем провести вас по кораблю, который, по нашему мнению, имеет отношение к базе на Луне. Взгляните свежим глазом. Мы уверены, что связь есть, но по политическим соображениям мы не можем связаться с тамошними учеными.

— Очень жаль.

— Идемте. Мы начнем с предметов, снятых с кораблей. Значит, ты теперь замужем, Эми.

Бен-Раби уловил странную нотку в этом то ли вопросе, то ли утверждении. Он пристальнее посмотрел на обеих женщин. Между ними чувствовалась едва заметная напряженность, как будто когда-то за их отношениями стояло нечто большее, чем простая дружба и общие интересы. Он мысленно это отметил.

— Да, не сразу это у меня получилось. — Эми пыталась говорить непринужденно. Это не вышло.

Секундная дезориентация что-то сдвинула в сознании Мойше. Его сознание переключилось в режим секретного агента. Камеры заработали. Защелкали перекрестные ссылки компьютера. Окружающие предметы обрели новую глубину, новое значение. Они стали ярче и интереснее. Движения бен-Раби стали быстрее и увереннее.

— Это место мы в шутку называем музеем, — сказала Консуэла эль-Санга, помедлив перед открытой дверью. — На самом деле это, конечно, не музей. Это просто склад. Кем бы ни были эти существа, они оставили после себя очень мало. Большею частью это обыкновенный мусор. Но именно с мусором всегда работали археологи. Сломанные наконечники, осколки горшков и все вообще, что древние выбрасывали из своих хижин.

Мойше двигался вдоль рядов металлических стеллажей. На них лежали сотни предметов, на каждом был ярлык с датой, номером корабля, инвентарным номером и кратким предположением о том, что это может быть. На некоторых были ссылки на другие инвентарные номера.

Дважды он задержался, тщательно осматривая предмет, и говорил:

— Похожую штуку я видел на раскопках на Луне. Я бы сказал, что здесь есть определенная связь.

— Не обязательно, — отозвалась на второй раз Консуэла эль-Санга. — Просто схожее назначение. Скажем, расческа. Любое создание, покрытое волосами, изобретает расческу. Согласны? Так что существование расчески не доказывает ничего, кроме схожих физических черт.

Когда Мойше покончил с осмотром полок и стеллажей, она пригласила их вернуться в ее кабинет.

— Там я покажу вам два наших настоящих сокровища.

Мойше и Эми последовали за ней в следующую дверь.

— Ты тоже их еще не видела, Эми. Их нашли, когда ты уже улетела. Это части одной и той же находки.

Консуэла эль-Санга достала из стола два пластиковых пакета. Она обращалась с ними с любознательной осторожностью.

Мойше взял один, Эми — второй. Предмет, который держал бен-Раби, был листом бумаги, разорванным на мелкие клочки. На нем было заметно несколько выцветших значков.

— Это фотография? — спросила Эми.

— Отличная догадка, — ответила Консуэла. — Ну и помучились же мы с ними.

Мойше обменялся с Эми. Второй предмет действительно был очень сильно выцветшей двухмерной фотографией. Фотография была разорвана надвое.

— Сначала мы сложили все обрывки вместе, — продолжала Консуэла, — потом просканировали их лазерами слабой интенсивности и

провели компьютерную обработку изображения. И вышло вот что.

Сияя от гордости, она протянула им репродукции.

Цветная фотография была портретом существа, очень похожего на реконструированное по результатам раскопок на Луне. Бен-Раби так и сказал. Второй листок казался написанным от руки письмом.

— Удалось его перевести? — спросил Мойше.

— Мы даже не смогли определить, в каком направлении следует его читать.

— Вы не нашли никаких технических руководств или чего-нибудь в этом роде?

— Ничего. Только несколько букв на приборных панелях и дверных табличках. Каждый раз, когда букв больше, чем три, они расположены матрицами. Как здесь.

— Может быть, у них была голографическая система для чтения?

— Нет. Не согласуется с двухмерной фотографией. Вряд ли могла быть такая система.

— Очень интересно, — проговорил Мойше, снова берясь за фотографию. — Письмо типа «Прости, не смогла больше ждать»? Этот парень — или девица — психует и рвет на части

письмо и фотографию, но потом не может расстаться с клочками?

— Это одна из наших гипотез.

Мойше еще раз осмотрел письмо.

— Здесь тридцать четыре разные буквы. Есть какая-нибудь пунктуация?

— Не пытайтесь разгадать с налету. Даже компьютерам это не под силу. Подумайте, как трудно было бы расшифровать наш язык, начав с нуля. Заглавные буквы, строчные буквы, пунктуация, разница в написании в зависимости от диалекта, различные шрифты плюс стилизованное письмо и символы научной и технической литературы... Видите? Нам нужен целый корабль старых писем, романов и газет, чтобы расшифровать эту письменность. А не десяток табличек на приборах.

— Не беспокойся, Консуэла, — сказала Эми, — скоро мы будем на Звездном Рубеже. Там ты найдешь все ответы.

— Если мне повезет, чтобы меня взяли. Исследовательскую команду еще не назначили.

— Ты полетишь. Ты — лучшая.

Бен-Раби поглядел на жену и медленно покачал головой. Снова это безумие. Звездный Рубеж.

— Не знаю, что буду делать, если меня не возьмут, Эми. В этом вся моя жизнь. А я не мо-

лодею. Они могут сослаться на возраст и оставить меня дома.

— Не беспокойся, ты же знаешь, тебя не оставят в стороне. Ты — лучший специалист. И они знают, как много это для тебя значит.

— А когда, Эми? Ты ничего не слышала?

— Решение еще не принято, но уже скоро. Месяц или два.

Консуэла просияла.

— Ты уверена, что меня пошлют?

— Конечно, не будь глупой.

— А я глупая. Глупая старая женщина.

Эми нежно обняла ее.

— Это неправда. Ладно, идем, покажешь нам один корабль.

Консуэла эль-Санга усадила их в четырехместный воздушный скутер, и они отправились к кораблю. От низкой гравитации Мойше почувствовал легкость в теле и в мыслях.

— Такое чувство, что тут можно спокойно падать до дна, — сказал он, вглядываясь в дальний конец огромной полости.

Корабль, к которому они направлялись, был наименее чужим среди всех вытянутых в линию кораблей.

— Форма следует функции, — пробормотал Мойше, вспомнив реконструкции существ, сде-

ланные археологами Луны Командной. Они очень напоминали людей, только ростом были поменьше.

Шлюз корабля был открыт. Консуэла уверенно причалила и провела их внутрь. Она была невысокой, но даже ей пришлось пригнуться в коридоре.

Мойше провел в корабле около часа. Наконец он сформулировал свои впечатления:

— Выглядит не так уж и странно. Просто напоминает кукольный домик, будто все это выстроили для детей. О назначении половины оборудования можно догадаться. Вот только посадочные места выглядят странно.

— Как вы сами только что сказали, форма следует функции, — отозвалась Консуэла. — Мы провели сравнительный анализ кораблей этих существ, сангарийцев, улантидов и людей. Физические требования двуногих оказались универсальными. Основные различия диктуются размерами.

— А вон тот, третий отсюда корабль, кто его построил? Гигантские улитки?

— Мы не знаем. Забавно. В нем есть нечто почти отталкивающее. Когда приходит моя очередь обследовать этот корабль, приходится себя

заставлять. Как будто металл сочится враждебностью. В нем гораздо больше таинственного, чем в остальных кораблях. Он почти современный, если верить нашей технике определения возраста. К тому же он поврежден в сражений. Это единственный корабль такого типа, который нам удалось обнаружить. Он был так же чист, как и остальные. Один из моих коллег полагает, что команде пришлось покинуть корабль после случайной стычки во время кризиса, подобного Улантской войне, когда сбивали каждого, кто не успевал вовремя завопить «я — свой». Любопытно, однако, что он был окружен целой эскадрой наших маленьких друзей.

— Вражда?

Консуэла пожала плечами:

— Или случай. Корабли относятся к разным эпохам. Что они делали вместе? Не хватит и сотни книг, чтобы записать все вопросы, мистер бен-Раби. Иногда просто руки опускаются.

— Могу себе представить. А может быть, команда корабля подверглась нападению третьей стороны, когда занималась изучением старых кораблей?

— О такой возможности мы не думали. Я предложу эту идею...

— Консуэла? — окликнул их кто-то снаружи. — Это ты там?

— Да, Роберт. В чем дело?

— Кто-то разыскивает людей, которые приехали к тебе. Некто Киндервоорт, и он очень нервничает.

— Ого, — проговорила Эми. — Кажется, у меня неприятности. Я надеялась, что он не заметит. Консуэла, мне лучше ему позвонить.

Она позвонила из кабинета Консуэлы. Ярл брызгал слюной и приказал им возвращаться на «Данион». Немедленно.

— Мойше, — прорычал он бен-Раби, — мне плевать, если ты задвинешь свои гражданские занятия. Все равно это пустая потеря времени. Но не смей нарушать расписание тренировок! Немедленно возвращайся и принимайся за своих людей. Можешь потом весь остаток жизни смотреть на ржавые корабли, а сейчас займись аукционом.

На обратном пути Эми притихла. Только однажды она шепнула:

— Ну и задаст же он мне... — И крепче сжала руку Мойше. Пальцы у нее дрожали.

— Он жалкий любитель, — утешил ее бен-Раби. — Чтобы знать, что такое разнос, нужно

получить его от адмирала Бэкхарта. — С минуту он молчал, потом усмехнулся и добавил: — Но если разговор наедине, он позволяет рывкнуть на него в ответ.

Вскоре после своего возвращения они узнали, что в туманность возвращается еще один большой флот траулеров. Эта новость вызвала на борту «Даниона» новые радостные волнения.

Друг за другом возвращались армады сейнеров. На «Данионе» замелькали молодые свежие лица. Место погибших на Звездном Рубеже занимали выпускники технических школ сейнеров. Двадцать четыре часа в сутки на корабле раздавался стук и рев инструментов ремонтных бригад. Возбуждение и напряжение продолжали нарастать.

Звездный Рубеж. Они готовятся к возвращению. На этот раз всеми силами и с намерением остаться. Гордость, шовинизм и воинственность овладели всей эскадрой.

Мойше бен-Раби и Масато Шторм продолжали готовить команды, которые им предстояло возглавить на Сломанных Крыльях. Дни были долгими и изнурительными. Зачастую Мойше просто валился в постель, слишком измотанный даже для мирного супружеского поцелуя.

Он начал чувствовать давящую тяжесть. Она стало вторгаться даже в часы сна. Ему виделась девушка, с которой он расстался давным-давно, несколько жизней назад. Наяву участились мгновенные провалы памяти.

И рос его страх перед скрытыми процессами, что шли, быть может, в нижних этажах его подсознания.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:

3049 год н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Стоящие на мостике крейсера «Лепанто» напряглись.

— До выхода одна минута, — объявил офицер-астронавигатор.

Юпп фон Драхов обвел взглядом своих людей. Они застыли, как бегуны на старте в ожидании выстрела. Им предстояло за краткие минуты переработать бездну данных.

«Лепанто» приближался к звезде противника. Не было способа угадать, что его там ждет. Локационное оборудование не может работать из гипера, если не сделать предварительные замеры в норме. Крейсер шел вслепую.

Никто не знал возможностей сангарийских систем обнаружения. Они действовали в норме, так что у них было преимущество. И к месту выхода корабля уже могли стягиваться силы.

— Тридцать секунд.

— Оружейный отсек, готовность! — приказал фон Драхов. — Соберись, ребята!

Он опустил стекло своего шлема.

Быстрый выход для взятия пеленга и крутая дуга к сангарийскому солнцу...

— Пять секунд... Четыре... Три...

Люди на мостике придвинулись на сантиметр к дисплеям.

— Одна... Выход!

— Включить экраны!

— Командир, тяжелые корабли, пеленг...

— Дисплей готов!

— Три корабля, пеленг...

— Расстояние до звезды одна целая тридцать две сотых астрономической единицы...

— Наша относительная скорость...

— Атакующие ракеты, пеленг...

— Внимание на мостике! Оружейный! Два ракетных залпа!

Корабль вздрогнул и затрясся. Фон Драхов уставился в аквариум дисплея. Там ожили шесть красных бликов. Они двигались по подсвеченным кривым, выводящим на расстояние плевка от «Лепанто». Крохотные рубиновые искорки метнулись вперед, наперехват.

— ...время до перехвата сорок семь секунд...

Загудела, предупреждая экипаж, тревога перехода в гипер.

— До перехода в гипер одна минута, — бухнул голос по трансляции.

— Командир, мы обнаружили планету! — доложил кто-то.

— Изображение ко мне на экран!

— Есть, сэр!

Главный экран фон Драхова ожил. На мгновение на нем высветилась компьютерная модель местной солнечной системы, потом схема уступила место картине, передаваемой внешней камерой. На экране появился белый полумесяц. Увеличение быстро росло, и вот уже появился мир, полный океанов и облаков.

— Очень похоже на Старую Землю, — пробормотал фон Драхов.

— Да, сэр.

— Вы записываете?

— Пишем все, что можно, сэр.

— Двадцать секунд до гипера!

Фон Драхов снова взглянул на дисплей. Ракеты придвинулись ближе. Оружейный отсек отвечал только заградительным огнем. Принимая во внимание цель миссии, ввязываться в бой с кучкой рейдеров было бессмысленно.

— Есть что-нибудь возле солнца? — спросил адмирал.

— Нет, сэр. Оживленные действия только возле планеты и ее спутников.

Это имело смысл. Сангарийцы отобилизуют все, опасаясь, что «Лепанто» — лишь наконецник огромного копья, направленного на их Метрополию. Этой судьбы они страшились несколько столетий.

— До гипера пять секунд... Четыре...

Фон Драхов полагал, что корабли заграждения не прыгнут вслед за ним. Они останутся дожидаться остальных кораблей несуществующего флота.

— Одна... Вход!

Вселенная покачнулась. Экраны погасли. Аквариум дисплея, захвативший цели в норме, продолжал их вести. Фон Драхов уставился на красные точки, молясь, чтобы сангарийские рейдеры оставались там, где были.

— До выхода одна минута.

Астронавигаторы запрограммировали короткую, медленную дугу.

Фон Драхов заглянул себе в душу, ища там хоть каплю неуверенности в правильности приказа, который ему предстояло отдать. Он не хотел его отдавать. Каждая клетка его тела про-

тестовала против этого шага. И все же... И все же ему слишком много было известно: Ему была известна критическая важность результата. И у него был приказ.

— Спецоружие, готовность!

Приказ будет простой формальностью. Программа запуска стартовала уже час назад. Единственной его командой, которая имела бы сейчас значение, могла быть команда отменить пуск.

Он снова взглянул на дисплей.

— Черт!

Сангарийцы приближались. Их средства слежения оказались на высоте. Они убедились, что за кораблем-одиночкой никого нет.

— Кажется, мы разворошили этот улей, — сказал адмирал. К шести рейдерам, встретившим их в зоне выхода, подлетал целый рой, взлетевший с планеты.

— Двадцать секунд до выхода!

Стоит задача: вынырнуть на долю секунды, выпустить ракеты и вовремя смыться. Да еще часть кораблей погонится за ним до самого дома...

— Астронавигатор, программируйте следующий прыжок на Карсон.

Не надо приводить погоню слишком близко к аукциону на Сломанных Крыльях.

— Простите, сэр?

— Вытащите кассету и перепрограммируйте!

Вблизи Карсона должна крутиться эскадра. Можно будет проскользнуть внутрь под прикрытие ее заградительного огня.

— Есть, сэр!

— Выход!

— Спецоружие, пуск по готовности!

Все. Поздно отзывать ракету. Придется жить с этим всю оставшуюся жизнь.

— Спецоружие — запуск через три минуты двенадцать секунд, — доложил командир группы запуска.

— Почему задержка? У нас сангарийцы на хвосте!

— Прошу прощения, сэр. Заело разъем.

— Дальнобойные ракеты преследования, пеленг...

— На дисплей, пожалуйста, — приказал фон Драхов. Экран ожил. — Покажите мне звезду.

Какое-то мгновение он рассматривал бесконечную огненную равнину. На ней лежали широкие багровые континенты. Кажется, светило переживало период активности и солнечных пятен. Ему вспомнилось, что звезда сангарийцев предполагалась высокоактивной, с исключительно сильными солнечными ветрами.

— До спецзапуска две минуты!

Фон Драхов еще раз бросил взгляд на дисплей. Сангарийцы перли толпой. Они были плохо организованы, но их было слишком много. В открытом бою «Лепанто» могла помочь только молитва.

— Астронавигатор, как программа?

— Пять минут, сэр.

— У нас нет этих пяти минут. Составьте приблизительную дугу, чтобы вывела нас в его окрестность. Расчеты уточните в полете.

— Есть, сэр!

— ...до перехвата пятьдесят две секунды!

Фон Драхов глянул на дисплей. К моменту пуска вражеские ракеты будут уже у них под брюхом. На защитное поле «Лепанто» обрушится мощный удар.

— Черт возьми!

Плохо дело.

— До запуска одна минута!

Вахтенные на мостике сгорбились, как человек, ожидающий ожога плетью. Шестьдесят паршивых секунд. Чертовски короткая жизнь. Поденка живет дольше.

— ...до перехвата четырнадцать секунд!

Близко. А следующий залп ляжет еще ближе.

— Астронавигатор! Одна миллисекунда свободного полета в гипере, прямолинейно! — рывкнул фон Драхов.

— Простите, сэр?

— Выполняйте!

Завыла сирена, корабль трянуло.

Экран командира корабля вспыхнул снова. Сангарийское солнце слегка сдвинулось. Стала видна линия горизонта. Она была прямой.

Наводчики взвыли. Им приходилось перепрограммировать.

— И тем ребятам тоже придется. Спецоружие, время до пуска?

— Тридцать две секунды, сэр!

— Ракеты пеленг двести девяносто пять, двенадцать градусов надир. Время до перехвата — двадцать шесть секунд.

Фон Драхов вздохнул. Неплохо.

— Джентльмены, мы это сделаем!

Команда на мостике не расслаблялась ни на секунду. Они знали, что его замечание было наполовину молитвой. Это совершенно недвусмысленно подтверждал дисплей. На них устремился залп небывалой мощности.

А до дружественного пространства еще много-много световых лет.

— Десять секунд до пуска!

К тому же еще неизвестно, достигнет ли оружие цели. Если сангарийцы его собьют, то «Ле-

панто» придется пытаться снова. Второй заход мог выйти роковым.

«Лепанто» вздрогнул и затрясся.

— Проклятие, это уж слишком близко! — воскликнул кто-то.

— Два. Один. Пуск! Ракета пошла!

Корабль снова тряхнуло.

— Одна десятая секунды свободного прямолинейного полета в гипер! — приказал фон Драхов. — Слежение! Зафиксировать оружие. Я должен знать, доберется ли оно до цели.

Крейсер нырнул. Фон Драхов глядел то на дисплей, то на экран, следящий за летящей к солнцу ракетой.

Сангарийским ракетам было ее не догнать. К черной игле метнулись лучи лазеров и гразеров, лизнув ее своими огненными языками.

— Телеметрия! Как защита ракеты?

— Превосходно, сэр.

«Лепанто» вздрогнул. Время было на исходе.

— Ракета вошла, сэр. Теперь ее уже не остановить. Защитные экраны ракеты стабильны.

— Астронавигатор! Выгаскивайте нас отсюда.

— Вы все еще хотите сделать наблюдательный облет, сэр?

Научники просили полетать вокруг и зафиксировать результаты.

— К черту эту чепуху! Сматываемся, пока из нас шашлык не сделали!

Завыла сирена гипера. Корабль метнулся в параллельное измерение. Фон Драхов вернулся к аквариуму дисплея.

— Да, среди них есть и профессионалы, — прошептал он. — Настоящие профессионалы.

Четыре корабля уже поймали след и догоняли крейсер.

— Двигатели! Довести коэффициент влияния до красной черты!

— Сэр!

— Вы меня слышали. Надо будет — перейдете и за черту. Будьте готовы.

— Есть, сэр!

Фон Драхов бросил еще один взгляд на дисплей. Там шевелились контуры чужого солнца. Сейчас ракета погружается вглубь, в самое его сердце. Через несколько часов начнется необратимый процесс. Он снова заглянул в себя, пытаясь понять, что же сейчас чувствует. И нашел лишь зияющую пустоту, иссушенную пустыню смерти.

В этот момент он был невысокого мнения о Юппе фон Драхове.

Книга Вторая

**СПОМАННЫЕ
КРЫЛЬЯ**

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:
3050 год н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Шагая по улицам Города Ангелов, Лемюэль Бэкхарт чувствовал себя абсолютно незащищенным. Конечно, город находился под колпаком, но стеклостальной купол был слишком высоко. Бэкхарт родился на Луне Командной и большую часть жизни провел либо там, либо на военных кораблях. Для комфорта ему нужны были палубы, переборки и перекрытия над головой.

Миры под открытым небом были для адмирала сущим адом.

Он засунул руки в карманы гражданских брюк, которые надел на этот раз. Все складывается как нельзя лучше. Время выбрано правильно. Утечка информации привела к тому, что все комментаторы просто взвыли, требуя крови.

Забавно, какими патриотами они сделались, как только узнали, что им тоже может припечь

задницу... Эти парни из связи с общественностью знают свое дело. Умеют выдержать равновесие и сеять тревогу, не вызывая паники. Обрывками информации пугали сессии законодательного собрания, направляя народных избранников, как овчарки стадо, и получали все, что требовалось. Сенат Конфедерации шлепал золотую печать на все предлагаемые меры.

Однако настоящей победой был поток заявлений о вступлении в Конфедерацию от внешних миров, упрямо цеплявшихся за независимость в течение целых поколений. Хорошо организованный страх — вот настоящий рычаг. Пусть знают, что, когда запахнет жареным, Конфедерация будет защищать только своих, а остальных пошлет ко всем чертям. Ох, политики чертовы. Они тоже наварили на этом кризисе.

Каждый разыгрывал эту карту как мог.

Удастся ли вовремя успокоить все эти маневры и интриги? Природа человека такова, что он не может забыть о внутренних раздорах, даже когда судьба уже стучится в дверь.

Да, эти ребята из связей с общественностью — просто клад. До сих пор они не сказали ничего конкретного. Машина пропаганды на полных оборотах — достойный восхищения предмет.

Бэкхарту было забавно, что ему доставляет такое удовольствие высокий профессиональный уровень отдела, которым командует не он.

Однако настроение его упало, когда он вспомнил последние новости от коллег из разведки Уланта. Эта центральная раса... Кажется, они получают какое-то особенное, совершенно необъяснимое удовольствие от убийства.

В последнем пакете с Уланта оказалась кассета, записанная на планете с технологией Бронзового века. Маленькие одетые двуногие, похожие на помесь орангутанга и кенгуру, вооруженные в основном ручными автоматами, систематически уничтожали местное население. Кассета была полна разрушенными городами, горящими деревнями, убитыми младенцами. Не говоря уже о грудах тел, в которое превратилось все живое на планете.

Все, что шевелилось, эти твари убивали. Все, что не шевелилось, отыскивали и тоже убивали.

В этом примитивном мире небо не застилали корабли, только шли потоки транспортов, которые доставляли войска, боеприпасы и небольшие флаеры, предназначенные для охоты за дикими существами в лесах и горах. Эксперты улантидов оценивали численность экспедиционного корпуса в десять миллиардов солдат.

Бэххарт никак не мог представить себе это число. Десять миллиардов. На один доисторический мир. Даже во времена самых напряженных военных действий Конфедерация и Улант вместе взятые не ставили под ружье столько народу.

— Это какое-то безумие, — пробормотал Бэххарт.

Он остановился перед зданием, где когда-то Томас Мак-Кленнон, теперь Мойше бен-Раби, отвлекал сангарийку, пока Шторм пускал под откос ее операцию в Городе Ангелов. Черт возьми, эти ребята тогда горы свернули! А теперь снова добились невозможного, дав ему координаты сангарийской Метрополии.

Он должен их вытащить. Любыми средствами. Бэххарт никогда не списывал людей, пока они живы.

Адмирал был настроен решительно. Должны найтись рычаги, чтобы заставить сейнеров отпустить ребят... Если вопрос будет стоять так, что в будущей стычке он не сможет выиграть больше, адмирал все равно будет удовлетворен.

Но обстановка говорила о возможности еще одного прорыва...

— Спокойно, парень, — буркнул он себе под нос. — Сначала главное. Ты приехал вытаскивать своих ребят. Остальное потом.

И все равно обстоятельства складывались удачно. Ходили слухи, что сангарийцы жаждут реванша. Три против одного, что сейнеры предпримут новую попытку у Звездного Рубежа. Слухи и утечки информации, организованные Луной Командной, подняли ажиотаж по поводу дефицита амбры. На этом конце рукава галактики многие станут поглядывать на оружие.

Адмирал был доволен. Он все отлично разыграл. Теперь о фон Драхове помнит только он и Верховное Командование. Если фон Драхов справится, то эта новость грянет как гром среди ясного неба.

Бэкхарт подошел к складу, где когда-то помещалась штаб-квартира сангарийской операции. Теперь он превратился в выжженные развалины. Власти еще не успели расчистить это место.

— Иногда, Лемюэль, ты бываешь не слишком жалостлив, — сказал он сам себе.

Ему претило кое-что из того, что приходилось делать, но он искренне верил, что это необходимо.

Центральная раса внушала ему ужас. Голодные кролики, так прозвал он их про себя без особой на то причины.

Десять миллиардов на одну планету. Десятки тысяч кораблей.

Как же их остановить?

Откуда, черт возьми, у них это стремление убивать? В нем никакой логики.

Можно ли сделать что-нибудь еще? Что-нибудь, о чем он не подумал?

Ночами Бэкхарт ворочался с боку на бок, пытаясь что-нибудь придумать. Он подозревал, что этой бессонницей страдает все Верховное Командование, прокручивая все те же мысли в попытках найти выход из этого кошмара.

Пискнул сигнал. Бэкхарт поднес коммуникатор к уху.

— В собственные руки, срочно, для Черного Камня, — произнес далекий голос. Адмирал повесил коммуникатор на пояс и поспешно направился к своему штабу.

Курьер был капитаном первого ранга. На боку у него висел пистолет, а послание было запрятано в невскрываемом кейсе, запрограммированном на взрыв, если его попытается открыть кто-нибудь, кроме Лемюзля Бэкхарта. На кейсе стояла печать Верховного Командования.

— Присаживайтесь, капитан. Какие новости на Луне Командной?

Капитан оказался очень неразговорчивым.

— Кажется, что-то готовится, сэр.

— Это-то ясно. Сюда вы прибыли на эсминце?

Орбиту Сломанных Крыльев патрулировали три эсминца. Они находились здесь по просьбе адмирала.

— Да, сэр. На «Ассирийце».

— Там по-прежнему командиром Попанокулос? — Бэкхарт вложил большие пальцы в соответствующие гнезда кейса. Что-то загудело. Адмирал ногтем откинул крышку.

— Да, сэр.

— Ну и как он? Когда-то давным-давно он был моим студентом.

Адмиралу не хотелось открывать белый конверт без пометок, лежавший на дне чемодана.

— Он в добром здравии, сэр. Просил передать вам свои наилучшие пожелания.

— Передайте ему мои, капитан.

Адмирал нажал на розовую кнопку внутри чемоданчика, сообщая, что его содержимое доставлено по назначению. Потом ему придется нажать на эту кнопку еще дважды: когда сообщение будет прочитано и когда будет уничтожено.

Капитан слегка пошевелился в своем кресле. Ему явно не терпелось вернуться на «Ассириец». Бэкхарт вскрыл конверт и достал оттуда листок бумаги, который казался совершенно чистым. Он надавил пальцами на нижние углы листка. Не-

видимые микросхемы считали его отпечатки. На бумаге медленно проступило написанное от руки послание, буквы появлялись друг за другом в том порядке, в котором они были написаны.

«Л: На научной станции все пошло прахом. Причина неясна. Система уничтожена. Погибло все. ФД с двумя яблоками в пути. Огласка неизбежна. М.».

Бэкхарт положил листок на стол и закрыл лицо ладонями.

Пропала главная надежда. Не сообщая причины, он уже попросил своего партнера-уланттида о дополнительной глубокой разведке в направлении центра галактики для обнаружения родных планет противника, которые можно было бы разнести новым оружием. Он надеялся, что мощь и разрушительная сила нового оружия смогут замедлить кровавый крестовый поход центральной расы.

Погибло все. Пропала вся информация, и о самом оружии, и о роковой ошибке. К чертовой матери!

Адмирал щелкнул по розовой кнопке, сжег бумагу и щелкнул еще раз.

— Благодарю вас, капитан. — Он отдал кейс. — Ответа не будет.

— Ясно, сэр. Всего доброго.

Пока офицер закрывал за собой дверь, с лица адмирала не сходила озадаченная улыбка. Всего доброго. Чего уж тут доброго. Он нажал кнопку настольного коммуникатора.

— Мне нужен майор Дамон.

Через несколько дней раздался сигнал связи.

— Да.

— Отдел связи, сэр. — Голос оператора звучал хрипло. — Сообщение с «Ассирийца». Звездолеты уже здесь. Их только что обнаружили.

Бэкхарт оживился.

— А в чем проблема? — спросил он.

— Сэр, я... разрешите мне передать вам данные с «Ассирийца», сэр.

Бэкхарт коснулся кнопки. Экранчик коммуникатора ожил. По нему побежали цифры, потом появилась схема корабля.

Бэкхарт перечитал цифры размеров трижды. И потом тихо сказал:

— Твою мать! — Откинулся в кресле и приказал: — Связь, передавайте, пока я не скажу остановиться.

— Есть, сэр.

Он просмотрел отчет три раза подряд и только потом успокоился.

— Так вот, значит, что такое траулеры...

Это были автономные миры. Если бы флоту удалось заполучить с десятков этих чудовищ и оснастить их вооружением имперского класса...

— Связь, найдите майора Дамона. Попросите его явиться ко мне.

Командир батальона военной полиции морской пехоты явился через несколько минут.

— Майор, в наших планах будет изменение. Взгляните-ка на это.

Бэкхарт прокрутил ему отчет, полученный с «Ассирийца». Дамон был ошарашен.

— Садитесь, майор. Пора устроить мозговой штурм.

Штурм длился день, ночь и утро следующего дня. Его прервало сообщение связистов:

— Адмирал, сигнал с «Ассирийца». Они перехватили обмен между кораблями сейнеров, сэр. По их мнению, вам это должно быть интересно.

— Конечно, интересно. Давайте их сюда.

Трансляция была короткой. И вызвала недоумение пополам с радостным возбуждением. Звездолеты планировали поручить обеспечение безопасности на аукционе его собственным ребятам.

Адмирал дважды перечитал сообщение. Убедившись, что ошибки нет, он сказал:

— Майор, вы свободны на восемь часов. После этого я жду вас здесь, и мы продолжим

с того, на чем остановились. Это опять все меняет. Если нам удастся сработать как следует, то на бобах не останемся.

Когда майор ушел, Бэкхарт потребовал у «Ассирийца» интелной связи с Луной Командной и потратил более часа на совещание. После этого адмирал дал отбой и слабо улыбнулся. Кажется, аукцион может оказаться более чем неожиданным подарком.

Он направился к дивану, надеясь пару часов вздремнуть, но заснуть не смог.

Его снова грызла совесть. В очередной раз ему придется жестоко использовать своих ребят во имя служб и Конфедерации.

Как он от этого устал...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:

3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Флот Пейна вышел из гипера примерно на расстоянии радиуса солнечной системы от Сломанных Крыльев. Данион находился на острие клина кораблей, направлявшихся к планете. Траулеры сопровождало более сотни вспомогательных кораблей, одолженных у других флотов.

Сейнеры хотели произвести впечатление. Они считали, что подобная демонстрация силы должна приковать все глаза к Сломанным Крыльям.

Прибыль от аукциона значила много, но отвлечь внимание от Звездного Рубежа было еще важнее.

Почти все силы звездоловов вошли в гипер, устремляясь к планете-крепости. Собрались флотилии траулеров. Сотня траулеров, тысяча вспомогательных кораблей и бессчетные миллионы

людей были задействованы в попытке овладеть миром оружия. Гигантская армада, несущая с собой надежды всей нации, шла в обход торговых путей, ожидая информации об успехе отвлекающего маневра с аукционом.

Конфронтации с Конфедерацией нельзя было допустить. Руководство сейнеров отлично понимало гибельность войны на два фронта.

Даже война на один фронт была достаточно рискованной.

— У нас неприятности, — сообщил Ярл Киндервоорт своим подчиненным. — Мы только что получили разведданные из района Звездного Рубежа. Туда вошли сангарийцы.

Маус издал звук, подозрительно напоминавший мурлыканье.

— Я переживу, если им снова накидают.

— Кому-то точно накидают. В докладе сообщается, что там несколько сотен рейдеров.

Шторм и бен-Раби насторожились.

— Сотен? — переспросил Маус. — Это значит... Проклятие, это может означать только одно: Семьи собираются действовать совместно. Они так не делают.

— Кажется, они готовы продать душу дьяволу, лишь бы заполучить Звездный Рубеж, — заметил Киндервоорт.

— Не только они, — пробурчал бен-Раби. Он презрительно фыркнул и покачал головой. — А кто в этом виноват, Ярл?

— Что ты имеешь в виду, Мойше?

— Вспомни-ка наше последнее столкновение. Вспомни некую Марию Элану Гонзалес, техника, она же Мария Штрехльшвайтер, сангарийский агент. Припоминаешь? Дама, которая пыталась взорвать «Данион»? Я ее ранил и помещал ей. А вы, добрые души, заботливо ее подлатали и отослали домой с остальными наземниками. Бьюсь об заклад, что она побежала прямиком к своим хозяевам и организовала тебе этот подарочек. Доброта не окупается, Ярл.

Маус сдвинулся вместе со стулом и глянул на бен-Раби в упор. Но ничего не сказал.

Давным-давно, в одном далеком мире, который звался Сломанные Крылья, партнер Мауса, носивший рабочее имя доктора Гундакара Нивена, помещал ему убить сангарийского агента по имени Мария Штрехльшвайтер.

Мойше покраснел.

— Давайте не будем скульпить: «надо было», — сказал Киндервоорт. — Важно, что надо сейчас. Эми, дай мне эти доклады.

Эми передала ему через стол папку с микрофильмами.

— Флот тоже чертовски интересуется этим уголком вселенной. Вокруг Сломанных Крыльев крутятся три тяжелых эсминца: «Габсбург», «Прус-сак» и «Ассириец».

— Имперского класса? — спросил Маус. — Все класса «Империя»? Серьезные ребята, ничего не скажешь.

— Возле Карсона и Сьерры тоже эсминцы. Наши друзья свободные торговцы не смогли подобраться настолько близко, чтобы их идентифицировать.

— Не говоря уже о том, что припрятано в кустах, — задумчиво заметил бен-Раби.

— Мойше?

— Они же играют в покер, Ярл. Нам предъявили пару тузов. А нам очень важно, что еще у них в колоде. Что они держат в паре световых лет отсюда и готовы выпустить?

— Думаешь, они будут играть силовую игру?

— Нет, на это не похоже. Но нам придется поломать голову, чтобы вычислить, что же на самом деле они замышляют. Флот никогда не нагоняет столько железа в одно место, если не считает, что ему придется пустить его в ход. Редко когда приходится встречаться с патрулем, в котором больше двух кораблей.

— Ты знаешь образ мыслей служб лучше меня. Что их так взбудоражило?

— Диспозиция с виду оборонительная, — ответил Мойше, — и это снова ставит вопрос о нашей слабой наземной разведке. Какая готовность планетарных сил объявлена на Трансверсе? Мобилизовали они резервы? Если да, то какие? Будь у нас такая информация, мы могли бы прикинуть, чего они опасаются.

— У нас есть доклад команды связи. — Киндервоорт порылся в папке.

Несколько недель назад Маус и бен-Раби стояли на высылке передовой группы.

— Я его уже видел, — отозвался Мойше. — Сломанным Крыльям дали обычный временный статус свободной планеты. Готовят все к открытому аукциону. Городские власти до того перетрусили, что поставили под ружье всю свою полицию и запросили в помощь военную полицию космической пехоты. Они ждут неприятностей, но никто не знает почему.

Шифровки сообщали, что вокруг Сломанных Крыльев собралось более трехсот частных кораблей. На каждом была торговая команда, которая надеялась увезти с собой бесценный запас амбры. Большинство судов были вооружены.

Все исследованное пространство, казалось, охвачено военной лихорадкой, неизвестно против кого направленной. Абсолютно все вели себя странно. У аукциона был шанс окончиться дикой потасовкой.

— Мойше, Мойше, — проговорил Киндервоорт. — Не боюсь признаться, что все это меня пугает. Заваривается что-то крупное, и, похоже, крупнее, чем можно предсказать. Будь осторожен, очень осторожен.

— Это может оказаться слишком крупным для всех, — отозвался Маус тихим и задумчивым голосом. — Этот ком может всех нас под себя поднять.

Два дня «Данион» и его собраты медленно дрейфовали по направлению к Сломанным Крыльям, присматриваясь и прислушиваясь. Им удалось сохранить свое приближение в секрете несколько дольше, чем ожидал Мойше. Он и его товарищи получили два дня на размышления.

Эти два дня не принесли успокоения. Город Ангелов был воплощением ада. Там как из-под земли выросли армии преступного мира. Они грызлись между собой с великолепным пренебрежением как к здравому смыслу, так и к спокойствию города.

Страх перед войной вызвал цепную реакцию сумасшествия.

Как руководитель наземной команды бен-Раби теперь обзавелся собственным кабинетом и персональным помощником. Место помощника заняла его жена.

«По крайней мере, пока все это не кончится, я буду важной шишкой», — подумал он. Мойше не очень верил в теорию Мауса о том, что их готовят возглавить всю секретную службу сейнеров. Он не мог найти этой теории независимых подтверждений.

Загудел интерком.

— Бен-Раби слушает.

— Это Ярл. Мойше, ты мне нужен.

— Когда?

— Прямо сейчас. Последнее совещание.

— Иду.

Он собрал бумаги, завернулся, как в плащ, в свой патентованный фатализм и направился в кабинет Киндервоорта. У двери он столкнулся с Маусом.

— Пошла свистопляска, — заметил тот.

— Не говори. Человек с каплей здравого смысла отменил бы аукцион.

— Но только не сейнеры, — усмехнулся Маус. — Не забывай, аукцион — всего лишь деталь на их большой картине.

— Они бы его проводили и без этой картины.

— Давайте сюда, — позвал их Киндервоорт и немедленно представил командирам и начальникам служб безопасности остальных траулеров флота Пейна.

Эти джентльмены присутствовали на совещании лишь в виде голографических портретов. Киндервоорт, Мойше и бен-Раби таким же образом присутствовали у них на борту. Они, голографическое оборудование и техники превратили и без того не очень просторный кабинет Киндервоорта в спичечный коробок.

— Заключительные доклады принесли? — спросил Киндервоорт.

Бен-Раби кивнул.

— Вот они, — сказал Маус. — Но вам они не понравятся.

— Почему?

— Они основаны на реальной ситуации. То есть содержат рекомендации отменить или отложить.

— С тем, что вы нам дали, мы не можем обеспечить безопасность, — добавил бен-Раби. — В этих условиях — не можем.

— Мы как раз об этом говорили. Сколько еще людей вам потребуется?

— Бригада военной полиции, — буркнул Маус.

— Чему ты удивляешься, Мойше? — спросил Киндервоорт.

— Просто подумал о том, что это не похоже на работу в бюро. Ты просишь адмирала дать больше, чем он дает, он половину забирает и приказывает обходиться этим. Я бы сказал, что нам потребуется еще сотня людей. И еще два месяца на их подготовку.

— Мистер Шторм, это реальные цифры? — спросил один из командиров.

— Минимум необходимого. Мой партнер — один из самых неисправимых оптимистов. Но выход есть. Отменить увольнительные. Не пускать на планету никого, кроме участников аукциона. Мы могли бы организовать...

— Прошу прощения, мистер Шторм, — вмешался командир «Даниона». — Это невозможно. Мы пообещали своим людям свободу. Мистер Бен-Раби, мы дадим вам столько людей, сколько потребуется, но к аукциону необходимо приступить немедленно.

— Вы просто потеряете людей! — Бен-Раби повысил голос и настолько вышел из себя, что даже топнул ногой. — Увольнительные — идиотизм! Чем больше наших людей будет шататься

по городу, тем меньше я смогу обеспечить защитой.

Он уже много раз проигрывал этот спор. Начальство обещало предоставить каждому шанс взглянуть, как выглядит жизнь на планете. Они не станут отказываться от своего слова, если не поймут, что ситуация в Городе Ангелов опаснее, чем они думают.

Мойше стал подозревать, что это делалось намеренно и только для того, чтобы запугать сейнеров числом жертв среди мирных туристов. Если его предположения верны, то кто-то там наверху может поспорить в жестокости и хладнокровии с его прежним боссом, адмиралом Бэкхартом.

— Ну что ж, значит, так и будет, — сказал он вслух. — У вас на планете все время будет не менее десяти тысяч человек. Торговцам Города Ангелов счастье, а мне головная боль. У меня будет только пятьдесят человек из тех ста, что вы нам даете. Пятьдесят на десять тысяч нацело не делится, так что туристы окажутся предоставлены самим себе. Если они попадут в беду — не повезло. Я прикрою участников аукциона и руководство, а об остальных пусть печется Всевышний.

Он окинул взглядом аудиторию. Она ему не симпатизировала.

— Вы сами послали меня на эту работу, — прорычал он. — Так почему же вы не даете мне заниматься своим делом?

— Джентльмены, то же самое касается моей смены, — поддержал его Маус. — Там, под нами, — настоящий мир. Мир Конфедерации, шпионов и плохих ребят, должен вам сказать. Эти люди поступают не так, как принято у звездоловов. Мне позволили считать, что Мойше и мне поручили заниматься этой работой, потому что мы знакомы со Сломанными Крыльями и с повадками Конфедерации. И разбираемся в вопросах разведки и контрразведки. Вам бы стоило учесть наше мнение экспертов. А вы вместо этого стараетесь подогнать чуждые реалии под ваше мнение о том, какими им следует быть.

Шторм подмигнул Маусу. Они перешли в наступление. И удачно.

— Спокойно! — сказал Киндервоорт. — Сейчас не время показывать характер. Эту работу надо сделать, нравится нам это или нет.

На столе у Киндервоорта пискнул коммуникатор.

— Безопасность.

— Джеймс, радиорубка, сэр. Командир корабля у вас?

Командир шагнул к столу.

— В чем дело?

— Отмечена возросшая интенсивность шифрованных сообщений, сэр. Это может означать, что нас обнаружили.

В течение следующих нескольких минут еще несколько служб доложили о тех же подозрениях. Эти доклады помешали Мойше и бен-Раби продолжать отстаивать свое мнение. Командир корабля извинился и исчез, старший помощник следом. Голографические участники совещания погасли. Техники начали собирать оборудование.

— Разрази меня гром, — буркнул Мойше.

— Что ты думаешь? — спросил Киндервоорт.

— Ужас! — отрезал Маус.

— Мойше?

Мойше развел руками с видом полного фатализма.

— Какого черта меня спрашивать? Все равно меня никто не слушает.

— Вы думаете, есть риск, что они смогут наложить лапы на кого-нибудь, кто знает что-то стоящее?

— Конечно, есть. Ты же видел отчеты с планеты. Ребята знают свое дело, а я пытаюсь делать свое. Если же мне не дают...

— Мойше, я не командир корабля. Строго между нами говоря, я считаю, что ты прав. Командир корабля полагает, что вся вселенная — один большой корабль сейнеров. Он считает, что Конфедерация вроде нас, только действует против нас. Вроде конкуренции флотов. Он не прав, но он здесь командует. Если он хочет, чтобы увольнения давались свободно, значит, так и будет. Делай, что сможешь, а если потеряешь много народа — стисни зубы. Главное — не дать им докопаться до того, что происходит на Звездном Рубеже, пока мы не захватим оружие.

— Это означает новую драку с сангарийцами, Ярл. Это означает, что, если она начнется, подкреплений нам ждать неоткуда.

— Правда. Мы предоставлены самим себе. Так что медленно. Постепенно. Тянем время на этом аукционе. Если повезет, Грабер успеет раньше, чем мы перестанем отвлекать на себя внимание.

— Подставляем, как бараны, — проворчал Маус.

— Скорее козлы, — возразил бен-Раби. Они невольно заговорили идиомами наземников. — Козлы отпущения.

Заработала система всеобщей связи. Командир корабля вызывал добровольцев, желающих вступить в силы безопасности для обеспечения аукциона.

Добровольцы не замедлили появиться. Первой оказалась Эми.

— Ты останешься здесь, — заявил Мойше. — Это мое последнее слово.

Она стала возражать. И резко.

— Лейтенант! — обратился к ней Мойше. — Вы остаетесь на борту корабля. Это приказ. Ярл, ты меня поддерживаешь?

Киндервоорт кивнул.

— Разрази тебя гром, Мойше бен-Раби...

— Дорогая, я не позволю, чтобы тебя уколошили. Лучше замолчи и возвращайся на работу.

Добровольцев были тысячи. Продлить пребывание на планете хотелось всем. В опасность никто не верил. Прежние аукционы, по словам очевидцев, походили на долгие, веселые вечеринки.

— Готов твой список? — спросил Мойше.

Шторм кивнул.

Они беседовали с кандидатами, которые прошли предварительный отсев. Каждый отмечал в своем списке лучших. Они договорились взять первые сто человек, имена которых окажутся в обоих списках.

На орбите у Сломанных Крыльев недавнее прошлое показалось бен-Раби каникулами. Ни он, ни Маус не смогут вдруг превратить добровольцев в солдат. Даже ветераны оказались никуда не годны. Жизнь сейнеров вертелась вокруг космоса, кораблей, сбора амбры. Космолетчики из них вышли бы классные. Наземные солдаты — никогда.

Самым сложным оказалось заставить их понять, не головой, а печенками, что кто-то, кто стоит перед ними, может оказаться врагом. Данность жизни была такова, каждый, кого ты видишь, — друг. Враги существовали для них только как точки в аквариумах дисплеев.

— Это даже наземникам тяжело понять, — заметил Маус. — Именно поэтому космические пехотинцы так долго сидят на начальной ступени. Наша культура не воспитывает охотника-убийцу. Нам следовало бы построить машину времени и набирать себе людей средневековья.

— Маус, они бы не поняли, из-за чего пошла заварушка, — рассмеялся Мойше. — Они бы животики надорвали от смеха.

«Данион» и его собраты вышли на геостационарную орбиту над Городом Ангелов. Предупреждение было понятно и без перевода. Если внизу начнут дурить, на город обрушится небесный огонь.

Мойше, в космическом скафандре, сгибаясь под грузом оружия, присоединился к Маусу, и друзья направились к станции выхода.

— Жаль, что у нас нет настоящего боевого снаряжения, — заметил Маус. — Эти костюмы много не выдержат.

— А ты сохраняй оптимизм.

— Поспать удалось?

— Не вышло. Смотрел новости из Города Ангелов.

Эти новости его потрясли.

— Я тоже. Затевается что-то крупное. Слишком много подводных течений. Будь осторожен, Мойше. Мы не должны позволить себя запутать.

— Ты когда-нибудь чувствовал себя лишним винтиком?

— С первого дня работы у Бэкхарта. Всегда было что-то, чего я не мог сообразить. Ну, вот мы и на месте. А Ярл что-то взбудораженный.

Киндервоорт следил за погрузкой четырех лихтеров, которые должны были первыми пойти на посадку, парами с пятнадцатиминутным интервалом. Шторм и бен-Раби должны были командовать двумя первыми.

— По-моему, ты хватил через край, Ярл, — заметил бен-Раби, когда они подошли к Киндервоорту.

— Почему? Чем большее впечатление мы произведем сейчас, тем меньше неприятностей у нас будет впоследствии.

— Мы не произведем впечатления. У них же здесь целых три эсминца. Иди и посмотри, что у нас есть по этим кораблям. Три эсминца класса «Империя», Ярл. Их не испугаешь даже вторым пришествием.

— Чую Бэкхарта, — заметил Маус. — Чую по тому, как все поворачивается... Он где-то в кустах, сверлит дырки в нашем плане еще до того, как мы сами сообразим, в чем же наш план заключается.

— Позаботьтесь, чтобы... — начал Киндервоорт.

— Знаю, знаю! — отрезал бен-Раби. — Мы уже сто раз об этом говорили. Предоставь все нам, ладно?

— Остынь, Мойше, — вмешался Маус.

— Сам остынь, Маус, — мягко отозвался бен-Раби. Шторма уже начинало трясти. Он думал о долгом падении на поверхность планеты.

— Когда дойдет до дела, я буду в форме. Если потребуется, я переключусь на мозг убийцы.

— До дела уже дошло, — заметил Киндервоорт. — Шевелитесь! Проверьте своих людей.

Работа помогла Мойше успокоиться. Он отдавал приказы, проверял снаряжение своих людей, проверял, что оружие у них заряжено и что они четко представляют себе первый этап операции. Потом он еще раз прокрутил его в уме. Лихтер отстыковался от «Даниона». Мойше присоединился к пилоту. Ему хотелось быть поближе к корабельной связи.

— Все в порядке, Мойше? — спросил Киндервоорт.

— Группа высадки готова.

— Пилот?

— Корабль готов.

— Ждите команды.

Пилот щелкнул переключателем. На экране появилось изображение оболочки «Даниона», звезд и Сломанных Крыльев в виде колоссального полумесяца над головой. Планета казалась

огромным серебристым ятаганом. Поверхность скрывал постоянный облачный покров.

Сломанные Крылья были одной из самых жарких и влажных планет с жуткой атмосферой. Здешние немногочисленные города скрывались под гигантскими сталегласовыми колпаками.

— Старт! — скомандовал Киндервоорт.

Магнитные крепления выпустили лихтер. Пилот осторожно отвел его подальше от траулера. На радаре показалась посудина Мауса, почти терявшаяся на фоне «Данниона», который был пока всего в сотне метров.

Они дождались эскорта вспомогательных кораблей и начали длинный спуск к космопорту Города Ангелов.

Киндервоорт поведет вторую волну высадки. За ним последуют вооруженные лихтеры с других траулеров, готовые в случае необходимости оказать первой партии поддержку с воздуха.

Планета на экранах росла. В инфракрасных лучах она очень напоминала Старую Землю. Мойше сказал пилоту:

— Первые исследователи думали, что этот мир будет раем.

Пилот бросил взгляд на экран.

— Но это не рай?

— Это сладкая бумага, на которую ловят мух.

Парниковый эффект превратил планету в мир вечной весны. Там пышно цвела жизнь, напоминавшая пермский период. Но континенты были очень низкими, и большая часть так называемой суши была болотом. Метан делал воздух непригодным для дыхания. Планета находилась на стадии бурного горообразования. В трехстах километрах к северу от Города Ангелов лежала долина, которую местные жители окрестили Землей Миллиона Вулканов. К метановой атмосфере примешивался разъедающий легкие сероводород.

Лихтер качнулся в первом атмосферном вихре. Эскаорт притормозил, готовясь повернуть назад. Последние сто тысяч метров группы высадки пройдут самостоятельно.

Лихтер Мауса падал вниз в километре от корабля бен-Раби. Пилоты держали дистанцию немногим хуже рулевых космической пехоты. Они где-то научились иметь дело с атмосферой.

Мойше почувствовал новую волну напряжения в ожидании внезапного и враждебного приветствия с поверхности. Но его не было. Как на пикник полетели, только никто не заботился о комфорте пассажиров. Это был про-

сто скоростной спуск. Мойше пристально следил за переговорами второй волны, уже вылетающей из шлюзов.

Корабль качнулся и затрясся — началось торможение. Бен-Раби пробрался к своим людям.

Едва он успел добраться до своего кресла, как корабль ударился о землю, хрустнув всеми суставами. Мойше вскочил на ноги и повернулся к открывающемуся люку уже с лазерной винтовкой в руках. У него за спиной стояли два гранатометчика, а позади — остальная команда.

Мойше прыгнул на землю и вильнул в сторону. В двухстах метрах справа одновременно с ним на гудрон прыгнул Маус. Его следопыты рассыпались во все стороны и принялись устанавливать маяки для наведения остальных кораблей.

Напряжение разрядилось впустую. Хозяев не оказалось дома. Ни людей, ни кораблей на поле не было.

Из будки неподалеку вышел худой старик с военной выправкой. Одет он был в костюм со племем — обычная на Сломанных Крыльях одежда болотного жителя.

— Отличная посадка, Томас, — сказал он по радио. — И Маус тоже. Вы неплохо вышколили своих ребят. Но у вас учителя были лучше.

— Бэкхарт! — задохнулся Маус.

— А ты что, святого Николая ожидал здесь увидеть, сынок?

— Ты же говорил, что чуешь его, — отозвался Мойше. — Маус, вызывай «Данион». Пусть готовят главные батареи. Общая тревога. Ярл пусть приходит и ведет с собой прикрытие с воздуха.

— Томас, Томас, что ты делаешь?

— Вопрос в том, что делаете здесь вы.

Пока Маус передавал сообщение, Мойше не спускал глаз с Бэкхарта. Киндервоорт вышел в эфир на волне рации скафандра, извергая потоки слов. Он требовал объяснить причины паники.

— Я просто вышел с вами поздороваться, — объяснил Бэкхарт. — Хотелось взглянуть на своих ребят.

Для Бэкхарта все оперативники были «сынами» или «моими ребятами». Он обращался с ними, как со своей семьей — когда не посылал их на смерть. Бен-Раби любил и ненавидел старика одновременно.

Ему пришлось взять свои чувства под контроль. Сейчас к Бэкхарту следует относиться как к самому опасному врагу. Его присутствие все меняет.

— К чему все это? — спросил адмирал. — Это что, вторжение? Это же свободная планета, Томас.

Бен-Раби предвидел, что адмирал поведет себя как обиженный и огорченный старик. Это всегда ему помогало. Борьбы с этим не было — разве что сильно задеть его за живое. Как же, черт возьми, его зовут? Если назвать его просто по имени, он может выйти из себя.

— До нас дошли слухи, что здесь пыль столбом, — ответил Маус вместо бен-Раби. — Николас! Построй людей наконец, черт тебя дерни! Что стоишь столбом? — Сейнеры столпились кучкой и стояли, разинув рты, не в силах пошевелиться, подавленные безбрежными далями планеты. Как можно оставаться вымуштрованным солдатом, если впервые видишь открытое пространство и бесконечное небо? — Мы не хотим рисковать, адмирал.

Бэкхарт испустил смешок.

— Тут было беспокойно. Но я все взял под контроль.

— Мы слышали что-то о военном положении, — заметил бен-Раби. — Как это согласуется с вашим понятием нейтралитета?

— Мы работаем с каждым по отдельности, но одинаково. — Бэкхарт снова хихикнул. Он окинул взглядом приземлившихся сейнеров, потом посмотрел на небо. — Насилие — не наш стиль, Томас. Мне нужно то, что вы продаете. И вы будете про-

давать мирно, даже если мне придется проломить головы всем жителям планеты. Именно поэтому я и избрал себя в комиссию по встрече. А теперь, полагаю, у меня для вас все готово. Почему бы вам не прокатиться со мной и не рассказать о своих приключениях?

Маус и бен-Рабн переглянулись. Это было совсем не то, чего они ждали. Сильно пахло какой-то бэкхартовской хитростью. Но... если Старик сказал, что положение под контролем, оно под контролем. Лгал он редко, хотя голову поморочить любил.

— Ладно, — отозвался Мойше, внезапно приняв решение. — Николас, Киски, возьмите оружие и идите сюда. Адмирал, каков план транспортировки?

Все планетарные космопорты по соображениям безопасности располагались на порядочном расстоянии от города.

— Отличный. Сейчас прибудет... Ага. Вот уже здесь. — На поле выкатилась колонна десантных бронетранспортеров космической пехоты.

— А «Гиннеса» вы не прихватили? — спросил Маус. — Мы составили бы компанию.

— Полный трюм, — отозвался Бэкхарт. — А если повезет, то фон Драхов появится рас-

пить с нами парочку раньше, чем мы закроем лавочку.

— Юпп? — спросил бен-Раби. — Правда?

Он обрадовался. Юпп оставался другом, хотя теперь был на другой стороне.

Мойше и Маус посадили своих людей в первые машины, известили Киндервоорта об изменении ситуации и отправились в Город Ангелов, а в небе уже рокотали корабли второй волны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:
3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Слова Бэкхарта подтвердились. В Городе Ангелов было тихо. Центральный парк, зона отдыха в самом сердце города, был уставлен палатками, трейлерами и всяким снаряжением, которое адмирал одолжил у местной администрации. Шторм и бен-Раби покончили с размещением своих людей еще до полудня.

— Маус, — спросил бен-Раби, — а у тебя нет ощущения, что нас торопят?

— Это не ощущение, Мойше, это факт.

— И как же нам тянуть время?

Люди с дипломатами уже выстроились в очередь, чтобы получить небольшие каталоги, которые привез с собой Мойше.

«Тяните время», — сказал Киндервоорт. Кажется, этого им не позволят. Многочисленные торговые агенты и посредники, напуганные слухами о войне, требовали начать аукцион прямо на месте.

Космические пехотинцы оказались превосходными полисменами. Их помощь была неоценима. Они проявляли снисходительность только к туристам-сейнерам. Казалось, адмирал был решительно настроен избегать серьезных инцидентов и помочь местным торговцам освободить любознательных сейнеров от всей твердой валюты.

Шторм потерял первого туриста на второй день пребывания на Сломанных Крыльях. Его вернули раньше, чем Маусу успели сообщить о похищении. Овчинка не стоила выделки — это был кок с «Даниона», который не знал ничего, достойного внимания.

— Началось, — сказал Маус, передавая смену Мойше. — Позаботься, чтобы перед выходом в город все у тебя отмечались. Проверь их пропуска. У тех, за кем мы должны следить, пропуска красные.

— А ты знаешь, кто захватил того парня?

— Нет и даже не пытался выяснять. Просто передал дело Бэкхарту. Пусть его ребята побегают. А у нас останется больше людей для прикрытия критических направлений.

За свою смену Мойше тоже потерял нескольких человек, но инцидент с носителем важной информации был только один. Его люди действовали пре-

восходно и передали покушавшегося на похищение космическим пехотинцам Бэкхарта.

Похититель оказался притким журналистом, которому хотелось обойти цензуру сейнеров и конфедератов. Бэкхарт ограничился тем, что вышиб его с планеты.

Шли дни, не принося неразрешимых проблем. Цены на аукционе росли до небес. Узлы перво-сортной амбры неизменно шли по рекордным ценам. Появился слух, что Конфедерация хочет прибрать всю торговлю к рукам. И потому не входящие в Конфедерацию миры и частные торговцы старались хапнуть побольше, пока еще можно.

От этих слухов Мойше нервничал. Бэкхарт на его вопросы пожимал плечами, и бен-Раби заподозрил, что Бюро приложило к этому руку.

Признаки надвигающейся войны, хотя и искусственно созданные, были убедительны. Вдоль границ Улантского Марша замечалось движение войск Конфедерации и Уланта. Люди начинали тревожиться.

Собираются они воевать друг с другом? Или объединятся против кого-то третьего? Газетчики тоже терялись в догадках. Утечки информации с Луны Командной попеременно подтверждали то одну, то другую версию.

Журналисты были для Мойше самой большой проблемой. Каких только трюков они не придумывали, чтобы подобраться ближе к живым сейнерам. Сам Мойше дал три интервью. Кто-то намекнул журналистам, что он бывший агент Бюро.

Когда кто-то раскопал, что Мойше и Маус отвечали за знаменитый рейд фон Драхова к Адским Звездам, Мойше отказался от дальнейших интервью.

Потом интерес к сейнерам спал. Бряцание оружием на границе затихло.

Луна Командная признала факт гибели секретной научно-исследовательской станции вместе со всей солнечной системой планеты ее расположения. Предсказанная теоретически бомба, обращающая звезду в сверхновую, была создана на практике. К несчастью, ценой огромных жертв.

Наверное, есть Бог, подумалось Мойше. Справедливый Бог, обращающий безумное оружие против его создателей.

Катастрофа оказалась записанной на ленту. Флот заявил, что она была снята транспортным кораблем, оказавшимся вблизи системы в момент взрыва. Эту ленту крутили часами по всем каналам.

Она впечатляла. Но что-то в ней было странное. Мойше не мог избавиться от ощущения, что она поддельная.

Бэкхарта, казалось, все это забавляло. Это было не в его стиле. Перед лицом подлинной катастрофы он так себя не вел.

У Мойше выдалась свободная минута, и он старался проглотить новости за последние шестнадцать месяцев, как вдруг в его кабинет-трейлер вошла Эми.

— Какого черта ты тут оказалась? — спросил он.

— Ничего себе приветствие от родного мужа! — усмехнулась она. — Я думала, ты будешь рад меня видеть. — Она схватилась за спинку кресла на колесиках, вытащила Мойше из-за стола, развернула к себе и шлепнулась к нему на колени.

— А я не рад. Здесь чертовски опасно.

— Ты, наверное, уже обзавелся подружкой. Знаю я вас, флотских.

— Опасно... А, ладно. Сдаюсь. — Он обнял ее. — Давай сюда свою морду, женщина.

Раздался стук в дверь.

— Брысь, девушка! Войдите!

Появился смущенный и извиняющийся юноша.

— Почта и сообщения, — объявил он. — Кажется, начинается всерьез.

— Что начинается?

— Вы прочтите.

Гонец попросил Мойше расписаться в получении и исчез.

Верхний микрофильм оказался копией лаконичного сообщения Грабера. Он выслал на разведку к Звездному Рубежу серьезные силы. Они были отогнаны объединенными силами сангарийцев и пиратов Мак-Гроу.

— Эми! Прочти это!

Она прочла.

— Что?

— Союз между пиратами и сангарийцами? — Он отметил копию и кинул ее в почтовый ящик Мауса.

Следующий документ был совершенно загадочным. Свободные торговцы с Карсона и Сьерры сообщали, что находившиеся там эсминцы флота ушли в гипер. Бен-Раби передал копию Эми.

— Все служащие флота на Сломанных Крыльях отозваны из отпусков. Двум эсминцам на орбите приказано готовиться к старту. Что ты об этом думаешь?

— Начинается война?

Он пожал плечами.

В папке оставался журнал «Литерати», к которому прилагался вручную надписанный конверт, адресованный Томасу Мак-Кленнону, капитану второго ранга.

Это озадачило Мойше.

— Смотри, ты получил повышение, — заметила Эми. В ее голосе звучало подозрение. Он удивленно посмотрел на нее. Ее лицо залилось краской ярости и испуга.

— Какого черта? — Он отложил конверт в сторону и открыл оглавление журнала. Где-то в середине ему попался заголовок «Все, кто был в Иерусалиме до меня», за которым следовало его имя. — Нет, — пробормотал он, — ничего не понимаю.

— Что это? — Эми заглянула ему через плечо. — Я что, должна тебя поздравить? Не понимаю, что здесь происходит.

— Я тоже не понимаю, любимая. Поверь мне, это правда. — Он обнял ее за талию и открыл рассказ.

Этот рассказ он написал на борту «Даниона» еще до того, как решил стать сейнером. Как он попал в журнал?

Мойше переключил мысль на задний ход.

Он не клал рукопись ни в одну из сумок, утеранных вместе со всем имуществом, которое отправилось в Конфедерацию без него. С тех пор он не видел рукописи, но был уверен, что она у него в каюте. Он ее не трогал. В этом он был уверен.

— Эми, помнишь мой рассказ? Тот, что ты никак не могла понять? Ты не знаешь, что стало с рукописью?

— Нет. Я думала, ты ее выбросил. Я не стала спрашивать, думала, ты рассердишься. Я не ostавляла тебе на нее времени, но знала, что тебе очень хочется писать.

Он позвонил в службу безопасности «Даниона». Пятнадцать минут спустя он знал точно. У него в каюте не было рукописи.

Полагая, что она спокойно лежит на полке, бен-Раби никогда о ней не беспокоился. Он забеспокоился теперь.

В этой рукописи, записанная невидимыми чернилами между строк и на оборотной стороне страниц, содержалась вся информация, собранная им и Маусом о звездоловах. Если это попало в руки Бюро...

— Эми, то дело с сангарийским подстраховщиком... Идем. Мне нужно переговорить с Ярлом. — Он схватил ее за руку и потащил прочь из кабинета, выдернув микрофильмы из ящика Мауса.

— Что ты как с цепи сорвался? — запротестовала она. — Остынь, Мойше. Мне больно.

— Поторопись, это важно.

Они нашли Киндервоорта в ресторане «У Пальяччи». Это было тихое, уютное заведение ок-

нами в парк, куда заходили и сейнеры, и конфедераты, накачивая друг друга вином и спагетти. Бен-Раби пролетел мимо привратника в форме карабинера, оставил за спиной выложенного метрдотеля и прошагал через выдержанный в темных тонах обеденный зал, сквозь чесночные ароматы, в небольшой отдельный кабинет. Там последнее время держал свою ставку Бэкхарт.

Они с Киндервоортом играли в слова. Киндервоорт проигрывал. Появление Мойше его выручило.

Мойше шлепнул бумаги на стол перед Киндервоортом.

— Нас поймали.

Киндервоорт просмотрел верхнее сообщение.

— Куда направляются ваши корабли? — спросил он Бэкхарта.

Адмирал издал короткий смешок.

— Друзья мои, я же вам таких вопросов не задаю. Но не тревожьтесь, друзья мои. Вашего народа это не касается. По крайней мере не касается напрямую.

Адмирал снова хихикнул, как старик, вспомнивший проделки молодости.

Киндервоорт прочитал второе сообщение, а потом принялся за журнал.

— Кажется, ты ждешь поздравлений, Мойше. Что ж, поздравляю.

— Ярл, я закончил рассказ только за два дня до того, как наземники отправились домой. В эту кашу я попал капитаном. Кто-то передал рассказ на корабль, уходящий на Карсон.

— И что?

— Это был не я. Я не упаковал его с остальными вещами, потому что там были заметки, которые я вел вот для него.

— Ага. Понимаю. — Киндервоорт окинул взглядом Бэкхарта.

— Эта очаровательная леди — твоя невеста, Томас? — улыбнувшись, спросил адмирал.

Эми подарила ему неуверенную улыбку.

— Поосторожнее с ним, дорогая. Это еще один Маус. Он может охмурить даже гадюку.

Киндервоорт погрузился в размышления. Наконец он спросил:

— Там было что-нибудь важное?

— Не помню. Думаю, большей частью это были социальные наблюдения. Что-то вроде того. Впечатления. Догадки.

— Присядь, Томас, — проговорил Бэкхарт. — Миссис Мак-Кленнон, что будете пить? Или может быть, позавтракаете с нами?

— Бен-Раби меня зовут! Мойше бен-Раби, — рявкнул бен-Раби.

— Ну, ты же знаешь, что я привык к Мак-Кленнону. Не будешь же ты ждать от старой собаки, что она научится новым штукам. — Он позвонил, подзывая официанта. — Миссис Мак-Кленнон, вы заарканили совершенно необыкновенного человека. Я своих людей называю «мои мальчики». Как сыновей, так сказать. Томас и Маус были мои любимчиками.

Бен-Раби нахмурился. К чему это клонит старый лис?

— Итак, хоть он сменил сторону и мне это больно, я пытаюсь его понять. И я счастлив, что он нашел себе пару. Вы нужны ему, женошка, так что не обижайте его.

Эми начала оттаивать. Бэкхарту удалось очаровать ее настолько, что она улыбнулась искренне.

— Вот так, вот так. Я порекомендовал бы взять спагетти, дети мои. Поразительно хороши для такого захолустья.

Ярл кашлянул, не слишком деликатно напоминая, что пора бы вернуться к делу.

— Ладно, — сказал Бэкхарт, поворачиваясь к Киндервоорту. — Я пользуюсь прерогативой старика и меняю свое намерение. Я изложу все факты, чтобы между нами не было недопонимания.

— Ну-ну, — саркастически вставил Бен-Раби.

— Томас, Томас, ну зачем такая постоянная враждебность? — Адмирал сделал глоток вина. — Давайте для начала вернемся назад, к Улантской войне. К причинам, побудившим их напасть на Конфедерацию.

Наши синие друзья пекутся об отдаленном будущем. Мы, обезьяны, способны создать всего лишь десятилетнюю программу модернизации флота или двадцатилетний план развития колоний. Улантиды просчитывают технологические и социальные эффекты на столетия вперед. Мы были бы избавлены от многих неприятностей, если б удосужились заглянуть в их учебники. Томас, цеди свое винцо и наберись терпения. Я постепенно перехожу к сути дела.

Вот что я хочу, чтобы вы поняли: они далеко заглядывают, чтобы понять, что их ждет в день после следующего года.

— А какое это имеет отношение к тому, о чем вы собираетесь говорить? — спросил Киндервоорт.

— Терпение, терпение, сейчас объясню. Понимаете, именно это-то и плохо в нашей расе. Мы всегда ужасно спешим. Мы никогда не заглядываем вперед. К чему я веду? Улантиды вперед смотрят. Когда ненависть, оставшаяся

после войны, улеглась и мы снова позволили им строить корабли, они возобновили глубокую разведку.

— И что? — спросил Мойше. Он старался слушать спокойно, но почему-то вдруг почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки.

— Дай старику говорить, как он привык, Томас. Не каждый день я делюсь вселенскими тайнами в итальянском ресторанчике. Да, так вот. Около тридцати лет назад улантиды обнаружили новую расу. Это произошло на дальнем участке Рукава. Потом они привлекли к этому событию и наше внимание.

Друзья мои, в сравнении с этой расой даже наши приятели сангарийцы кажутся ангелами. Я сам видел, как действует новая раса. Словами это не опишешь. И, должен вам сказать, я надеюсь, что мне не придется увидеть их еще раз, особенно здесь, в нашем пространстве. Это ужасно, ребята. Просто ужасно. Когда они уходят с какой-нибудь планеты, на ней не остается ничего, крупнее таракана.

Адмирал сделал эффектную паузу. Аудитория ответила молчанием. Он провел взглядами по лицам.

— Это не сразу проглотить, — произнес Мойше.

— Точно. Нужно было какое-то время, чтобы переварить то, что нам сообщили синие. Нам — это Луне Командной. Улантиды сообразили, что не надо соваться в навозную кучу, называемую Правительством. И уже много лет мы готовимся вместе с улантидами, и единственный штатский, кто об этом знает, — министр.

Бен-Раби вспомнил свое последнее посещение Луны Командной перед отправкой на задание к сейнерам. На базе творилось что-то совершенно непонятное. Туннели наполнились слухами о войне и кишели военными разных рас и с разных планет, населенных людьми, но не входящих в Конфедерацию. Даже тогда в воздухе витало ощущение надвигающейся грозы.

— Так, значит, конфронтация с улантидами — всего лишь дымовая завеса? Фейерверк, который вы организовали вместе с Прямой Защиты, чтобы под шумок выбить из своих правительств побольше средств? Адмирал, первый урок, который мне вдобавили в голову в Академии, это то, что службы не занимаются политикой.

— Ага, и это первый урок, который приходится забыть кадровому офицеру, Томас. Один из моих помощников недавно процитировал мне слова одного римского солдата. «Мы и есть им-

перия». Томас, службы и есть Конфедерация. Те из нас, кто поседел на службе, понял это сердцем. Мы делаем политику. Я, именно я, формирую внешний облик Конфедерации. Я делаю это прямо сейчас, заявляя вам об этом. И все же здесь нет большого секрета. Информация уже начинает всплывать. Об этом знают столько людей, что правду уже невозможно скрыть. Через три месяца каждый гражданин увидит кассеты с записью уничтожения мира, который я посетил.

Могу показать эту кассету вам. Просто зайдите ко мне в штаб. Тогда вы не будете думать, что я напускаю тумана.

— Я не думаю, я знаю. — Но Мойше не был уверен. Он знал Бэкхарта уже лет десять и никогда не видел его более взволнованным, более напряженным. Бен-Раби почувствовал ту же ауру, что возникала вокруг Мауса, когда он упоминал сангарийцев. — Вы говорите как человек, который вдруг обрел религию.

— Ты прав, — кивнул Бэкхарт. — Я слишком увлекся. Но я видел все своими глазами. Это совершенно бессмысленно, и потому это так страшно. Они перелетают от мира к миру, как галактические эскадры смерти... Прости, я опять увлекся.

— Зачем вы нам это рассказываете? — спросил Киндервоорт.

— Пытаюсь пролить свет на то, что мы делаем. Мы хотим нанести первый удар еще в этом году, но прежде нам надо еще кое-что уладить.

Бен-Раби вдруг очень отчетливо почувствовал приближение опасности. Он с изумлением оглянулся через плечо. За ним никого не было.

История Бэкхарта, какой бы дикой она ни казалась, прекрасно объясняла странные действия служб. Все становилось на свои места.

— А что еще вам надо уладить? — спросил Мойше. Он посмотрел на Бэкхарта, ожидая, что тот начнет говорить о звездоловах.

В свете сказанного Бэкхартом стал ясен смысл его задания у сейнеров. Связь была опорой любого флота. Каждый добытый кусок амбры увеличивал боеспособность флота.

Бэкхарт снова удивил его.

— Сангарийцы, Томас. Это черви, подтачивающие нас изнутри.

У Мойше сработал внутренний сигнал тревоги.

— Вы думаете, что сангарийцы не будут долгосрочной проблемой?

— Нет, благодаря Маусу.

— Что? — одновременно воскликнули Киндервоорт и бен-Раби.

— Томас, зачем вас послали к звездоловам?

— Чтобы обнаружить для вас стадо звездных рыб. Чтобы обеспечить флоту источник амбры, которым ему не придется делиться.

— Именно так ты и думал. И должен был так думать. На самом деле союз с сейнерами был скорее целью политической, а не военной. Луну Командную это не интересовало. Мы давно знаем, как найти флот Пейна. Да-да, капитан Киндервоорт. И рыбаков можно завербовать. На борту «Даниона» у меня тоже есть агенты. Именно это и заподозрил Томас, когда вломился сюда вместе с этим своим журналом. Но мы не видим необходимости загонять вас в состав Конфедерации. Захват ваших траулеров мог бы вызвать всеобщий бунт. А сейчас... Если б я был звездоловом, который печется о своем будущем, я бы начинал зубрить устав Конфедерации.

Тонкие губы Киндервоорта тронула злобная улыбка.

— Не думаю, что у нас есть повод для беспокойства, адмирал.

Бэкхарт подмигнул Мойше и кивнул в сторону Киндервоорта:

— Плохо он меня знает, правда, Томас? Ваше задание было направлено против сангарий-

цев. Ты должен был сам догадаться. Все было поручено Маусу. Не перебивай старших, сынок.

Бен-Раби собирался спросить, зачем же его тогда послали.

— Я думал, что звездоловы, имея дело со свободными торговцами и ребятами Мак-Гроу, могут иметь ниточку и к сангарнийской Метрополии. Предположение оказалось ошибочным, но интуиция меня не подвела.

«Лжешь, — подумал Мойше. — Ты подтасовываешь прошлое под свои нынешние нужды. Ты знал и контролировал гораздо больше, чем когда-нибудь скажешь».

— Маус нашел то, что мне было нужно, — продолжал Бэкхарт. — Он выудил информацию из навигационного компьютера захваченного на Звездном Рубеже рейдера. Данные он послал мне. Фон Драхов получил приказ к атаке. Судя по тому, какая поднялась заварушка, с заданием он справился. Сейчас скорее всего он на пути домой, и за ним гонится толпа. Так что, Ярл, у Звездного Рубежа вам будет полегче. Возможно, вам не придется с боем прокладывать дорогу к планете. Можно сказать, мы оказали вам услугу.

Бэкхарт откинулся в кресле и с усмешкой наблюдал за опешившим Киндервоортом.

— Тебе не перешутить шутника, мой мальчик. Мы предположили, что вы собираетесь сделать, прежде чем вы явились сюда. Наши агенты подтвердили эти предположения.

— Если вы об этом знали, — проговорил Мойше, — то почему же не помешали нам? Я бы считал, что вы накинетесь на Рубеж, как...

Киндервоорт толкнул его под стол.

— По нескольким причинам, Томас. Наши силы и так слишком растянуты необходимостью прикрывать торговые корабли от рейдеров, если те слишком обнаглеют. Вражда с вами нам тоже не нужна. И наконец, все равно вы только зря потеряете корабли и людей. Так чего же нам волноваться?

Бен-Раби изучал старика. Бэкхарт все же волновался. Что еще спрятано у него в рукаве? Похищение оружия после того, как сейнеры открывают планету?

Сообщил ли Маус о том, что у рыбаков есть реальные шансы на успех?

Почему адмирал здесь, а не на Луне Командной? Звездный Рубеж — единственное объяснение.

Все сводилось к Маусу. Черт возьми! Он что, просто уступил своей старинной ненависти и

передал информацию о сангарийцах? Или он по-прежнему докладывает адмиралу?

— Если ваши силы так разбросаны, — спросил Киндервоорт, — то как же вам удалось организовать рейд на Метрополию?

— Это не рейд. Это уничтожение. Предположим, что катастрофа со сверхновой бомбой не была такой полной, как сообщили газетчикам. Предположим, пара бомб была погружена на корабль еще до взрыва базы. Мы можем даже рискнуть и предположить, что некий фон Драхов запустил одну из них в солнце Метрополии.

Бен-Раби вскочил со стула, стряхнув с себя руку Эми, которая вдруг крепко стиснула его запястье. Он глядел поверх Бэкхарта, и перед его мысленным взором вставало такое, что он был готов проклясть сам себя.

Уничтожение целой солнечной системы!

— Вы псих. Вы все психи!

— Знал бы ты, как долго я мучительно рождалось это решение. Томас, у меня тоже есть совесть. И мы бы вопреки меморандуму четыре дробь шесть не приняли такого решения, если бы не центральная раса. Знаешь что, Томас? Идем, прежде чем судить нас, взгляни на эти кассеты. Пойдем, ладно?

Бен-Раби его не слышал. Он снова думал о том дне, когда в него стрелял подстраховщик. Как Маусу удалось переправить рукопись к Бэкхарту? Киндервоорт ни на секунду не спускал с них глаз. Должно быть, это проделали агенты Бэкхарта среди сейнеров, пока все внимание было обращено на Мауса.

Он вспомнил сейнера по кличке Сварливый Джордж. Старик Джордж был нумизматом. Они с Мойше пару раз менялись монетами из коллекций. У Джорджа коллекция была замечательная. Он клялся, что сделал это удивительное приобретение вслепую, много лет назад, во время аукциона на Большой Сахарной Горе.

Любой настоящий коллекционер уязвим. А Джордж был просто одержимым.

Этот самый Джордж прибыл в Город Ангелов с первой же группой туристов. Он заглянул в офис, чтобы спросить о лавках для коллекционеров. Мойше отправил его к Шторму. Маус дал ему список.

— Адмирал, сколько у бюро лавочек для коллекционеров?

Бэкхарт поднял бровь.

— Черт побери, Томас! Я всегда знал, что у тебя превосходная интуиция. На сегодняшний

день только одна. Как это ни странно, она почему-то в Городе Ангелов.

— Другими словами, это место сослужило свою службу.

Бэкхарт наклонился к Киндервоорту:

— Теперь понятно, почему он такой молодой, а уже капитан второго ранга?

Киндервоорт ничего не понимал.

Язва, которая уже год не беспокоила Мойше, вдруг напомнила о себе резкой болью в желудке.

В дверь постучали.

— Вы здесь, мистер бен-Раби?

— Входите. В чем дело?

— Кто-то пытался убить мистера Шторма.

— Что? Как?

— Это была женщина, сэр. Она подошла и открыла стрельбу.

— Он не ранен?

— Нет, сэр. Он бросился за ней. Она бежала в сторону Старого Города.

Старый Город был частью Города Ангелов, которая располагалась под древним куполом, построенном еще первыми поселенцами. Сегодня в этом районе располагались в основном склады.

— Думаешь, эта та сангарийка? — спросил Киндервоорт.

— Мария? Да, это единственное, что могло заставить Мауса бросить все и кинуться за ней, — ответил бен-Раби.

— Как она здесь оказалась? — спросила Эми.

— Мне лучше отправиться за ним, — сказал Мойше. — Не возражаешь, Ярл?

— Это твоя смена. Поступай, как считаешь нужным.

— Эми, оставайся с Ярлом. Найдите мне шестерых свободных от дежурства добровольцев, — обратился бен-Раби к курьеру. — Пусть соберутся около моего трейлера. С оружием.

— Есть, сэр!

Мойше наклонился и поцеловал Эми.

— До скорого, милая.

Мойше пожалел, что последнее время был с ней не очень ласков. Но ход событий оставлял им очень мало времени.

Он поймал странный взгляд, брошенный на него Бэкхартом. Недоуменный и вопросительный взгляд.

Что это могло значить? Продолжая гадать, он направился к двери.

У выхода Мойше остановился и оглянулся еще раз. Киндервоорт и Эми, погруженные в свои мысли, молча потягивали вино. Бедняга Ярл. Слишком много на него свалилось. Он все больше.

и больше терял инициативу, становясь номинальным руководителем. От культурного шока?

Но он переживет. Вернется в привычную обстановку, и все пройдет. О Ярле Мойше не тревожился.

А интересовало его волшебное исчезновение адмирала в тот момент, когда Мойше повернулся спиной.

Бен-Раби не хотелось в этом признаваться даже себе, но он любил старика, как отца. Их отношения были напряжением любви-ненависти отца и сына. Но доверять старику нельзя. Теперь они в разных племенах.

И если Мойше хочет опередить Бэкхарта, надо поторопиться.

Он прошел уже около квартала, когда увидел первый плакат, криво прилепленный к кузову десантного бронетранспортера. Мойше прошел мимо, потом в голове у него что-то шелкнуло. Он остановился как вкопанный, обернулся — и глаза у него полезли на лоб.

На него смотрело огромное, в метр высотой, лицо женщины.

— Элис... — хрипло шепнул он.

Хлоп! На него снова пала темнота. Он не знал, где он и кто он. Он шагнул, шатаясь, к машине и опустил на одно колено.

В голове прояснилось. Он в Городе Ангелов... Мойше огляделся по сторонам. За ним шел человек... Нет, это было в прошлый раз. Или сейчас?

Одно мгновение он не знал, кто он: Гундакар Нивен или Мойше бен-Раби. Кто-то пытался убить Гундакара Нивена...

Он изо всех сил затряс головой. Туман исчез.

Не важно, какое имя он носит. Нивен. Мак-Кленнон. Перчевски. Бен-Раби. Любое другое. Враг у него один.

Он вернулся к бронетранспортеру. Плаката не было. Он обошел кругом замершую машину и не обнаружил никаких следов его существования.

— Что за чертовщина со мной делается? — пробормотал он и снова направился к своему трейлеру.

Второй плакат попался ему в каких-нибудь пятидесяти метрах от трейлера. Реакция была та же. Он вцепился в борт палатки, где жили его люди, и судорожно, как утопающий, глотал воздух. Плакат исчез.

«А был ли он?» — подумал Мойше.

Хрупкая стабильность, которую помог ему обрести Головастик, рушилась. Неужели он уже на грани срыва?

Бен-Раби взобрался в трейлер с ощущением человека, у которого за плечами лишних пять-

десять килограммов, и рухнул в свое вращающееся кресло. Сердце бешено колотилось. В ушах стучало. Он испугался, закрыл глаза и попытался отыскать ключ к происходящему. Не нашел.

Все дело в этом контакте с прошлым. Личность бен-Раби не была его истинным «я». Она не смогла выдержать столкновение с миром, к которому привык Томас Мак-Кленнон.

Тут он заметил, что у него на столе лежит конверт. Тот самый, что был прикреплен к выпуску «Литерати».

Бен-Раби уставился на конверт, будто тот был ядовитым. Он попытался отодвинуться. Правая рука сама тянулась к письму.

Оно было от Греты Хелсунг, девочки, которой он помогал в Академии. Его псевдодочери. Это было благодарное, заботливое, дружелюбное послание на семи страницах убористым почерком. Грета рассказывала о своих успехах в Академии и о своей постоянной тревоге за него. Ей было известно, что его схватили враги Конфедерации. Его друзья обещали спасти его. Они должны были передать ему ее письмо. И так далее, и так далее. Она его любит, все друзья на Луне Командной чувствуют себя хорошо и скучают по нему, она надеется его скоро увидеть. К письму прилагалось несколько фотографий хорошень-

кой блондинки в черной форме флота. Вид у нее был счастливый.

Было еще письмо от старой подружки. Макс выражала те же чувства более сдержанно.

Чего они добиваются? Почему прошлое не хочет оставить его в покое?

У Греты такая очаровательная, победная улыбка...

Мойше зажмурил глаза и постарался подавить конфликтующие эмоции.

Сначала ему стало холодно, потом бросило в дрожь. А потом стало невыносимо страшно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:

3050 год н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Разведывательный флот состоял из пятидесяти кораблей. Люди два года не видели друзей. Галактика велика, они были в десяти тысячах световых лет от дома и двигались к центру галактики по следам древних разрушений.

Сначала кораблей было восемьдесят один. Некоторые погибли. Другие остались позади, расставленные через равные промежутки, чтобы транслировать интелные сообщения от разведчиков. Большинство кораблей были маленькими и быстроходными, оснащенными для наблюдения и разведки.

Флот уже прошел почти предельное расстояние. Еще три месяца, и кораблям придется повернуть назад, а тревожные вопросы так и останутся без ответа.

Продвижение к центру было медленным и методичным, но космос беспределен, и им удалось

собрать о вражеской территории только отрывочную информацию.

Звезды здесь располагались плотно. Ночь вокруг кораблей была усыпана самоцветами куда теснее, чем у внешнего конца Рукава. Небеса были странными и чужими. Планеты — молчаливыми и голыми.

Где же центральная раса строила свои корабли? Откуда выныривали эти полчища убийц?

Детекторы улантидов засекли конвой, идущие от центра. Они видели парад мертвых планет. Но не нашли ничего, напоминающего базу, оккупированную планету или промышленный центр. Они выяснили только одно: враг расположился где-то еще ближе к сердцу галактики.

Были обнаружены меченные астероиды в мертвых солнечных системах. Огромные металлические корпуса от трех до пяти километров в диаметре, одинаковые по форме и строению. Таких астероидов с передатчиками нашли одиннадцать. Улантские специалисты не смогли установить назначение этих передатчиков.

Исследователи обнаружили пять маршрутов, по которым вражеские корабли двигались вдоль Рукава. Каждый из них был рекой заряженных частиц, ионов и свободных радикалов.

Контакта тщательно избегали. Была поставлена задача только наблюдать.

Дистанционное наблюдение за заряженными потоками обнаружило не только крупные армады, движущиеся в сторону от центра, но и регулярный поток курьерских кораблей в обоих направлениях. Это означало, что у противника не было интелной связи. Что было важно. Союзники получают тактическое преимущество за счет возможности координировать свои силы на гораздо больших расстояниях, чем противник.

Ядром Улантского флота был его единственный настоящий боевой корабль, превосходивший даже корабли Конфедерации класса «Империя». Назывался он «Танец в Рубиновом Рассвете».

Люди называли свои корабли в честь воинов, сражений, городов, древних колоний, павших империй и боевых кораблей прошлого. Улантиды пользовались названиями поэм и романов, симфоний и произведений искусства. Каждая раса находила систему другой по меньшей мере эксцентричной.

На борту «Рубинового Рассвета» находилась команда связи, созданная Бюро Разведки флота. Эти люди были куда дальше от дома, чем их улантские спутники.

Задача была непростой. Им приходилось процеивать всю поступающую информацию и отбирать крупнцы, достойные передачи на Луну Командную. Людям приходилось быть очень дипломатичными со своими хозяевами. Двенадцати ученым, отделенным от ближайшего представителя своей расы одиннадцатью тысячами световых лет, приходилось нелегко.

В рабочий отсек людей вошел улантский офицер.

— Капитан Рассел? У нас есть кое-что, что может вас заинтересовать.

Рассел был невысоким крепким негром, похожим на шкаф. Он чуть не брякнул:

— Ну, заберем через пару часов. Куда, к чертовой матери, спешить?

Но сдержался. Синие были настолько предупредительны, что он устыдился даже своего желания сказать резкость.

— Важное? — спросил он. В поведении синих теперь тоже чувствовалось напряжение, хотя они были куда более привычны к долгим полетам.

— «Песнь Мирион» засекла мощный источник нейтрино. На естественный он не похож. С другой стороны, до ближайшей звезды — две трети парсека. Командование направило туда не-

сколько кораблей-зондов с разных направлений. Нам показалось, что вам было бы любопытно взглянуть на результаты.

— Конечно-конечно. Дорис, ты свяжись с ними через Голос Группы Номахрадина. Голос Группы, начинайте.

Рассел не ожидал ничего интересного. Синие приносили что-нибудь каждые три дня. И всегда этому находилось естественное объяснение. Но всегда приходилось кого-то к ним отправлять. Это было частью политики сосуществования. Не делай того, что может оскорбить синих. Ссоры и ворчание ограничены территорией команды людей.

Офицер связи приветствовал их словами:

— На этот раз может быть что-то серьезное, Голос Группы. — Он ткнул рукой в дисплей.

Рассел окинул взглядом сложное, но уже почти привычное оборудование. В огромном дисплее плавали зонды, участвующие в задании. Они заняли дугообразную позицию в одном световом годе от источника нейтрино. Вспыхивали и гасли цветные точки и стрелки.

Рассел был поражен. Источник не был точечным. Линии показывали, что с каждой точки наблюдения он занимал приблизительно половину угловой секунды по вертикали и по горизонтали. Рассел мысленно прикинул размеры.

— Боже мой, — пробормотал он. — Это шар... шесть на десять в двенадцатой километров в диаметре. Это же в пятьсот раз больше, чем диаметр старой Солнечной системы!

Голос Группы был удивлен не меньше.

— Вот это находка, капитан!

Рассел еще раз окинул взглядом дисплеи. В этом районе было столько вещества, что пространство слегка искажалось. Позади источника не было видно звезд.

— А это не может оказаться черной туманностью?

— Слишком плотная.

— Вы подойдете поближе?

— Когда согласуем с начальством.

— Что бы это ни было, оно движется. И с чертовски приличной скоростью.

— Именно поэтому мы так и заинтересовались, капитан.

Рассел огляделся в поисках свободного места. Все кресла были заняты. Новость уже облетела весь корабль. Рубка кишела любопытствующими синими. Торжественно вошла Сердце Щита, или Адмирал Флота. Она пожелала переговорить со своими офицерами по науке, причем из любезности пригласила и Рассела. Тот только слушал. Здесь не место высказывать свои мысли.

Потребовалось три дня, чтобы организовать посылку зондов. На пути шара предполагалось разместить многочисленные контейнеры с приборами чисто пассивного наблюдения и скрыть их среди древних космических обломков. За эти три дня было зарегистрировано оживленное движение курьеров в источник и из него. Два огромных конвоя вылетели оттуда к дальней границе.

Тщательное исследование космоса позади шара показало, что именно он был центром кипучей деятельности. Вражеские корабли сновали в кильватере шара. Его сопровождал кометный хвост кораблей, то отстававших, то догонявших вновь.

— Выглядит так, будто военные флоты расчищают путь этой громадине, — заметил Рассел своим соотечественникам.

— А не опережают ли они события? Я хочу сказать, до Конфедерации им добираться еще тридцать или сорок тысяч лет.

— Может, это временной запас на случай, если военные флоты натолкнутся на кого-то упрямого.

— Упрямого? Да они любого как катком раздавят. Их так много, что любые потери не имеют значения.

— И все же между ними и нами — большой разрыв в вооружении и технике связи. Два сто-

летия как минимум. Это означает, что мы сможем убить гораздо больше их, чем они нас. Синие считают, что они застыли в технологическом стазисе. Их единственное оружие — численность. Если они столкнутся с кем-нибудь, кто превосходит нас в технике, то им придется плохо. Они, может, и возьмут верх, но на это уйдут многие поколения. Я бы даже предположил, что такое уже случалось, именно поэтому Сфероид так глубоко в тылу.

Экспедиции к звездным системам, которые лежали позади Сфероида, впервые доказали, что враг может жить и на планетах. На них трудились миллиарды похожих на кенгуру существ, судя по всему, преобразуя планеты согласно определенным спецификациям. Улантские эксперты полагали, что по окончании работы их с планеты снимают.

Еще одна загадка.

Еще больше маленьких завоевателей копались в астероидных и кометных поясах бесчисленных систем. Действуя огромными ордами, они освобождали целые солнечные системы от космического мусора.

Теперь становилось ясным назначение астероидов-маяков. Маленькие строители использовали их как передвижные миры. Огромные астероиды

выдалбливали изнутри, прикрепляли к ним двигатели, и они превращались в звездолеты. Благодаря осевому вращению на них появлялась центробежная гравитация. Если внутри настроить этажей, то такой астероид мог обеспечить больше жизненного пространства, чем любая планета. С ростом населения рос и астероид.

— Они должны плодиться как мухи, — предположил кто-то. — Если им приходится превращать в жизненное пространство все, что попадает под руку.

— Вопрос, — вмешался Рассел. — Синие утверждают, что эти существа покидают планеты, окончив их преобразование. Почему?

— С этими тварями ни в чем нет смысла, — отозвалась какая-то женщина. — Думаю, мы теряем время, пытаясь смоделировать их мышление. Давайте сосредоточимся на поисках их слабых мест.

— Зная их цель, мы могли бы поискать способ их остановить, — предположил Рассел. — Думает ли кто-нибудь, что мы способны на это сейчас?

«Рубиновый Рассвет» стал кораблем отчаяния. Надежда исчезла. Космонавты больше не верили, что их народам удастся выжить в грядущей резне.

— Нам нужно прозондировать поглубже, — сказал Рассел. — Мы должны пройти еще столько же назад по следу Сфероида, если хотим знать, что они делают. Отсюда это выглядит как рассчитанный на миллионы лет проект по преобразованию галактики.

— Но мы не можем добраться так далеко.

— Не можем. К сожалению. И потому никогда не узнаем.

Когда заработали первые контейнеры, оставленные на пути Сфероида, весь экипаж принялся к экранам, вчитываясь в поступающие данные.

Через несколько часов вид длинных шеренг огромных кораблей-астероидов, выстроенных в бесконечные ряды, убил всякий интерес.

Какой смысл заглядывать в глаза рока? Пусть следят машины, которые нельзя напугать.

Разведывательный флот повернул домой вслед за печальным известием, посланным вперед.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ:

3050 год н.э.

Основное действие

У трейлера собрались шесть лучших людей Мойше. Они были чернее тучи, застегивались на ходу и проверяли оружие. Каждый был вооружен пистолетом, ручным коммуникатором, противогазом и чем-нибудь еще, что посчитал нужным захватить. Все до одного не выспались и изо всех сил терли покрасневшие глаза.

Бен-Раби прислонился к косяку входной двери. У него все еще дрожали колени.

— Ребята, вы согласны драться, чтобы спасти моего друга Мауса?

— Мы в игре, шеф, — бросил кто-то.

— Он всего лишь иммигрант, как вы знаете.

— Если б мы были не согласны, нас бы тут не было, Джек.

— Мы готовы, сэр, — проговорил другой. — Теперь он один из нас. Лично мне он никогда не нравился. И мою девушку увел. Но своих надо защищать.

— Клаус, ты просто хочешь подраться, — заметил третий.

— Ну и что ж? Теперь у меня есть предлог.

— Хорошо-хорошо, — вмешался бен-Раби. — Успокойтесь. В этом пироге есть изюминка. Наверняка в деле замешана та сангарийка.

— Да? Может, на этот раз нам удастся довести дело до конца?

— Ну, я как-то уже пытался, только вот поддержки не получил.

— Сейчас плакать о ней никто не будет, капитан.

Мойше вздрогнул и взглянул говорившему в глаза. В них не было желания нанести оскорбление. Они с Маусом были назначены капитанами временных полицейских подразделений, в то время как Киндервоорт был капитаном постоянной службы безопасности корабля. Сейнеры редко называли друг друга по званию или должности.

Мойше усмехнулся:

— Я думаю, что вы все идиоты. И спасибо вам за это. Я вернусь через минуту.

Он вошел в штаб и просмотрел, сколько на планете сейнеров. Их число уменьшалось. Ночью, когда почти все закрыто, туристу делать нечего. Мойше послал в службу движения «Даниона» сигнал тревоги, означающий чрезвычай-

ное происшествие и отмену увольнений на планету до специального распоряжения. Значит, часа через четыре на Сломанных Крыльях не останется ни одного сейнера, не принадлежащего к службе безопасности.

Он вышел из штаба.

— Пошли!

Ребята заулюлюкали, как сбегавшие с урока мальчишки.

Мойше волновался за них. Эти парни думали, что им предстоит развлечение. Пришлось их приструнить, а то с таким настроением они могли влипнуть.

Бен-Раби загрузил их в бронетранспортер космической пехоты и занял место водителя. Двигатель завелся с первого раза. Машина под грохот гусениц рванулась к Старому Городу. Мойше был так встревожен, что не сразу вспомнил о глушителях.

Грохоча по пустым ночным улицам, бен-Раби пытался угадать действия Мауса. Куда мог отправиться Шторм? Это зависит от дичи. Если он ее потерял, то склад, который сыграл такую важную роль в их первом задании, был тем самым местом, где можно было снова взять след. Сангарийцы — от своей заносчивой храбрости или

просто глупости — могли снова им воспользоваться.

Лабиринт высоких, прижатых друг к другу старых кирпичных домов давил почти физически. Мойше углублялся все дальше и дальше в чернильную тишину Старого Города. Район складов был неприятным местом. Запах нищеты и застарелого зла сочился из каждого переулочка, из каждой двери. Бен-Раби бросило в дрожь. Он прибавил скорость.

— Уже близко, парни.

Он свернул на улицу, которая вела к нужному складу, и резко, с жутким скрежетом, остановил машину.

Вспышка, оставившая под веками сполохи голубого пламени, сообщила, что в полуквартале от цели уже идет схватка. Не на старом месте. Сангарийцы им явно не пользовались.

— Ощетинились, парни! Кажется, мы его нашли.

Еще одна вспышка. Мойше отъехал, чтобы не загоразживать улицу.

— Выходите все. Вольно!

Бен-Раби взял карандаш и прямо на тротуаре набросал схему. Он сам удивился, с какой легкостью припомнил расположение Старого Города. Столько лет прошло...

— Ник, ты и Клэр пойдете отсюда. Клаус, возьми Майка и Вилли и заходите с этой стороны. Мы с Крафтом идем прямо по улице. Проверить коммуникаторы! Вперед, парни.

Ослепительные лазеры продолжали свою бессмысленную дуэль. Бен-Раби и Крафт, прячась в тени, двинулись вперед и вскоре обнаружили одного из дуэлянтов.

Мойше присмотрелся к схеме стрельбы.

Осаду склада вели трое. Изнутри отстреливался один. И явно достаточно умелый, чтобы сдерживать этих троих.

— Должно быть, они уже кого-то потеряли, — предположил Мойше. Было очевидно, что осаждающие порядком нервничали.

— Может быть, они его просто там держат для кого-то другого.

— Может быть.

Ситуация выглядела несколько странно. Человек на складе вел себя не так, как Маус. Тот не стал бы терять время и отстреливаться. Он предпочитал атаку.

— Что ты видишь? — спросил Мойше. Его спутник смотрел через инфракрасные очки.

— Их только трое. Забавно. Похожи на пиратов.

— Что? Дай-ка мне.

Мойше надел очки. Крафт прав. На штурмующих были боевые скафандры Мак-Гроу. Что за черт? Для Мак-Гроу это вражеская территория.

Но тогда внутри мог оказаться и Маус — если там и в самом деле были пираты. Тёперь они объединились с сангарийцами. Шторма могли ранить... Шепотом отдавая приказы в наручный коммуникатор, Мойше расставил своих людей на позиции за спиной снайперов.

— Готовы? По команде стреляйте. Огоны!

Дело пошло не гладко. У сейнеров не было того, что нужно, чтобы убить человека холодно-кровно и неспровоцированно. Завязалась жаркая перестрелка, в конце концов двоих удалось уложить, третий сбежал, получив раны, которые не скроет ни одна пластическая операция.

И все же Мойше тревожился. Слишком просто все вышло.

Бен-Раби менялся. В нем все громче говорил параноидальный охотник, в которого его превратило Бюро. Но сам он этого не осознавал.

— Все чисто, Маус! — крикнул он.

Ему в ноздри била вонь озона и раскаленных кирпичей. Вдруг его окружило облако пара, поднявшееся из лужи, оставленной запрограммированным послеобеденным дождем. Два лазерных

разряда взяли его в вилку. Он метнулся к прикрытию.

— Проклятие, что там с этим мерзавцем? Он что, в трансе убийцы, что ли? Дай мне парализатор, — приказал он Крафту, который от страха не мог шевельнуться. — Его, наверное, порядком потрепало. Вот. Возьми это. — Он кинул сейнеру свое оружие. — Давай. Соберись. Тебе придется мне помочь. Открывайте огонь, ребята, но поосторожнее. Я его парализую.

Парализатор, конечно, Мауса не обрадует, но альтернативы, которые приходили в голову бен-Раби, были куда менее приятными.

Лучи поставленных на минимум лазеров чиркали по рыжему кирпичу склада, превращая ночь в жуткий фейерверк. Вся улица внезапно ожила, теперь она трещала и искрилась. В воздухе, подобно призракам, плясали легионы теней. Ответный огонь стал неровным и полностью неэффективным. Мойше обнаружил его источник, тщательно прицелился и спустил курок.

— Иди туда! — прохрипел он Крафту.

Пронзительный визг парализатора не смолкал, пока несколько сейнеров не проскользнули в ворота склада.

Через несколько минут один из них показался из окна.

— Ты накрыл ее, Мойше! — крикнул он.

— Ее? Что ты бормочешь?

— Это женщина. Ты ее вырубил чисто. Кажется, нервная система не повреждена.

Иногда парализатор выкидывал жуткие штуки с нервной системой жертвы. Мог привести к смерти или увечью. Это не часто, но бывало.

— Это Штрехльшвайтер?

— Нет. Иди сюда, она приходит в себя.

— А что с Маусом?

— Никаких признаков.

Женщина, подумал Мойше, направляясь к складу. Что за черт? В этом деле только две женщины. Эми и Мария. Если это одна из них, есть от чего взвыть.

Но сангарийка здесь, на Сломанных Крыльях. В этом он был уверен.

Когда Мойше вошел в комнату, из которой велась стрельба, женщина лежала, перевесившись через подоконник, и судорожно дышала. Плечи ее согнулись под тяжестью поражения. Мойше смотрел на нее с другого конца комнаты. Со спины она была на кого-то смутно похожа.

— Шеф здесь, леди, — проговорил один из его людей достаточно дружелюбным тоном.

Женщина оперлась на подоконник и повернулась.

— Элис!

Голос его был как у придушенной жабы.

— Томас.

На его сознание обрушились молоты тьмы. Руки, легкие как крылья мотыльков, пытались вытащить его оттуда. Чей-то голос за несколько световых лет спросил:

— Что с тобой, Мойше?

Несмотря на дополнительный эффект от появления этой женщины во плоти, приступ длился считанные секунды. Дрожа и холодея, бен-Раби все же взял себя в руки.

Элис стояла, опираясь на грязный подоконник, дыша прерывисто и неглубоко. Лицо ее было странно неподвижным, несмотря на очевидные попытки изобразить целую гамму чувств.

«Шок?» — спросил себя Мойше.

И попытался заглянуть внутрь себя.

Вот он точно был в шоке. Дрожа, он рухнул в пыльное старое кресло и уставился на невероятный призрак прошедшего романа. Мысли путались и кружились в водовороте хаоса. Душа стонала от муки, как в те давние времена знакомства с сейнерами. Все демоны, которых, как он считал, им с Головастиком удалось сковать, рвались теперь с цепи и вылезали из клеток. Необъяснимый символ, который он звал образом

пистолета, то и дело вспыхивал и гас, как чудовищная неоновая реклама душевной болезни.

На этот раз Мойше не потерял сознание. Но и внутреннего равновесия не обрел. Он боролся с тем, что происходило у него в голове, отбиваясь от этого и одновременно пытаясь его анализировать.

В этих древних призраках что-то слегка изменилось. Они чем-то отличались от своих предшественников. Может быть, их исказило время, и они постарели и расплылись. Кто это орет?

— Мойше! Проклятие, что с тобой? — спрашивал Клаус. — Женщина, что ты с ним сделала?

Мойше слышал, но не отвечал. Что он мог сделать? Что мог сказать? Он не находил ответа ни Клаусу, ни Элис. Он не ожидал встретить ее снова даже на тесной Луне Командной. И уж конечно, не на окраинах Конфедерации, в тысяче световых лет от сцены их страсти и боли. Слишком невероятное совпадение... И все же вот она, сидит перед ним, неотвратимо реальная, как сама смерть.

Мойше сжал виски запястьями: голова раскалывалась мучительной болью, потом ухватился за живот — почти забытая язва вдруг неожиданно и весьма неприятно напомнила о своем существо-

вовании. Мысли кружились и ревели, как вспененный поток. Казалось, мозг сползает с фундамента. Все барьеры рушились. Менялись взгляды. Если ему не удастся ухватиться за спасительную нить и выбраться из половодья воспоминаний, его душа окажется в каменной пустыне, выжженной и голой, как разбомбленный город.

Ему удалось уловить отблеск реального мира. Он дернулся, как собака от удара плетью, рванулся вперед, хватаясь тысячью мысленных рук за топкий берег. Если бы продержаться до тех пор, пока он не найдет Мауса...

— Ты как? — спросила Элис.

Ее голос изменился. Он стал старше. Не таким музыкальным. Огрубевшим от прожитых лет.

Ее вопрос был совершенно бессмысленным. Всего лишь шум, призванный нарушить жуткое молчание. Мойше ответил не сразу. Его люди следили за ним с удивлением и растерянностью, им было не по себе от сознания, что перед ними обнажается душа:

— В порядке, — наконец промямлил Мойше. — А ты как?

— Теперь тоже в порядке.

Но это было не так. Ее отчаянно трясло. Обычная реакция на шок парализатора. Еще ее должен бить озноб.

— Почему эти люди в тебя стреляли? — спросил он, пытаясь обрести стабильность, сосредоточившись на деле. — Что ты здесь делаешь?

— Это была девочка, Томас. У нее были твои волосы и глаза.

— Заткните ей рот!

Все кружилось и горело. Глубоко внутри топкий берег начал сдавать. Демоны выли и хохотали. Безумный символ пистолета целился прямо в лицо Элис.

— Майк, — прохрипел Мойше. — Возьми двоих людей и гляньте на улицу, нет ли там людей Мак-Гроу.

Вторая отчаянная попытка овладеть собой не удалась. Берега размывались под напором безжалостного потока.

— Почему ты здесь? — прохрипел он.

— Я думала, все это умерло, — отозвалась она. — Я думала, я это забыла. Но я не могу, Томас. Уходи. Оставь меня в покое.

Оставить ее в покое? Да. Отлично. Но как же он заставит ее оставить в покое его?

— Леди, шеф задал вам вопрос, — прорычал один из его людей, кажется, Николас. — Отвечайте!

— Полегче, Ник. Давление здесь ни к чему. Это личное, к делу не относится.

Он заговорил слишком поздно.

— Не относится?

Рука сейнера стремительной змеей метнулась к лицу женщины. Удар поверг ее на пол. Сейнер на лету схватил ее за волосы и дернул. Она закричала, но ее крик не долетел до Мойше.

До него дошло только, что ее волосы, лицо и горло остались в руке Николаса. Сейнер поднял свой трофей, похожий на сморщенную, высохшую голову Горгоны. Лишившись маски, женщина смутно кого-то напоминала, но она уже не была старым призраком бен-Раби.

— Мойше, это все подстроено!

Бен-Раби не мог сдержать нервного смеха.

— Я и сам подстроен, Ник.

— Теперь говори, — обрушился Николас на женщину. — Что за игру ты затеяла?

— Не старайся, Ник. Мы ничего не добьемся. У нас нет необходимого оборудования. — Теперь на глазах женщины не было слез. Ее лицо выражало только страх. — Да и ничего нового она не скажет, — добавил Мойше.

Ему не нужно было оборудование. Сквозь хаос в голове забрезжило сильное подозрение. Кто-то обрабатывал его, и он даже догадывался, кто и зачем.

— Эй, Мойше, — окликнул его кто-то. — Майк говорит, что у нас неприятности. Люди Мак-Гроу. Около дюжины. Возле броневика.

Мойше постепенно брал себя в руки.

— Это была ловушка. Но их план пошел наперекосяк. — Он повернулся к женщине. — Пиратов в сценарии не было, ведь так?

К его удивлению, она ответила. Качнула головой.

— Передай Старiku, пусть заведет примеров получше. Ник, нам надо сматываться. Попробуй связаться с Киндервоортом по второму тактическому. Скажи ему, что нужна конвойная команда. Флотские сами позаботятся о своем броневике.

Мойше с трудом обретал обманчивыйнутренний мир. И знал, что надолго этого не хватит. Надо поскорее кончать. Скоро он снова сорвется. Последняя соломинка сломала спину верблюда. Отныне каждый период спокойствия будет стоять ему все большего напряжения воли, обреченного в конце концов на провал. И разрушение пойдет быстрее, как только спадет накал борьбы за существование.

Мойше уже доводилось видеть такое у своих товарищей-агентов. Сейчас он находится на начальной стадии спонтанных, бесконтрольных, неуправляемых последствий депрограммирования

искусственной личности. И процесс пойдет бурно. В его подсознании уже столько личностей, что он может потерять связь со всеми.

— А как быть с женщиной? — спросил Николас.

— Оставьте ее. Наш противник не она.

— Мойше, — сказал другой. — Ярл говорит, чтобы мы ждали его около Бабника Джонса. Ты знаешь, что он имеет в виду?

— Да. Это статуя в старом парке. Передай Майку. Он знает, где это. Ник, ты впереди. Ребята, держитесь плотнее. — Он повернулся к женщине. — До свидания.

Мойше не знал, что еще ей сказать.

Она с видимым облегчением пожала плечами.

Они выскользнули через заднюю дверь, пробежали квартал, прячась в тени. Бен-Раби начал беспокоиться о времени. Он достаточно долго не был на работе. Сколько еще займут поиски? Но все казалось так просто...

До него донеслись выстрел и крик.

Вторая пуля отскочила от кирпичной стены над головой бен-Раби. Камни мостовой превратились в стрелы, терзавшие его грудь и не дававшие вжаться в спасительную землю.

«Тени моего последнего пребывания на Сломанных Крыльях», — подумалось ему.

Ребята отвечали огнем на огонь. Лучи их лазеров скользили по кирпичным стенам зданий, загородивших аллею, где укрылся стрелок.

— Давайте, ребята! — рычал бен-Раби. — Стреляйте в него, а не в стены, черт вас возьми!

Четвертая пуля ударила в мостовую, и осколки камня угодили ему в лицо. Стирая капли крови, он подумал: почему убийца выбрал именно его? Может быть, это человек Марии?

Где Ярл? Где Маус со своими людьми?

— Проклятие, ребята, вы что, не понимаете, что это вам не компьютерная стрелялка?

Да где же Маус, с исчезновения которого и началась вся эта заварушка? На Мойше снова накапали эмоции, неуправляемые и спутанные. Он попытался взять себя в руки и не смог. Запрограммированная личность начала процесс саморазрушения. Единственным якорем, который удерживал его, была тяжелая, жаркая ярость.

У него за спиной послышался шорох подошвы по мостовой. Мойше перекатился, выстрелил, попал в ногу. Человек закричал и бросился под прикрытие.

Стрелок, вооруженный древним пистолетом, убежал бухающими шагами. Мак-Кленнон... Бен-Раби успел во второй раз выстрелить в свою жертву, прежде чем та скрылась из виду.

Еще одна тень скользнула под прикрытие дверного проема.

Программа Мойше прекратила саморазрушение.

Его чувствительность выросла до таких высот, которые обычно достигаются только лекарственной стимуляцией. Он чувствовал животом каждую неровность, каждую выптербину мостовой. Казалось, он слился в единое целое с грязью, оставленной запрограммированным дождем. Он видел серый и буроватый камень, ослепительные искры и всплшки из очередного дула, слышал удар пули, шелкнувшей по кирпичу над его головой. Он чуял запах сырости и серных испарений болотистой атмосферы, с которыми не могла справиться система кондиционирования. Казалось, он даже чувствовал привкус чего-то соленого.

Стоп! Это в уголок рта течет кровь с разбитого осколками щебенки лица.

Он отполз в сторону. Еще четыре метра — и кандидату в убийцы придется высунуться из-под прикрытия, чтобы продолжать огонь. Прыжок... вышло! Противник выстрелил. Мойше выстрелил в ответ и услышал крик. Люди бен-Раби бросились в аллею вслед за ним.

Ударом ноги Мойше выбил пистолет из руки несостоявшегося убийцы.

— Этот клоун такой же недотепа, как и вы, ребята. Идите сюда! Шевелите ногами, или я сам вам помогу.

Он грозно взмахнул парализатором.

На улице, которую они только что покинули, раздались крики. Он выстрелил навскидку, поворачиваясь, и бросился за своими людьми. Боль от телесных ран гнала его, как зверя, за которым охотятся.

«Кто я? — думал он. — Это на меня не похоже. Я не боевик. Гундакар Нивен? Нивен, кажется, был крутым типом».

Адреналин вызвал у него новый приступ дрожи. На службе Бюро ему уже приходилось испытывать такое, но он никогда не мог сравниться с Маусом в хладнокровии под огнем. Он всегда пугался, трясся, и ему постоянно приходилось бороться с желанием обратиться в бегство.

Может быть, именно поэтому он пережил несколько партнеров, подобных Маусу.

Но их тоже программировали для своих ролей.

На этот раз, кажется, он сработал хорошо. Он показал хладнокровие закаленного бойца и стрельбу, когда была пора стрелять. Даже и не знал, что он на это способен.

После дюжины петель и поворотов он замедлил шаг и, стараясь выглядеть туристом, направился к памятнику Джонсу. Его люди шли за ним.

Памятник не изменился. Это была все та же высокая бронзовая статуя, окруженная тем же маленьким парком, границы которого очерчивали завезенные сосны и кусты. Между деревьями и памятником располагалась дюжина подсвеченных фонтанов, где в непрестанно падающих струях плескались морские нимфы.

Парк был сердцем оазиса в пустыне Старого Города. Окружающие улицы вели к нескольким музеям, к опере, библиотеке и аккуратненьким лавочкам, рассчитанным на богачей. Здесь же располагались дома, принадлежавшие старейшим семействам города. Площадь стойко держалась, отказываясь признавать, что звезда Старого Горда давно закатилась. В приходящих в упадок городах обычно есть несколько таких жемчужин.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ:

3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Бабник Джонс попал в число замечательных людей по чистой случайности. Он никогда не был героем. В списках покорителей космоса он стоял в конце. Подвиг его заключался в том, что он прибыл на Сломанные Крылья раньше всех. Местных школьников учили, что он герой, Магеллан космоса, но этот миф не имел никакого отношения к реальности. Планету эту он открыл совершенно случайно и даже не по своей воле. Корабль его рухнул на Крылья потому, что пушки полицейского корвета Палисарианского Директората повредили бортовой компьютер. Джонс и его команда — женщины, представленные в виде фонтанных нимф, — прятались здесь несколько месяцев. Потом, не в силах больше выносить жару, сырость и жуткую вонь, они дали сигнал SOS. Корвет их и подобрал. Старый Бабник кончил свои дни в каталажке.

Мойше помедлил в тени. Он смотрел на статую и видимые над деревьями верхушки танцующих струй.

— Ярл на связи, — доложил связист.

— Ярл? Где ты? — Мойше взялся за передатчик. — За нами погоня.

— Буду через пять минут, Мойше.

Помимо голоса Киндервоорта, до Мойше доносились еще какие-то странные звуки.

— Что там происходит, Ярл?

— Пикет. Неприятности с местными. Мы их успокаиваем.

— Не возитесь долго. Мы оторвались от них всего лишь на пару минут.

Николас прижал передатчик к уху и покачал головой.

— Майк в трех кварталах отсюда. Он говорит, что они отходят. Может быть, они нас слышат.

— Ярл, кажется, пока у нас порядок. Возможно, они сматываются. Мы будем ждать на северной стороне. Есть вести от Мауса?

— Пока нет, Мойше. Отбой.

— Отбой.

Бен-Раби отключил передатчик и оглядел парк через инфракрасные очки. Он выглядел совершенно мирным. Мойше двинулся к Бабнику. Вспышка.

— Черт! Неужели опять?

Второй раз со сковородки в огонь?

А может быть, и нет. Стреляли не сюда.

Еще три выстрела. Там идет драка. Маус? Перестрелка казалась небольшой, дуэлянтов было всего двое, они меняли позицию от выстрела к выстрелу. Один из них вооружен только парализатором.

— Ник, оставайся здесь. Я проверю.

Мойше рысцой побежал к Бабнику.

Действие, казалось, разворачивается между фонтанами позади памятника. Бен-Раби выглянул из-за деревьев. Он попытался разглядеть дуэлянтов, но те прекратили стрелять. Все кончено? Он скользнул к статуе. Бабник мог послужить отличным высоким наблюдательным пунктом.

Снова стрельба. Парализатор, кажется, среди дальних деревьев. Лазер — между фонтанов. Обладатель лазера, освещаемый светом фонтанов, двигался очень осторожно.

Мойше взобрался на пьедестал Бабника, выпавшийся метра на три от земли, и устроился между сапог старого бандита. Пьедестал действительно оказался отличным наблюдательным пунктом, но с него чертовски трудно будет быстро спрыгнуть. Мойше наклонился вперед, пытаясь разглядеть дуэлянтов.

Хотя дальний стрелок прятался в темноте, Мойше обнаружил его первым. Ближний оставался скрыт воздушным жемчугом струй и разноцветным, переменчивым освещением фонтанов. Шелест падающей воды завораживал.

Луч лазера полоснул по сосне. Мягкий ветерок донес пряный дымок горячей хвои. Дальний дуэлянт ответил одиночным выстрелом. На мгновение стало видно его лицо.

Маус.

На этот раз никаких сомнений.

Шторм схватился за левую руку и метнулся на новую позицию. «Какого черта? — подумал Бен-Раби. — Что этот идиот делает здесь с одним парализатором?»

Противник Мауса переменил позицию.

— Ха! — выдохнул бен-Раби. — Это она!

Сангарийка сделала пластическую операцию, но ее кошачьи чувственные движения не изменились. Она не могла скрыть эту смертоносную грацию хищницы.

Мойше попытался взять ее на прицел.

— Добро пожаловать, милая, — пробормотал он, ничуть не удивившись, увидев ее. Это была очередная фигура ее смертельного танца с ним и с Маусом.

Она не знает, что на сцену выходит новый танцор. Мойше усмехнулся. Вернулась часть его прежней личности. Он снова стал Гундакаром Нивеном, крепким орешком.

— Ага!

Сангарийка тоже была ранена. На левый бок была наспех наложена уже промокшая повязка. Маус был близок к цели, но убить ему не удалось. Странно. Это на него не похоже.

Это только значило, что Мария тоже не промах.

Бен-Рабі тщательно прицелился и не спеша спустил курок. Женщина закричала, подпрыгнула, как кошка, которой наступили на хвост, и рухнула на цветной тротуар. Мускулы ее судорожно дернулась, потом она медленно замерла. Реакция, типичная для доброго выстрела в голову.

Мойше бросил взгляд на свой пистолет.

— Отличный выстрел, ковбой. Маус! — крикнул он, пытаясь перекрыть шум фонтанов. — Она в отключке.

— Мойше? — отозвался Маус. — Это ты?

— Да. — Голос Мауса показался ему очень слабым. — Ты сильно ранен?

— Выживу.

Шторм, спотыкаясь, вышел из укрытия и направился к статуе. Раненую руку он засунул за

вырез джемпера, а парализатор нес, как револьвер. Проходя мимо Марии, он остановился.

— Мат. Наконец-то.

Взгляд его метнулся к статуе и снова опустился вниз.

— Расскажи мне, черт возьми, что же все-таки произошло, — крикнул бен-Раби. — Я чуть с жизнью не распрощался, пока гонялся за тобой.

— Она меня заманила. Показалась, выстрелила и скрылась. Я потерял голову. И угодил прямиком в ее западню. — Он взглянул вверх, и его лицо приняло странное выражение. — Но она ошиблась сильнее, правда? Позволила ненависти возобладать над рассудком. — Маус злобно усмехнулся. Его губы вытянулись в пугающее подобие вампирской ухмылки их противницы. — Знаешь, что самое смешное, Мойше? Она сотрудничала с Мак-Гроу. Страшновато, если подумать.

Маус замолчал. Он долго смотрел на женщину, будто жалел, что их кровной вражде пришел конец.

Бен-Раби не хотелось этого делать, но жизнь доказала необходимость следующего шага. Дважды ей давали шанс. Дважды она возвращалась для новой попытки. Если Маус ее не прикончит, то эта ведьма снова повиснет у них на хвосте — сплошь когти и клыки.

Она одной породы с Маусом, подумалось Мойше. Их обоих может остановить только смерть.

— Мы должны быть реалистами, Томас... Мойше, — пробормотал про себя бен-Раби. — Чему быть, того не миновать.

Он ждал. Маус оставался неподвижным. Время тянулось.

По прилегающей к парку улице загрохотали бронетранспортеры. Мойше оглянулся, ожидая увидеть Киндервоорта.

Нет. Космическая пехота. Но и это неплохо.

Отвернулся к Маусу. Почему он медлит? Потому, что у него нет смертельного оружия? Мог взять ее лазер. Или просто руками.

И тут Мойше понял. Маус думал о своем Святом Граале, ненависти, которая так долго им руководила. Он еще не знал о гибели Метрополии, но убийство Марии было бы символом того процесса, который он начал. Символом того, что цель всей его жизни достигнута. Юпп должен был стать его оружием... а Мария могла быть последним из его давних врагов.

В конце пути всегда ждет разочарование, мелькнуло в голове у Мойше.

Бедняга Маус. Глубоко внутри своего существа он сознавал, что со смертью Марии ему не

останется, кого ненавидеть. Грааль, сверкавший издали, оказался очередной пустой кружкой.

— Куда мы отсюда, Томми? — тихо спросил Маус.

В тени между сапог Бабника бен-Раби/Мак-Кленнон мог только покачать головой. Он не знал.

Сознание Мойше/Томаса обратилось в ад. Внешнее давление спало. Не осталось ничего, что могло бы держать распад под контролем. Он был то одним, то другим, попеременно. Элис ползла по его мозгу, как паук по гниющей плоти. Что-то у него внутри кричало «Хочу» и не давало ему знать, чего хочет. Его охватывали внезапные порывы чувств. Ярость. Ненависть. Любовь. Печаль. Радость. Отчаяние. Секунда на каждое чувство — хлоп! Как удар кулака, и тут же проходит, будто внутри взломали склад эмоций и сбросили с полок в беспорядке.

Он обхватил голову руками и чуть слышно застонал.

— Не знаю, Маус, — прохрипел он.

Казалось, прошли годы с тех пор, как его партнер задал вопрос. Бен-Раби хотел ответить: «На Звездный Рубеж и назад, к небесным рекам», но другие персонажи у него в голове не престанно твердили, что он никогда больше не увидит траулера, никогда не пойдет в кильватере

стада, никогда не войдет в контакт, никогда не возглавит секретную службу сейнеров.

Должно быть, этот двойник Элис был тем самым гипнотическим ключом, подумал он. Она должна была выпустить на свободу все призраки, скрытые за барьерами, которые Головастик был не в силах преодолеть. Но ключ не отпер замок до конца, точно так же, как это не удалось Маусу, когда он пытался сделать это перед их запланированным возвращением в Конфедерацию.

Чего-то не хватало. Что-то пыталось вернуть его назад, не к тому Томасу Мак-Кленнону, каким он был перед операцией, а к самым истокам, к тому времени, когда он еще не подвергался никакому перепрограммированию личности.

Ему не хотелось пускаться в это путешествие. Он стремился к тому, что обрел в небесных реках, струящихся между звезд. Он боролся. Глубоко внутри он выл и метался, как дикий зверь в капкане.

С той стороны, откуда он пришел, раздавались сердитые крики. Космопехи разоружали его людей. Обычная предосторожность, подумал он. Его команда превысила пределы «разумных полномочий».

Маус принял решение. В пользу осторожности. Он наклонился, стал искать оружие Марии.

— Нет! — Голос был довольно тихим, чтобы его не было слышно издалека, но одновременно достаточно повелительным. Бен-Раби/Мак-Кленнон сжался в тени у ног Бабника. Появилась его Эми Многоименная. В руках у нее был маленький злобного вида пистолет. Черты лица были такие же холодные, как у Мауса, когда тот входил в транс убийцы.

Маус посмотрел на нее, заметил отсутствие любых эмоций и медленно выпрямился, но парализатор не выпустил.

— Где Мойше? — рывкнула она. — За ним охотятся, я должна найти его первой. Он вдруг оказался ключом ко всему. Вы двое только прикидывались, что перешли на нашу сторону, так? — Слова срывались у нее с языка так быстро, что губы едва поспевали за ними.

Маус не ответил. Он просто смотрел Эми в глаза, не давая ей отвести взгляд. Он сжимал оружие и ждал, когда ее холод даст трещину.

Или он ждал Мак-Кленнона? Томас не знал. Маус мог обратить угрозу собственной жизни в некое испытание.

Мак-Кленнон был уверен, что Эми не сможет выдержать такого напряжения. Ее к этому не готовили.

— Где Мойше? — снова спросила она. Голос ее вдруг сорвался.

— Здесь, любимая. — Он показался из тени. — Не двигайся, ладно?

Ее глаза метнулись в его сторону. Она заметила парализатор.

Маус поднял оружие.

— Нет, Маус. Только не мою жену.

Маус замер. Его остановил тон Мак-Кленнона. Шторм повернул голову и осторожно взглянул на партнера.

— Зачем, Мойше? — спросила Эми без всякого выражения. Ее оружие ни на миллиметр не отклонилось от невидимой точки на груди Мауса.

— Зачем что, дорогая?

— Предательство. Мы дали тебе все...

— Кого я предал?

Он услышал, как Эми мысленно шепнула «меня». Она открыла ему крепость своих чувств, а теперь оказалось, что он пришел к ней под знаменами любви, ложными знаменами, изнасиловал и растоптал ее душу.

Он чувствовал ее боль, но не понимал, что ее вызвало.

— Какое предательство? — спросил он. — Что стряслось?

— Космическая пехота арестовывает всех подряд. Они называют это «интернировать». Твой Бэкхарт отправил Граберу ультиматум. Или мы открываем Звездный Рубеж для флота, или он превращает Верфи в сверхновую.

Нет, подумал Мак-Кленнон. Что-то здесь не так. Что-то вывернуто наизнанку. Не то чтобы Бэкхарт не пошел на такую угрозу. Пошел бы и даже исполнил бы ее ради оружия Звездного Рубежа. Он был человеком, который верит в свою миссию. Но время, кажется, выбрано неподходящее.

Или подходящее? Сангарийцы и звездоловы крутились вокруг Звездного Рубежа. Бэкхарт мог свободно уничтожить мир любого из противников. Это была замечательная возможность. А раньше он хвастался уничтожением сангарийской Метрополии...

«Черт! Черт! Черт!» — думал Мак-Кленнон.

Агент, сидевший у него внутри, старая интуиция, сложила все, что было и не было у Бэкхарта, и выдала теперь вполне правдоподобный ответ. Адмирал с самого начала подумывал о Звездном Рубеже. С того самого момента, как вызвал к себе Корнелиуса Перчевски, прервав его свидание с приемной дочерью Гретой.

В роли Мойше бен-Раби он должен был дать Бэкхарту рычаг, которым тот заставил бы сейнеров уступить мир-крепость Луне Командной.

Он работал на адмирала, даже когда полагал, что действует против него. Черт! Черт! Черт!

И он дал адмиралу нужный рычаг. Бэкхарт выдал это, начав угрожать Граберу.

Адмиралу нужны были координаты Верфей сейнеров. Должно быть, Маус сообщил Старику, что у Мойше есть искомый ключ.

Грабер уступит угрозе. Со скрипом, но уступит. Человек в здравом уме не сможет поступить иначе, когда станет известно о судьбе *Метрополи*.

Грабер сдастся. Единственное, что было широко известно о Бэкхарте, — это то, что в своих угрозах он человек слова. В случае отказа он бросит бомбу.

Однако Мак-Кленнон был уверен, что сейчас Старик затеял колоссальный блеф. Ему не могут быть известны координаты Верфей. Туманность Трех Небес огромна, даже если он и догадается искать именно там. Насколько знал Томас, только трое могут рассказать Бэкхарту то, что он хочет знать. Эми и Киндервоорт будут молчать.

Проклятие, ну и попал же он в переделку.

Звездолеты никогда не называли между собой свою туманность Тремя Небесами. Мак-Кленнон

сомневался, что хотя бы один из тысячи сейнеров знает ее общепринятое название и что хотя бы одному из ста тысяч известны точные координаты Верфей. Маус их не знал. Сам Мак-Кленнон узнал их совершенно случайно в споре с Эми.

— Где Ярл? — спросил он. Он хотел знать, насколько эффективно были исполнены его приказы, когда он предупредил флот. Наверное, хорошо. Эми вела себя так, будто она была единственным оставшимся на планете человеком с красным пропуском.

У нее на глазах блеснули слезы.

— Он мертв, Мойше. Он убил себя. Всего пятнадцать минут назад. Я удрала, когда они отвлеклись.

— Кто отвлекся?

— Военная полиция.

Ясно. Пикет на дороге был подстроен, и Ярл, предвидя удар Бэкхарта, сделал единственный ход, спасающий от мата. А сейчас Эми собиралась устранить последний источник информации. Его.

Где флот траулеров? Успел ли Бэкхарт блефовать и перед Пейном?

Что Эми сделает с собой? Выпустит себе в голову лазерный заряд? Она на это способна. У нее есть склонность к саморазрушению.

А что, если Бэкхарт не врал о центральной расе? Это означало, что вся человеческая раса и несколько соседних находятся под угрозой истребления.

Тогда на карту поставлено гораздо больше, чем независимость сейнеров.

Бремя решения, которое он должен был принять, было не легче ноши Атласа. Тяжелее. Сотни миров могут от него зависеть... Амбра и оружие Звездного Рубежа. Они могли все изменить.

Что же делать?

Он прислонился к ноге Бабника, глядя на символы сторон его конфликта. Кого из них предать? Кого уничтожить?

Теперь все было в его руках, и не было ухода от решения. Он не мог пустить все на самотек в надежде, что все уладится само собой. Не выйдет на сцену бог из машины и не снимет с него эту ношу.

Он всю жизнь тосковал по героизму, хотя культура Конфедерации так мало этому способствовала. И если он подарит людям Звездный Рубеж и его арсенал, он станет единственным из триллионов. Он встанет рядом с Юппом фон Драховом, истребителем сангарийцев... Но для миллионов звездоловов он будет Иудой.

Кончики пальцев чувственно сжали оружие. Здесь все решения. В пистолете. Последний довод. Говоря словами древнего Мао: «Винтовка рождает власть». Война и насилие, подумал он. Некая раса утверждала, что они ничего не решают. Эти люди забыли о том, что мертвец редко возражает.

Он вспомнил маленькую улантскую монахиню, которую они с Маусом видели миллионы лет назад в космопорте Блейк-Сити на Карсоне, когда поджидали звездных рыбаков. Она отпевала мертвеца...

Он колебался. Избегал решения. Старался продлить шаткое равновесие как можно дольше.

Одно нажатие на курок решит триллионы судеб. Друг? Или Эми, его любовь?

Эти символы оставались неподвижны, как тот человек, у ног которого стоял Мак-Кленнон. Они тоже ждали, понимая, что в эту минуту его власть богоподобна.

Маус — Мак-Кленнон был в этом уверен — уже давно знал об этой развилке. Может быть, с самого начала задания. Маус смотрел на пистолет в руке Эми, наполовину загипнотизированный притаившейся в нем смертью. Его еще никогда не касалась смерть... У него так долго был к ней иммунитет...

Эми была бледна и бледнела все больше. У нее было время подумать, оценить возможности, и она испугалась. Пистолет у нее в руке задрожал.

Маус пошевелился, едва заметно поднимая парализатор.

— Стой! — рявкнул Мак-Кленнон. — Это глупо. Есть выход.

Они посмотрели на него, лица их были серьезными и растерянными.

Его палец плясал на спусковом крючке. Эми, вскрикнув, упала. Удивление Мауса не знало границ. Мак-Кленнон, дрожа, всматривался в затененную деревьями улицу у него за спиной. Кажется, космопехов парк не интересует. Отлично. Если ребята будут держать рот на замке...

Он слез с пьедестала, подобрал оружие и снова парализовал Марию. Ее дыхание говорило о том, что она уже начала приходить в себя и, возможно, готовилась к новому броску.

Пока он будет выкручивать адмиралу хвост, ему нужны все трое. Может быть, удастся добиться спасения для всех, хотя Бэкхарт будет упираться, как дьявол.

Но, черт возьми, почему обязательно должны быть победители и побежденные? Каждый мог бы чем-то поступиться и что-то приобрести.

Бэкхарту придется сдаться, если он не сможет справиться достаточно быстро. Ему необходимо заполучить координаты, или весь его план рассыплется прямо у него в руках.

Мак-Кленнон рассмеялся. Он собирается переиграть Старика, а это такая же редкость, как птичье молоко. Продолжая посмеиваться, он перебросил Эми через плечо и нырнул в густую темноту Старого Города.

После этого она его возненавидит, но, поступая так, он даст ей больше, чем могла бы дать его любовь.

Он заглянул в свое сознание в поисках признаков нестабильности. Пока все шестеренки были на месте и крутились как надо. Ему удалось достигнуть некоего подобия равновесия. Не естественного, но на время сгодится. Сейчас он был немного каждым из тех, кем бывал раньше, — и кем-то еще.

Он надеялся, что продержится достаточно долго.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:
3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

— Что у тебя творится, Дамон? — Голос Бэкхарта резал как пила. — Шторм и сангарийка были в парке. Шторм сообщил по радио, что ее преследует. Люди Мак-Кленнона признались, что он туда вошел. Вы шли по пятам за этой его женой, Эми. Четыре человека. Где они, черт их побери?

— Не знаю, сэр, — сознался майор. — Мы отправились туда, как только нам сообщили, где их искать. Там их не было.

— Это точно? Тебе известно, что трое из этих четверых — профессионалы?

— Да, сэр. И двое из них — наши, у них не было причин бежать.

— Один из них. Я не знаю, кем себя считает Мак-Кленнон. Он не виноват, но в голове у него что-то повредилось и теперь все разваливается на части. Скорее всего он половину времени не знает, кто он такой и на кого работает. О нем-то

я и беспокоюсь. Ему нужен психиатр, и как можно скорее.

Бэкхарт потер лоб. Голова раскалывается. Именно тогда, когда он, казалось, уже все устроил... Необходимо захватить Томаса или его женщину прежде, чем Грабер раскусит его блеф. Он должен захватить Верфи, пока траулеры еще копаются у Звездного Рубежа. Он должен действовать, пока сангарийские рейдеры еще не знают о судьбе своей планеты.

— Проклятие, какого черта этому идиоту Киндервоорту надо было себя ухлопать?

— Очевидно, он был предан своему народу.

— О народ жестоковыйный! Я никогда не мог их раскусить. Этот проклятый Пейн все еще с нами ругается. Даже с тремя эскадрами у себя на хвосте.

— В нем говорит гордость, сэр.

— Нас поймали, Дамон. Если мы не отыщем этих людей, и живыми, тогда точно. И я говорю — нас. Я достаточно понятно выражаюсь?

— Более чем, адмирал. Я бросил на это всех своих людей. У местной полиции нет приличного сыскного оборудования, но все равно это только вопрос времени.

— Чем быстрее, тем лучше, майор. Верховное Командование дышит нам в спину. Началь-

ник Генштаба лично заинтересован в этом деле. Он не слишком меня любит. А ты не забывай, что вагоны покатятся вниз вместе с паровозом.

— Намек понял, адмирал.

— Отлично. Проваливай отсюда и разыщи их. Помни: они профессионалы.

За всю ночь космопехи не нашли ни малейшего следа. Бэкхарт метался на койке, и его не оставлял безжалостный страх.

Он боялся, что сангарийка захватила Шторма и Мак-Кленнона и вывезла их из города. Однажды ей это уже удалось.

Время тянулось, напряжение возрастало. Бэкхарт стал бросаться на всех вокруг.

«Как бешеный пес», — услышал адмирал шепот какого-то оператора.

Это подействовало как ушат ледяной воды. Теперь, прежде чем заговорить, он считал до десяти. Адмирал привык считать себя рассудительным, справедливым и заботливым начальником. Гордость не позволяла ему срываться на подчиненных.

Через тридцать часов он заперся в тесной клетушке своего кабинета,пил кофе, глотал аспирин и гадал, не поздно ли в его возрасте начинать молиться.

— Адмирал! — окликнул его взволнованный голос через закрытую дверь. — Связь. Полевой канал три. Это Мак-Кленнон, сэр.

Бэкхарт защелкал переключателями селектора, дважды попадая мимо нужной кнопки.

— Давай же, черт возьми! — Секундой позже: — Томас? Где ты, сынок, черт тебя побери? Что происходит? Где Маус? Как у вас там?

— У нас все отлично. На данный момент Маус связан. — Мак-Кленнон хихикнул. — Все трое связаны.

Свихнулся, подумал Бэкхарт. Полностью.

— Где ты, Томас?

— Так, то тут, то там. Сейчас — тут.

— Мак-Кленнон! Немедленно прибыть с докладом! Лично!

— Нет, сэр.

— Что? Томас, да ведь все же прахом идет...
Что затеял Мак-Кленнон?

— Дайте мне одну вещь, адмирал. Это все, о чем я прошу. Только одну, и я поднесу вам Звездный Рубеж на блюдечке.

— Проклятие, черт возьми, кем ты себя возмнил? С каких это пор младшие офицеры стали торговаться с адмиралами?

— Старшие.

— Это можно исправить. Мак-Кленнон, я усталый и злой до чертиков. Не заговаривай мне зубы. Скажи, где ты, и я пошлю кого-нибудь тебя забрать.

— Нет, сэр. Не раньше, чем я получу то, чего хочу. У меня есть то, что вам нужно. Вы даете мне кое-что взамен. Поговорим?

— Я выслушаю тебя, Томас. Это все.

Это все. Интересно, хватило у кого-нибудь ума попытаться засечь передатчик Мак-Кленнона? Вряд ли. Не надо ожидать от этих людей слишком многого.

— Все просто, адмирал. Я передаю вам координаты Верфей после того, как вы предоставите мне какие-нибудь гарантии независимости сейнеров. Признайте их независимым субъектом международного права. Предложите обменяться послами. Предложите двусторонний пакт о ненападении. Что-нибудь такое, чтобы Луна Командная не могла прибрать их к рукам без большого публичного скандала.

— Чертова мать! Томас, ты сошел с ума.

— Я это знаю. — В голосе Мак-Кленнона Бэкхарт услышал боль и страх. Парень был чертовски испуган. Он знал, что стоит на краю. — И чем дальше, тем больше, шеф. Но прежде я должен покончить с этим делом.

— Томас, мой ответ — нет. Ты чертовски хорошо знаешь, что я не мог бы согласиться на подобное предложение даже при желании. Которого у меня, кстати, нет. Это не в моей власти.

— Во власти Верховного Командования. Я буду ждать на этом канале. Когда договоры будут готовы, дадите мне знать.

— Томас, это же самоубийство, ты губишь свои карьеру.

— Правда? Вы хотите сказать, что еще не использовали меня до конца?

— Томас... Ты не сможешь вечно от меня прятаться.

— Но попытаться-то я могу, адмирал. И я попытаюсь, черт возьми.

— Томас, я тебя живьем зажарю... Черт!

Адмирал уже говорил сам с собой. Мак-Кленнона не было.

Бэкхарт изо всех сил швырнул через весь кабинет полупустую чашку кофе. Коричневые капли обрызгали стену и грудку сообщений, которые скопились в кабинете, пока он переживал.

В дверь постучали.

— Войдите!

Появился майор Дамон.

— Мы засекли передатчик, сэр. Но без толку. Он подключил стандартную полевую рацию к автоматной будке, а сам звонил из другой.

— Я же тебе говорил, что мы имеем дело с профессионалами. Но у нас есть преимущество. Город небольшой, а ему надо охранять, кормить и понть трех пленников. Он сделает ошибку. Шторм может освободиться. Или мы его засечем. Продолжайте понски.

Дамон удалился. Бэкхарт стер кофейные пятна и уселся в свое кресло. Он почувствовал себя лучше. Его отпустило — почти. В этот момент шансы неблагоприятного исхода казались ему ничтожными.

Он сделал некоторые элементарные подсчеты. Фора во времени перед сейнерами, если они одно- временно пойдут к Верфям. Звездный Рубеж в восьми днях пути от Сломанных Крыльев наружу. Верфи находятся в другой стороне, ближе к Внутренним Мирам. Сколько времени понадобится сангарийскому курьеру, чтобы принести на Звездный Рубеж весть о судьбе Метрополии?

Никто не слышал, чтобы на сангарийских кораблях была инстелная связь. Все сообщения передавались курьерами. Так докладывали его агенты. Так ему оставалось надеяться. Теперь все зависело только от скорости курьера и от упрямства рыбаков.

Адмирал улыбнулся. Если даже самый быстрый корабль покинул Метрополию сразу после

атаки фон Драхова... У него не менее четырнадцати дней.

— Томас, ты не сможешь уходить от меня две недели. Только не в этом городе.

Однако уверенность вскоре уступила место сомнению. Несмотря на протесты адмирала, Верховное Командование отозвало космическую пехоту. Сомнения усиливались. На седьмой день ему позвонил начальник Генштаба лично. Бэкхарт больше не мог скрывать от него правду. Он прикрывал Мак-Кленнона, отказываясь называть имена.

Адмирал берег своих людей. Томас не был предателем. Он был жертвой своей профессии и сбоя в технической подготовке. Рано или поздно каждый агент попадал в такой кризис. Мак-Кленнон имел несчастье попасть в свой в исторически неподходящий момент.

Ох и покатыся головы в команде психотехников!

На одиннадцатый день Бэкхарт пришел к заключению, что первой покатится его голова. В голосе начальника Генштаба слышались интонации палача, который со вкусом оттачивает топор перед казнью.

— Войдите, майор! Вижу, вы собираетесь сообщить мне все то же?

— К сожалению, сэр. Он просто не оставляет следов. Мы нашли подвал, который кто-то использовал, но они исчезли задолго до того, как мы на него напали. На данный момент прочесано шестьдесят процентов города. С разумной степенью уверенности мы можем сказать, что он не проскользнул назад в прочесанные кварталы.

— Разумная степень уверенности? Дамон, мне не нужна разумная степень уверенности. Мне нужна полная, мать вашу, уверенность!

— А мне вместо шестидесяти местных полицейских-резервистов нужен мой батальон военной полиции космопехоты.

— А что я мог сделать? Их отозвали. — Бэкхарт нахмурился. — По моим расчетам, с имеющимися у нас силами прочесывание займет еще дней семь-восемь, майор. Этого времени у нас нет.

— Теперь вероятность обнаружения растет быстрее, сэр. У него остается меньше места для маневра. Компьютеры дают почти стопроцентную гарантию, что мы найдем его в течение пяти дней. Статистика против него. Я запретил своим людям использовать коммуникаторы стандартной сети. Он мог перехватывать наши сообщения.

— Не только мог, но и перехватывал. Он псих, но не дурак. Ладно. Продолжайте.

Бэкхарт откинулся в кресле. «Томас, — подумал он, — надо отдать тебе должное. Когда надо, тебе нет равных. А что, черт возьми, со Штормом? Он должен был бы уже что-нибудь сделать. Он знает Мак-Кленнона, как никто другой. Он лучший из всех, кто у меня есть».

Или этот паразит тоже замешан? Такая возможность не приходила ему в голову. Маус — превосходный агент. В его преданности никто не сомневался.

Но прежде всего Шторм был предан своей цели — истреблению сангарийцев, мести за свою семью. Придерживался в этом вопросе линии Бюро он только по привычке, не по другим мотивам. А с Мак-Кленноном они стали очень близкими друзьями. Они столько заданий выполняли вместе...

Они могли все это подстроить вместе с этой сейнерской сукой.

— Адмирал, начальник Генштаба по интелу, передача с «Ассирийца».

— О Боже! Опять?

— Он чем-то раздражен.

— Он всегда раздражен. Давайте его сюда.

Секундой спустя:

— Доброе утро, сэр.

— Вы нашли наконец того парня?

— Нет, сэр. Но мы близко. Компьютеры говорят, что мы можем схватить его в любой момент.

— У меня тоже есть компьютеры, Бэкхарт. И куда больше источников информации для них. Мне известно, что на Звездном Рубеже капитан сангарийских рейдеров узнает новости уже послезавтра. Мы не знаем, что сделают эти люди. Может быть, взбесятся. Я отменил приказ эсминцам перехватить курьера. Но это безнадежно. Они вернутся на Карсон и на Сьерру. «Хитти» идет к Черному Миру. Два резервных эсминца класса «Завоеватель» идут к Двадцать первому пикету, на случай, если они прорвутся через Двадцать третий. Что беспокоит меня больше сангарийцев — это что собирается делать Грабер, когда у него будут развязаны руки. Я бы считал, что он направится на Верфи. По полученной мне информации, если он доберется туда раньше вас, то мы проиграли. Вряд ли есть способ их оттуда выковырять и точно нет возможности подобраться на достаточное расстояние и использовать сверхновую бомбу. Для вас это не новость. Повторяю это просто на случай, если вы совсем потеряли связь с действительностью. Ваша преданность своим людям достойна всяческих похвал, но...

— Я осознаю проблему, сэр. Моим намерением было вычислить наиболее вероятный квадрант местонахождения сейнеров и отправить туда фон Драхова, пока сам охочусь за моим парнем. Это даст нам несколько лишних дней в дополнение к той форе, которую нам дает расстояние от Звездного Рубежа до Верфей.

— Вы имеете дело с упрямым, Бэкхарт. Вам еще не удалось разыскать его, не говоря уже о том, чтобы заставить его говорить. Вы, кажется, его знаете. Сколько еще он продержится после того, как вы его захватите?

— Не знаю, сэр.

Бэкхарту было нелегко это признать. Это был вопрос, о котором он старался не думать. У него не было оборудования для психозондирования. Он даже не подумал о том, что оно может понадобиться.

— Почему он это делает?

— Вы имеете в виду мотивы? Не знаю. Он сорвался после неудачного психопрограммирования. Можно назвать это наведенной шизофренией. Он сам не уверен в том, что делает и почему. Половину времени он даже не знает, кто он.

— Полагаю, вы все еще настаиваете на том, чтобы он не пострадал?

— Да, сэр. Я считаю, что он не несет ответственности за свои поступки. Я не хочу, чтобы он был наказан за техническую ошибку, которую сделали люди, готовившие его к заданию.

— Хорошо, Бэкхарт. Вот решение Верховного Командования: готовьтесь удовлетворить его требования. Если вы не отыщете этого парня до полудня вторника по времени Луны Командной, вы дадите ему то, что он хочет.

— Сэр!..

— Таково решение. Мы бы предпочли получить и Звездный Рубеж, и сейнеров, если бы могли, но Звездный Рубеж — наверняка. Мы не хотим рисковать таким прорывом в технологиях.

— Сэр...

— Это не тема для дебатов, Бэкхарт. Мне эта политика тоже кажется бесхребетной, но будет так, как сказано. Если вам удастся схватить его до истечения срока, мы пересмотрим наше решение. Но только если вы его возьмете.

Бэкхарт попробовал привести несколько доводов. Они не произвели впечатления.

Позиция Верховного Командования была понятна. На карту было поставлено само существование человечества. И все же...

— Дайте мне майора Дамона, — приказал он, когда начальник Генштаба дал отбой. —

Дамон? Приказ Верховного. Мы найдем его до полудня вторника по их времени. Иначе он получит то, что хочет. Сделай все, что можешь.

Бэкхарт откинулся назад и закрыл глаза. Он чувствовал себя старым и усталым. Адмирал снова и снова продумывал одно и то же. Должен быть какой-то способ выкурить Томаса. Надо только взглянуть на дело под нужным углом.

Но, Боже, как же найти этот чертов угол!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:
3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Маус очнулся первым. В метре от себя он увидел Мак-Кленнона. На лице Томаса была печать гробовой серьезности.

Маус застонал:

— Боже! Голова раскалывается. Что за чертовщина случилась?

— Я стрелял в тебя. Парализатором.

— Зачем? — Шторм попытался сесть. И не смог. Руки и ноги были связаны.

— А, черт, Томми, какого дьявола? Брось, освободи меня.

— Не могу.

— Да что с тобой, приятель? Я четыре месяца пытался, все устраивал, чтобы мы могли выбраться. Я не мог оставить тебя одного... Мы выполнили задание, Мойше. Томми. Выполнили на десять тысяч процентов... Черт! Голова. Дай мне аспирина. — Таблетки уже были у Мак-Кленно-

на в руках. На грязном полу между ним и Маусом стоял пластиковый стаканчик.

— Открой рот. Я тебя приложил слишком сильно, да и не одного тебя. Надо было стрелять быстро. А твоей точности у меня нет

Лицо Мак-Кленнона осунулось от усталости. Ему не пришлось спать. Больше воды попало на пол, чем Маусу в рот.

Маус сплотнѹл, но слишком поздно, во рту все же остался горьковато-кислый вкус аспирина. Он сплюнул.

— Ты бы объяснил мне.

— Меня загнали в угол, Маус. Мне пришлось делать выбор. Ты как раз дежурил, вдруг появился Старик и выложил на стол все карты.

— Бэкхарт? Наш бесстрашный вождь, который так и родился без языка?

— Да. — Мак-Кленнон слово в слово повторил рассказ Бэкхарта об угрозе миру от центральной расы.

— Ты ему поверил?

— Он был убедителен.

— Он всегда убедителен. И не становится от этого меньшим лжецом. Здесь с ним никто не сравнится.

Мак-Кленнон был удивлен. Ему казалось, что Маус разделяет его веру в то, что адмирал, в сущности, правдив.

— И все же эта басня проливает определенный свет на странные события на Луне Командной за последние четыре-пять лет. Я ведь не купился на сказки о том, что улантиды снова готовятся к нападению. Ты уверен, что он говорил правду?

— Ты бы видел его глаза, когда он описывал записи, сделанные улантской разведкой. Но что меня действительно убедило — это когда он сказал, что клаймеры расконсервируют.

— Правда?

— Точно.

— Ого. А что ты об этом знаешь? — Маус задумчиво покачал головой. Это было нелегко, учитывая, что он лежал навзничь на грязном полу. — Ты собирался объяснить мне, почему я валяюсь в этой грязи, связанный так, что не могу даже задницу себе почесать.

— Я встал перед выбором, Маус. — Голос Мак-Кленнона потерял всякое выражение. — Предать либо флот, либо звездоловов. Когда услышал о смерти Ярла.

— Я что-то тебя не понимаю, Томми. Кажется, ты и сам себя не понимаешь. Ты теряешь стабильность. Надо бы доставить тебя в Психоцентр.

— Знаю. Я вполне понимаю, что со мной происходит. И не могу остановить. — Он на

мгновение закрыл глаза. — Но я могу затормозить процесс. Я должен. Потому что Ярл покончил самоубийством, значит, остаются только двое, кто может сообщить Бэкхарту координаты Верфей, а он пытается блефовать и заявляет Граберу, что если рыбаки не сдадут ему Звездный Рубеж и траулеры, то он разнесет их сверхновой. Эми, я и, быть может, ты — единственные, кто может сообщить ему координаты.

— Только не я, Томми. Этого мне никто не рассказал. Они не доверяли мне настолько, насколько доверяли тебе. Да и не должны были.

— Я не знал этого наверняка, иначе я мог бы оставить тебя в парке. Нет. Не мог бы. Ты слишком хорошо знаешь Город Ангелов. Ты нашел бы меня.

— Черт возьми, скажи мне, что ты делаешь?

— Я хочу обменять Звездный Рубеж на звездоловов.

— Что?

— Я собираюсь скрываться до тех пор, пока Луна Командная не согласится оставить сейнеров в покое. Письменно. Публично. Тогда я сообщу адмиралу, где находятся Верфи, и он сможет обменять их на Звездный Рубеж. И проигравших не будет. — кроме меня.

— Да ты спятил, Томми. Тебе этого не вытянуть. У него слишком много времени. А когда он тебя поймает, зажарит живьем.

— Нет, он будет со мной чертовски мил. Ему нужно будет еще заставить меня говорить. Здесь у него нет психозонда, а к физическим методам он, быть может, не сразу приступит...

Мак-Кленнон принял свое решение внезапно. И с тех пор каждую секунду ему приходилось обдумывать бесконечные ходы и способы выиграть. Он рассчитывал, что ему придется скрываться около недели.

Он решил на все это время залечь на дно и выйти только сейчас, чтобы сделать то, без чего никак не обойтись. Нет движения — нет следа, на который может напасть охотник.

— Мне нужно отлить, Томми. Очень нужно. — Маус огляделся по сторонам. — Боже! Да это та самая дыра, где сангарийцы прятали очищенную звездную пыль!

— И этого не было в наших отчетах. Что ты собираешься делать, Маус? Прыгнуть на меня при первой возможности? Или переждешь?

Маус просто посмотрел на него. Он натянул на себя свою маску игрока в покер. Мак-Кленнон слабо усмехнулся и перерезал веревки, стягивавшие лодыжки Мауса.

— Отлей в углу.

— Без рук?

— Они у тебя связаны спереди. Не заметил?

На губах Мауса мелькнула едва заметная улыбка.

— Ты слишком долго ошивался около меня. Становишься слишком крутым.

— Иди делай свое дело.

— Ну и провоняет же это место.

— Не сомневаюсь.

Они находились в погребе с земляным полом, где и без того было достаточно сыро и порядком пованивало.

Маус, спотыкаясь, побрел в угол.

— Проклятие, ноги как ватные.

Он растянулся, прислонился к стенке и, тяжело дыша, помочился.

Действие парализатора могло нарушить работу организма на несколько дней.

Закончив, Маус повернулся.

— Ну, хоть от этого освободился.

Мак-Кленнон позволил Шторму сделать три шага, после чего выстрелил ему в бедро.

— Твою мать, Томми! Зачем ты это делаешь?

— Приходится.

— Да, ты становишься жестким, приятель.

— Компания у меня такая.

Мак-Кленнон бросил взгляд на сангарийку. Она уже пришла в себя и наблюдала за происходящим холодными стальными глазами. Он развязал ей щиколотки.

— Твоя очередь.

Она встала и молча отправилась в угол. Когда Мак-Кленнон парализовал и ее, она не удивилась и не произнесла ни слова жалобы.

— А она какого черта здесь делает? — спросил Маус.

— Ну, скажем, это карта, которую я прячу в рукаве.

Ни она, ни Маус не знали о гибели Метрополини. Ей можно было сказать об этом и отпустить. Ее ответные действия могли отвлечь внимание преследователей.

Эми не приходила в себя целую вечность, и с ней он старался быть как можно мягче.

Как только она очнулась, ему пришлось об этом пожалеть.

Ее он не связал. Не видел необходимости.

Они с Маусом играли в шахматы, фигурами были клочки бумаги, которые передвигались по клеткам, нацарапанным на полу. Томас делал за Мауса его ходы и, как всегда, проигрывал.

— Сзади, — шепнул Маус.

Зашелестела одежда.

Томас метнулся в сторону, перекатился по полу, схватил парализатор и выстрелил. Эми застонала и рухнула, выронив кусок железной трубы, которую уже заносила над его головой. Фигуры рассыпались.

Мак-Кленнон связал ее с огромным трудом: у него отчаянно тряслись руки. Сознания она не потеряла, но говорить отказывалась. Ни Маус, ни сангарийка не произнесли ни слова.

Мария только улыбнулась тонкой жестокой улыбкой.

Казалось, стены давят. На мгновение он забыл, кто он и что делает. Потом ему на секунду вспомнилась их первая операция на Сломанных Крыльях. Его звали Гундакар Нивен, он и Мария снова были любовниками.

— Томми! — позвал Маус. — Томми! Очнись!

На несколько секунд это помогло. Он успел заметить, как все три пленника пытаются вскочить на ноги, и Маус в этой гонке безнадежно отстал.

Его окатило холодное спокойствие. Он парализовал всех троих. В голову. Это было опасно — для них, — но куда менее опасно для него, если снова начнется приступ.

Приступ начался. На время он полностью сошел с ума.

Он был звездоловом по имени бен-Раби... Наводчиком по имени Корнелиус Перчевски... Флотским атташе по имени Уолтер Кларк... Социологом по имени Гундакар Нивен... Хамоном Клауссоном... Креденсом Парди... Томасом Акинасом Мак-Кленноном... Мальчишкой, слоняющимся по залитым светом лабиринтам улиц на Старой Земле, у которого шея заболела задира́ть голову и смотреть на звезды.

Усталость взяла свое. Он уснул.

Проснулся он прежде своих пленников. Теперь он снова чувствовал свою личность и реальность, но все эти другие по-прежнему сидели у него внутри и требовали свободы.

Он гадал, долго ли продержится.

Ему очень нужен психиатр.

В животе ныло и урчало. Мучил голод.

Пища была слабым звеном в его плане. Ему до сих пор не удалось ничего достать. Придется рискнуть и выйти на улицу.

Он взглянул на часы. С тех пор как он утащил из парка этих троих, прошло шестнадцать часов. Адмирал еще не поднял тревогу, подумал он. Еще какое-то время можно рискнуть.

Он достал парализатор и обеспечил своим пленникам еще несколько часов без сознания,

потом забрал передатчик Мауса и вышел на улицу.

Первую остановку он сделал в магазине одежды. Довольно рискованная операция всего в нескольких кварталах от убежища. Он купил подержанную, бесформенную рабочую одежду и в каком-то тупичке переоделся. Потом проделал то же самое в более дорогом магазине, а потом кинул свою боевую форму сейнера в ящик для пожертвований какой-то благотворительной организации. Ему приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы удерживать на переднем плане сознания личину Гундакара Нивена. Когда это ему более или менее удавалось, он слегка горбился, говорил резко и всем своим видом показывал, что связываться с ним опасно.

Он купил небольшой набор инструментов, потом женский парик, который обкорнал так, чтобы походить на местного головореза, перевязал щеку и засунул в башмак камешек.

Теперь он не был похож ни на одного из тех, кого искали космопехи.

Передвижные патрули были повсюду, удивляя горожан своей небывалой активностью, но его ни разу не остановили. Они искали сейнера.

Скоро они придут в себя, он это знал. Тогда будет трудно обвести их вокруг пальца.

Каждый раз, когда вокруг никого не было, он с помощью передатчика Мауса подслушивал переговоры патрулей.

Они были растеряны. Им надо было найти четырех человек, но они не знали, зачем и для кого. На данный момент их главной заботой было попенать кому бы то ни было улизнуть из города. Когда закроют все лазейки, начнется систематическое прочесывание города.

Он подумал, стоит ли связываться с Бэкхартом. Неизвестность могла бы обеспечить ему преимущество над адмиралом. Но нет. Адмиралу потребуется время, чтобы связаться со своими начальниками.

Он стащил с уличного коммуникатора табличку «Не работает» и через несколько кварталов нашел работающую будку. Там он повесил свою табличку и начал изображать из себя ремонтника.

На подключение ушло немного больше времени, чем он ожидал. Передатчик был местного производства. Пришлось долго соображать, что означает цвет проводков, зато все остальное было проще, чем на уроке в Академии. Он подключил передатчик Мауса, запомнил номер аппарата и удалился.

Чтобы найти продукты, потребовалось некоторое воображение. Здесь было не принято готовить дома. Жители Города Ангелов, богатые и бедные, питались в ресторанах или заказывали готовые блюда домой. Все равно большая часть продуктов была искусственная или переработанная. К атмосфере и климату Сломанных Крыльев удалось приспособить лишь несколько тропических растений со Старой Земли. Ни один из местных видов не был настолько вкусен, чтобы вкладывать деньги в его окультуривание.

Пришлось ограничиться покупкой сухих пайков, которые удалось раздобыть на складе у болотных экскаваторщиков. Продавщица сказала, что он что-то не похож на экскаваторщика, но от дальнейших вопросов воздержалась. Преступный мир использовал болото в своих целях. Любопытство вредило здоровью.

Когда он вернулся в погреб, у него уже не осталось местных денег. В карманах звенели монеты сейнеров и конмарки, их можно было обменять, но ему не хотелось привлекать внимание, расплачиваясь иностранной валютой. Конмарки достаточно распространены, и все же... Он обыскал своих пленников и конфисковал их небогатые ресурсы. По большей части это была межпланетная валюта Конфедерации.

Пленники безмолвно подчинились. Ни один не сказал ни слова, а он и не пытался начать разговор, только еще раз заставил их отведать парализатора и вернулся на улицу.

Он нашел уличный коммуникатор и позвонил в ту будку, к которой подключился. Передатчик в будке должен был связать его с Бэкхартом.

Адмирал был им очень недоволен.

Закончив разговор, он походил по улицам и снял две маленькие квартирки и офис, чтобы было куда бежать, если пехотинцы начнут приближаться к его погребу. Потом наконец он отважился на вылазку в Центральный парк и утащил у зазевавшейся военной полиции мощный передатчик-сканер.

Он уселся на старый ящик, прислонился к стене, закрыл глаза и стал прислушиваться к потрескиванию сканера. Через какое-то время он услышал, как кто-то шевелится, и открыл глаза. Маус пытался сесть.

— Томми, ты не можешь и дальше так продолжать, ты кого-нибудь убьешь.

Мак-Кленнон отключил сканер.

— Прости, Маус, но у меня нет выбора.

Он наклонился к передатчику, тот все еще работал. Его звонок порядком переполошил Бэкхарта.

Сколько ему придется прятаться?

Шли дни. Он потерял им счет. То ему казалось, что прошло совсем немного, то — что это тянется уже многие годы. Каждый час был частичей, вяло улетающей в вечность.

Он считал, что действует неплохо. Уже несколько дней ему удастся прятать и держать под контролем трех враждебных и рассерженных пленников. Бэкхарту так и не удалось напасть на его след. Свои психические проблемы он стянул смирительной рубашкой.

Только рубашка трещала по швам.

Он где-то на Луне Командной. Хорошенькая блондинка лет семнадцати вцепилась в его левую руку. Она что-то шепчет ему на ухо. Она называла его лейтенант Перчевски. Он должен ее знать, но не знает. Он хочет на нее напасть.

Другая женщина схватила его за правую руку. Она настаивает, что его зовут Уолтер Кларк. Ей хочется увести его от соблазнительной блондинки.

Женщины отпустили его и набросились друг на друга. Они спорили, выкрикивая его имя. Он пытался сказать им, что обе они ошибаются, на самом деле он — Креденс Парди? Или Хамон Клауссон? Кажется, он был Клауссоном на Встряске. Позабыв о женщинах, он попытался

отыскать свою карточку с именем, но та слетела у него рубашки.

Вот она, торчит из-под края ковра. Он наклоняется и вытаскивает ее. С карточки смотрит мрачное лицо мальчишки.

— Гундакар Нивен, — бросает ребенок и злобно усмехается.

Он закричал.

Его со всех сторон окружают люди. Одни выше, другие ниже, одни толще, другие тоньше, но каждый похитил его лицо. Они нещадно колотят друг друга. Как только одному удастся освободиться и броситься к нему, остальные набрасываются на него и оттаскивают назад.

Он прыгнул на первого попавшегося и начал душить.

— Я убью их, — хрипел он. — Я всех их убью. Тогда они оставят меня в покое.

Он боролся, пока хватало сил, а потом в бессилии рухнул на пол. На него опустилась темнота.

Он очнулся в вонючем погребе на Сломанных Крыльях. Три человека следили за ним холодными прожорливыми глазами падальщиков, следящих за умирающим зверем.

Он бросил взгляд на ручной хронометр. Прошло десять часов. Что? Они не набросились на

него? Они все еще здесь? Он с трудом поднялся на ноги, сделал шаг, упал, потому что закружилась голова.

Он с силой потряс головой. Паутина разорвалась и улетела прочь. Он снова оглянулся по сторонам.

Маус спокойно протягивал ему парализатор.

Их глаза встретились. Мак-Кленнон взял оружие. Маус не сказал ни слова. Он сложил руки и протянул, чтобы их снова связали.

Томас тоже ничего не сказал. Ничего и не нужно было говорить. Он снова связал друга, опустился на пол и стал ждать.

Тянулись часы.

Он не ожидал, что все так затянется. Сколько еще Старик может тянуть время? Почему он так упрямится? Ведь уступка не будет ему ничего стоить. Все равно Конфедерация не контролирует звездные стада.

Он подозревал, что Бэкхарт пытается обеспечить себе политический успех, который заставил бы людей позабыть о сотворенной с Метрополией мерзости. Сканер Мак-Кленнона засек передачу, посвященную этому событию. Он рассчитывал, что теперь новость дойдет и до Звездного Рубежа. Тогда конфронтация спадет сама собой. Грабер кинется на защиту Туманности.

Время, старый предатель, снова переметнулось.

Он не удивился, когда передатчик задрожал и раздался голос Бэкхарта:

— Томас, ты меня слышишь? Это адмирал Бэкхарт. Томас, ты меня слышишь?

— Слышу, говорите. — Он ограничился этим, опасаясь, что они могут засечь его местонахождение.

— Томас, ты добился своего. Личная гарантия начальника Генштаба. — Он помедлил, ожидая ответа Мак-Кленнона. Томас молчал. — Томас, ты слышишь?

— Сказал же, слышу.

— Ты добился своего. Что теперь будешь делать?

До сих пор он думал только о том, как заставить их согласиться. Теперь перед ним стоял вопрос, как заставить их признать свои гарантии на бумаге, публично, и одновременно не дать им затащить себя в какой-нибудь подвал под обработку психологов.

— Я перезвоню.

Он взглянул на своих пленников. Теперь он понял, что нельзя служить двум хозяевам и пользоваться любовью их слуг. Ненависть Эми его терзала беспощадно. А ярость Мауса... Но

Маус помог, помог хотя бы тем, что не сделал того, что мог бы сделать. Он дал дружбе заслонить долг, позволил себе усомниться в своей правоте.

Иначе у Мак-Кленнона не вышло бы.

Но Эми... Она отказывалась понимать, что он пытается сделать. Она назвала его Иудой.

Глухую неприязнь Марии он переносил легко. В этом у него был достаточный опыт. Ее сладострастное сангарийское лицо стало мягким, пассивным, покорным отражением чувств, которые он видел на лице жены.

О Маусе он не особенно беспокоился. Маус преодолеет свою ярость. Он простит предательство. Они друзья.

«Так, — подумал он. — Пора встретиться со Стариком лицом к лицу. Его борзые будут на пороге, как только я скажу, где...»

— Адмирал? Говорит Мак-Кленнон.

— Томас, у меня мало времени. Ты получишь то, чего хотел. Давай поторопимся, ладно?

— Мне нужен кто-нибудь из адвокатов суда.

— Что? Ты же не под арестом. Тебе даже не предъявлено обвинение. Я тут изо всех сил защищал тебя, сынок. Скажи мне только, где ты, черт возьми?

— Я хочу, чтобы он был свидетелем, а не моим защитником.

— Боже, Томас, я же дал тебе слово. Это все, что я могу тебе дать. Чтобы доставить сюда космического адвоката, потребуется неделя. Умоляю тебя, давай без этих штучек.

Ладно, ладно. Может, Бэкхарт и прав, и он действительно только теряет время. Адмирал ведь дает слово.

Он сообщил Бэкхарту, куда за ним приехать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ:

3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Четыре офицера полиции Города Ангелов появились у двери, чтобы доставить Мак-Кленнона к его непосредственному начальнику. Он удивился, но не стал спрашивать, почему они выполняют работу армейцев. Томас развязал Мауса, Марию и Эми.

— Идемте, джентльмены, — проговорил он.

Перед глазами порхали бабочки размером с сову да еще совокуплялись прямо на лету.

Улицы были пустынные. Город Ангелов превратился в город призраков.

— А где все? — спросил он. Перехватывая передачи, он не слышал ничего, что объясняло бы эту пустоту.

— Призваны, — проворчал один из полицейских.

— Что?

— Почти все население призывного возраста состояло в резерве. Это был верный способ заработать пару лишних марок. Теперь их призывали.

— Эта война выйдет суровая.

— Точно, — согласился полицейский. — Они призвали всех с Трансверса. Флотских, космолетчиков, планетарную оборону, всех подряд. Мало этого, они забрали всю технику, которая не была гвоздями пригнана.

Офицеры вели задержанных прямо в штаб Бэкхарта. Мак-Кленнон увидел, что на улицах почти нет машин.

— А что с той бандой наверху? — спросил он, ткнув пальцем в небо.

— Тяжелые? Еще там. Будем надеяться, им удастся сдержать сангарийцев. Ты, твой приятель да еще адмирал со своей командой — единственные военные, которые остались на планете.

— Кажется, дело серьезное, — проговорил Маус. — Старик любит играть в игры, но не в такие дорогостоящие.

Мак-Кленнон не мог избавиться от чувства тревоги и растерянности. Всеобщая мобилизация была тревожным знаком. Это означало, что Кон-

федерация решила бросить все силы в первый же бой.

Его мысли остановились на родной планете. Неужели со Старой Земли тоже забрали всех мужчин и технику? В таком случае он рад, что оказался во внешних мирах.

Как только исчезнут полицейские патрули, эта безумная планета погрузится в пучину варварства. Конфедерация старалась не вмешиваться в дела землян, но все же держала уровень насилия под контролем.

Беспорядки уже случались во время Улантской войны и, в меньших масштабах, несколько позже — каждый раз, когда присутствие Конфедерации ослабевало. Развязавшись с Улантом, Луна Командная оказалась в необходимости заново завоевывать Землю.

Едва исчезал бронированный кулак, секты и культы перековывали орала на мечи и начинали сводить старые счета.

— Маус, — сказал Мак-Кленнон. — Странный мир я называю домом.

Шторм понял его с полуслова.

— На этот раз все будет не так плохо, Томми. Я видел кое-какие планы мобилизации. Призыв будет проводиться выборочно. Нечто вроде древ-

них штрафных рот. Будут забирать бездельников и отправлять их на другой конец Конфедерации. Их разбросают по вселенной, чтобы не причиняли неприятностей.

— Звучит неплохо. Если забрать достаточно, то беспорядков не будет.

— Это обеспечило бы стабильный приток людей. Во время Улантской войны от Старой Земли не было никакого проку.

Эми, Мария и полисмены пристально следили за их разговором.

Даже Маус не понимал Старую Землю.

Земля превратилась в отсталое захолустье. И это тот самый мир, откуда пошли все искатели приключений! Дух древних пионеров давно исчез. Оставшиеся дома были, с точки зрения остального человечества, уродами всех сортов. Даже Мак-Кленнон с готовностью признавал, что его товарищи на Старой Земле как нельзя лучше соответствовали этой нелестной характеристике.

Средний обитатель Старой Земли лишился бы чувств, предложи ему кто-нибудь отправиться в космос. И все же они могли быть на удивление жестокими друг с другом...

Дикий декаданс? Именно так Мак-Кленнону представлялась культура его родины.

— Ты царство страха возродил, о Хаос, и меркнет свет от слова твоего... — пробормотал он.

— Что? — переспросил Маус.

— Это из поэмы. Поп.

Маус усмехнулся:

— С возвращением, Томми. Ты снова ведешь себя как добрый старый друг.

Мак-Кленнон застонал и схватился за живот.

Язва вцепилась в него драконьими когтями, будто пытаясь проложить себе путь наружу. Боль согнула его пополам.

— Томми?

— Язва.

— Нам необходимо доставить тебя к доктору.

— Еще немного. Совсем немного. Я продержусь.

— В кого ты превратишься, когда все это кончится?

— И все же мне придется через это пройти.

Только тогда, когда кончится миссия, которую он добровольно на себя взвалил, сможет он подумать о себе и заняться болью душевной и физической.

Недели ожидания вернули язву к жизни. Потому что он не ждал ничего хорошего. Ему доводилось одерживать верх над Бэкхартом, но никогда в таком важном деле.

Томас боялся. Что сделает Старик? Адмирал был справедлив, но никогда бы не дал справедливости помешать ему выполнить отданный им самим приказ.

Пытаясь заглушить тревогу, Мак-Кленнон оглядывался по сторонам. Немногочисленные жители города казались подавленными. Оживление аукциона сменилось тревогой.

Мак-Кленнон заметил еще одну странную деталь в поведении людей. Каждый горожанин время от времени бросал взгляд на небо. Он сказал об этом Маусу:

— Наверное, бояться сангарийского флота.

Томас тоже время от времени посматривал на небо, но вовсе не в поисках рокового знака. Он говорил себе, что просто пытается в последний раз насмотреться на солнце. Котен Зевен, тюрьма для военных офицеров, находилась в тысяче километров под поверхностью Луны Старой Земли. Психологически она была так же далека от потока жизни, как и средневековые казематы.

Однако самообман не удался. Он искал то, что потерял, что-то, что было очень далеко, и у него не оставалось надежды увидеть это вновь. На этой неделе флот Пейна вошел в гипер. Его

приемное отечество — сейнеры — исчезло навсегда.

— Это здесь, — сказал полицейский офицер. Он указал на вход в дешевый отель.

Бэкхарт уже ждал их в полном обмундировании. Он стоял как на параде, ожидая, когда они войдут. Лицом адмирал напоминал мертвеца. Только едва различимые морщинки вокруг глаз говорили о гневе, кипевшем у него внутри.

— Заприте женщин, — произнес он без всякой интонации, глядя сквозь Мак-Кленнона.

Эми сломалась. Ее прорвало, она разразилась жалобами, рыданиями и проклятиями. Мария смотрела на нее с нескрываемым презрением. Томасу хотелось обнять, успокоить ее, но он этого не сделал. От этого стало бы только хуже.

Сквозь стальную оболочку на секунду показался подлинный Бэкхарт. Он взял Эми за руку:

— Успокойтесь, миссис Мак-Кленнон. Через несколько дней вас отправят домой, если только вы не решите остаться с Томасом.

— Остаться? — Эми истерически рассмеялась, потом взяла себя в руки. — Я вернусь домой.

Устыдившись своей вспышки, она опустила глаза и уставилась на ковер.

— Я думаю, мы освободим и вас, мадам, — обратился Бэкхарт к Марии и улыбнулся. Это была улыбка убийцы, которую Томас не раз замечал у Мауса. Она появлялась, только когда народу Марии приходилось особенно плохо.

«Как мы можем быть настолько жестоки, — подумал он. — Вечно нам хочется кромсать кого-нибудь своими маленькими тупыми ножами».

Маус тоже заметил эту улыбку. Фон Драхов попал в цель! Шторм чуть не светился. Он стоял, как Торквемада в мантии. И смеялся. Смех казался безумным.

— Он и вправду это сделал? Он прорвался? — Шторм повернулся к Марии. — Пусть живет. Ради Бога, пусть живет.

Он улыбался во весь рот жестокой улыбкой. Жизнь для нее будет хуже смерти. Ее не ждет ничего, кроме бегства и страха и полной безнадежности, пока наконец ее не свалит последний, беспощадный, неотвратимый противник.

— Юпп фон Драхов, старый друг наших здешних былых забав, навестил твою Метрополию, — сообщил ей Маус.

Мария поняла. Все время заключения Маус изводил ее рассказами о своем случайном открытии. О сверхновой бомбе.

Сангарийка не сломалась. Она не доставила своему врагу ни секунды торжества. Она просто улыбнулась своей холодной, стальной улыбкой, и в глазах ее было обещание.

Ничто и никогда не могло сломить ее холодного самообладания. После того, как Маус на ее глазах вколол ее детям смертельный наркотик, который составлял главную статью сангарийских доходов, — ничто и никогда.

Полицейские увели женщин. Наступило долгое молчание. Маус и Мак-Кленнон смотрели на своего шефа. Томас чувствовал, как Маус отстраняется, замыкается, вновь превращается в агента Бюро.

— Присаживайтесь, джентльмены, — проговорил Бэкхарт. — Вам придется меня извинить, я стал немного резок. На Сломанных Крыльях мне пришлось несладко. Маус, ты первый. Мне нужен подробный доклад.

Мак-Кленнон поднял бровь. Бэкхарт не собирается давить? Что он задумал?

Маус заговорил, Мак-Кленнон погрузился в воспоминания. Все сомнения, которые он, приняв решение, отгонял прочь, снова стояли перед ним. Неразрешимое «хочу» тихо запустило в его душу странные шупальца. Он терялся все больше и больше.

— Томас! — Его имя произносилось уже в третий или в четвертый раз.

— Что?

— Твой доклад о последних двух неделях. Мне надо выработать позицию. Тебе следует подумать, что ты напишешь в своем письменном докладе. Я пытался тебя прикрыть, но не смог, по крайней мере не до конца. Тебе придется предстать перед трибуналом.

Он начал с «Пальяччи», остановился на столкновениях с лицами Элис. Он пытался заставить Бэкхарта понять, что этот обман только утвердил его решимость разрушить планы флота по захвату сейнеров.

— Это было ошибкой, — признал Бэкхарт. — Да, наломал я дров на этот раз. Однако у меня были добрые намерения, Томас. Я надеялся, что это сработает как гипнотический выключатель. Когда вам пора было возвращаться на Карсон, Маус показал тебе китайскую монету. Это должно было стать ключом, но ты на него не отреагировал.

— А подстраховщик?

— Он был наш. Да. Еще одна моя большая ошибка. — Бэкхарт не стал извиняться за попытку убийства. Они — профессионалы. Им положено понимать. Они — живые фигуры, играю-

щие на гигантской доске. — К счастью, здесь меня переиграл Маус.

Мак-Кленнон продолжил рассказ, пытаясь разъяснить свои мотивы, и не находил слов.

— Умом я понимаю, что ты говоришь, — перебил его Бэкхарт, — но душой не могу это принять, Томас. Я один из тех дураков, которые действительно верят в свою работу. Потому, что это единственное, что у меня есть. Или, возможно, я никогда не перерасту свой идеализм насчет Конфедерации. Но это к делу не относится. Ты еще не дал мне координат.

— Я еще не получил гарантий.

— Томас, я обещаю тебе всё, что угодно. Верховное Командование согласилось. Они уже объявили об этом. Мы все выполним, даже если это будет нам стоить Сенатского Комитета. Переживем. Но это когда ещё будет. А сейчас нам надо выиграть армреслинг на Звездном Рубеже.

— А потом что?

— Ты меня прослушал, сынок.

— Что будет со мной?

«А это важно? — подумал он. — Кому какое дело?»

— Официально ты находишься под арестом до тех пор, пока трибунал не примет решение.

Ты сам себя подставил. Ты можешь оказаться героем или козлом отпущения. Это скорее всего будет зависеть от того, как обернется первое сражение. Я бы предпочел просто забыть об этом деле, но уже слишком поздно. На Луне Командной о тебе знают.

— Ну, здесь есть и светлая сторона, Томми, — вмешался Маус. — Официально, пока ты находишься под арестом, тебя не могут заставить работать. Ты получишь отпуск, и Бюро может утешиться.

Бэкхарт бросил на Шторма кинжальный взгляд.

— Хватит строить из себя космического адвоката, сынок. Томас, твой арест останется только на бумаге. На самом же деле ты состоишь у меня в штабе до тех пор, пока мы не разберемся с сейнерами и Звездным Рубежом. Маус, ты будешь состоять при мне и Томасе. Насколько я знаю, ты его ангел-хранитель.

Мак-Кленнон снова ощутил вкус той жизни, которую знал, пока не попал к сейнерам. Ему не терпелось заняться делом. Это отвлечет его, и у него не останется времени хныкать о своих потерях.

Бедная Эми...

— Первый приказ — передать координаты. Потом мы отправим Томаса к психогруппе...

Появился полисмен.

— «Марафон» вышел на стабильную орбиту, адмирал. Шаттл спустится с минуты на минуту.

— Благодарю вас.

— «Марафон»? — переспросил Маус. — А я думал, он давно на приколе.

— Был на приколе, когда вы улетали. Теперь нет. Старые корабли укомплектовываются мобилизованными. Заменяют патрули флота. Томас, расколешься ты наконец? — Бэкхарт повернулся к полицейскому, который все еще стоял возле двери. — Офицер, начинайте грузить наше оборудование. Сержант Брил должен был уже пригнать транспорт.

Сейчас Мак-Кленнон мог думать только о ванне. Шестнадцать дней в дерьме, и после этого грузиться на корабль флота?

— Какая программа? — спросил Маус.

— Сначала пугнем рыбаков. Потом бросок на Звездный Рубеж, куда повезем целое стадо ученых, привезенных «Марафоном». Они будут следить за работой сейнеров. Когда я буду доволен ходом дел, отправимся на Луну Командную. После депрограммирования будете бить баклуши, пока не закончится трибунал над Томасом. Думаю, ему достанется. Возможно, его даже отправят назад в строевые.

— Они сильно на него насядут?

— Трибунал его оправдает. На почве психологии. Есть прецеденты. Но они потребуют, чтобы его отстранили от операций. Что имеет смысл, по-моему. Он мог и выгореть дотла. Ему могут поручить коммерческую или дипломатическую деятельность, тогда его подготовка не пропадет даром. О тебе, Маус, я еще не знаю.

Мак-Кленнон прислушался к своим чувствам и понял, что не станет оплакивать возможную потерю работы. Она никогда ему особенно не нравилась.

— Я мог бы уйти в отставку, — размышлял вслух Маус. — Старший офицер получает неплохую пенсию.

Он улыбался, но в глазах у него горели угольки погибших надежд. Слишком рано сбылась главная мечта его жизни.

— Пока идет война — не уйдешь, — заметил Бэкхарт. — До тех пор никого не отпустят в отставку. Томас? Дашь ты мне наконец то, что я хочу, или нет? Или мне сначала ткнуть тебя носом в данные нашей разведки?

— Хорошо, хорошо. Туманность Трех Небес. Внутри клина, направление к центру галактики, начиная с одной астроединицы. Дайте мне карандаш. — Он набросал на клочке бумаги не-

сколько цифр. — Вот вам координаты для прыжка. Отсюда надо двигаться в нормальном пространстве. Дать вам лоцию по этому мусору я не могу. Людям, которые ее знают, покидать туманность не разрешается.

— Туманность Трех Небес? Правда? Я думал, это вне пределов нашей сферы. — Напряжение Бэкхарта стало исчезать. Он вновь стал прежним адмиралом. Улыбки и дружелюбие. И готовность послать своих людей на смерть. — Ну и хитрецы, черт возьми! Так вот почему там исчезают корабли. — Он помолчал и добавил: — Перед отлетом мне надо еще кое-что сделать. Встретимся через полчаса в холле.

— Готовыми к полету? — спросил Мак-Кленнон.

— Это был скрытый намек, сынок. Иди помойся. Тебе принесут форму. И попробуй помириться с женой.

— Спасибо, сэр.

Он поставил рекорд по мытью, бритью и одеванию. Когда он покончил со всем этим, у него оставалось еще десять минут.

Минутой позже он уже входил в комнату, которую Бэкхарт приспособил под кутузку. Это был обычный гостиничный номер, правда, без

окон. У дверей стояли два охранника. Эми и Мария сидели у противоположных стен, не глядя друг на друга.

— Эми?

Она, казалось, не заметила его прихода.

Он схватил ее подбородок и повернул к себе:

— Посмотри же на меня, черт тебя побери! — Две недели он пытался заставить ее понять. Она отказывалась. Ему хотелось вбить это в ее упрямую голову, но он сделал над собой усилие и заговорил спокойно. — Мы улетаем через несколько минут. Если хочешь, можешь лететь с нами.

Она молча смотрела на него.

— Мы отправимся на Звездный Рубеж. Там ты могла бы присоединиться к вашей исследовательской экспедиции. Вместо того чтобы отправиться напрямик домой.

Она молчала.

— Если ты вернешься назад с интернированными, то окажешься на Верфях. Со своей матерью. Мне казалось, что ты захочешь полететь туда, где у тебя будет по крайней мере один друг.

Она ничего не ответила.

— Хорошо. Продолжай упрямяться. — Он повернулся к двери. — Офицер, я готов.

— Мойше, подожди. Я... Да, я лечу.

Он вздохнул. Наконец-то. Первая удача.

— Я улажу все с адмиралом.

Когда он выходил из комнаты, у него на губах играла слабая улыбка.

Впереди долгое путешествие. Быть может, достаточно долгое, чтобы...

Сначала Бэкхарту не понравилась эта идея.

— Сэр, — объяснил Мак-Кленнон, — Эми лучшая подруга одной из самых лучших ученых сейнеров. Если нам удастся ее приручить, то будет гораздо легче координировать работу наших специалистов. Вы все говорите о кассетах разведки Уланта. Попробуйте показать их ей, может быть, они ее убедят. Нам не требуется переманивать ее на свою сторону, а просто заставить ее стать более открытой.

— Томас... я же тебя насквозь вижу. Да плевать тебе на это хотелось... Ладно. Еще одна сделка. Бери ее. Но ты за нее и отвечаешь.

— Прикажете охранникам передать ее мне.

— Так иди за ней, что время теряешь?

Часом позже они уже были на борту шаттла, направляющегося на «Марафон». Мауса била дрожь. Бэкхарт погрузился в сообщения, прибывшие с крейсером. Эми закрыла глаза. Она была бледна и печальна.

Мак-Кленнон смотрел на нее и мысленно перебирал все «могло быть» и «надо было». Ему удалось заставить ее понять необходимость своих действий, но он столкнулся с тем, что она не способна провести черту между личными и общественными обязательствами.

Она не могла рассматривать предательство своего народа не как личное дело. Ей хотелось считать, что его чувства к ней были просто притворством шпиона. Это каким-то образом разрешило бы ее сложности.

Она принадлежала к породе самоистязателей.

Мог ли он осуждать ее? Или кого-нибудь другого? Он сам жил в построенной своими руками Железной Деве.

Они с Эми были обречены с самого начала. Неустойчивость его программы сделала его естественной жертвой ее неадекватности. Они слишком походили друг на друга. И она слишком напоминала двойника Элис, на который был запрограммирован его психопереключатель. Возможно, идеальной женщиной для него была Мария, холодная женщина из оружейной стали, бронированная по болевым точкам. Женщина, с которой не надо было обмениваться заложниками эмоций.

Изменился ли он за время задания? Вообще другие менялись, но слишком медленно, чтобы заметить. В перемены, которые он видел, Томас не верил. Слишком многое могло быть искусственным.

Ребята из психкоманды его починят. На борту «Марафона» есть их группа. Может быть, когда они закончат, он будет знать, кто он на самом деле.

Он не был уверен, что этого хочет.

Книга третья

ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ: 3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зажегся свет. Мак-Кленнон, Маус и Эми сидели в молчании. Записи оказались чудовищными.

Наконец хриплый голос Мауса спросил:

— Адмирал... Вот это и есть то, с чем мы схлестнемся?

Мак-Кленнон пристально смотрел на Эми. На мгновение она встретила с ним взглядом.

— Мойше, — шепнула она, — кажется, меня сейчас стошнит.

— Именно оно, — пообещал Бэкхарт Маусу. — Трудно проглотить. Даже когда сам видишь. От всей этой жестокости, без всякой видимой цели, становится еще страшнее.

Мак-Кленнон взял Эми за руку. Рука была очень холодной и дрожала.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Сейчас приду в себя. Еще минуту.

— Адмирал! — повернулся к нему Мак-Кленнон. — Я уже видел такие корабли.

— Что? Где? Как? — Бэкхарт бросился на Мак-Кленнона, как тигр на добычу. Казалось, его вдруг охватила лихорадка. На верхней губе адмирала выступила испарина.

— Где? — выдохнул он.

— У сейнеров есть ксеноархеологическая лаборатория. Помнишь, Эми? Я еще спросил, не построили ли этот корабль разумные улитки? На нем никто не хотел работать.

— Да. Ты прав, Мойше. Он был точно такой, как корабли на кассете.

— Расскажите подробнее, — попросил Бэкхарт.

— Да нечего особенно и рассказывать, — ответил Мак-Кленнон. — Сейнеры нашли его в туманности. Они считают его относительно современным. Он был окружен кораблями, которые, как полагают, принадлежали строителям Звездного Рубежа. Тем же, как я думаю, кто построил базу на темной стороне Луны. Сейнеры решили, что корабль был по ошибке атакован во время Улантской войны. Я предположил, что, возможно, команда изучала корабли, принадлежащие расе Звездного Рубежа. Это все.

Бэкхарт задумался.

— Это не все, Томас. Всегда есть что-то еще. Ты просто не знаешь. Есть ли здесь связь? Подумай об этом. Звездный Рубеж мог быть не только удобным арсеналом.

Бэкхарт говорил для себя, не для слушателей. Мак-Кленнон улыбнулся. Адмирал иногда любил строить произвольные предположения, и когда они оправдывались, то оказывались чертовски эффективными.

— Томас, я хотел бы, чтобы вы с Эми поговорили с людьми Ченселлора. Они прибыли с лунных раскопок. Может, что-нибудь проявится.

— Им надо будет связаться с подругой Эми, Консуэлой эль-Санга. Она знает куда больше нас.

— Отлично, отлично. Мы это устроим. А пока пустите-ка в ход свои мозги, пусть работают, не отвергайте с ходу даже самые невероятные гипотезы... Знаете что, думаю, нам стоит собраться после обеда. Вместе с ними. «Марафон» доставил мне кое-какие новые материалы. Я им все выложу.

В голосе адмирала Мак-Кленнон уловил горечь.

— Плохо дело?

— Хуже, чем когда бы то ни было.

Бэкхарт воспользовался вечерним совещанием, чтобы продемонстрировать отчет глубокой разведки улантидов. Потом спросил:

— Какие-нибудь соображения, люди?

Ученые воздержались. Им нужна была дополнительная информация.

— Луна Командная пропустила это через большой мозг? — спросил Мак-Кленнон.

— Да. И тот тоже затребовал дополнительную информацию. Думаю, в него встроены человеческие мозги. Он не может воспринять такие цифры. Компьютер предложил заменить капитана Рассела человеком, менее склонным к преувеличениям.

— Мне кажется, информации достаточно для первых приблизительных выводов. Например, что Сфероид и военные армады созданы в рамках программы уничтожения любой разумной и потенциально разумной жизни. Это выглядит как программа элиминирования конкурентов и перестройки галактики для нужд одной расы.

— Нельзя делать таких заключений, — запротестовал кто-то из ученых. — Это антропоцентризм. Это может быть религиозный крестовый поход.

— Что? — огрызнулся Маус. — Не говорите глупостей!

— Легче, Маус, — вмешался Бэкхарт. — Сейчас ни одна идея не будет слишком дикой. Правда, скорее всего окажется еще более дикой.

Мозговой штурм, люди. Выдвигайте любые идеи, а проверять их будем, когда поступит дополнительная информация. Не надо пытаться построить из фактов что-нибудь приемлемое. Правда может таковой не быть.

Ученые было заупрямились. Но Бэкхарт продолжал:

— Один неудобоваримый факт, который бросается прямо в глаза, — это то, что они пытаются нас уничтожить. Прибавьте к этому их невероятное количество. Прибавьте еще, что Сферонд в сорока тысячах лет пути от нас. Ребята, кажется, мы нашли себе войну, которая будет длиться вечно.

Мак-Кленнон не мог осмыслить такие цифры. Сорок тысяч лет? В восемь раз дольше, чем вся история человечества? Да, долгосрочная операция.

Противник действует уже черт знает сколько времени. Миллионы лет?

В этом свете совпадения между чужой базой на темной стороне Луны, заброшенными кораблями у Трех Небес и самим Звездным Рубежом казались менее невероятными. Если предположить, что таинственные строители враждовали с центральной расой, то им необходимо было создать оборону поистине космических масштабов. Мак-Кленнон попробовал сложить мозаику из

уже известных фактов. Не складывалась. Слишком много вопросов. Какова роль сангарийцев? Что случилось с самими строителями?

Маус наклонился в его сторону:

— Для меня это слишком, Томми. Я всего лишь простой солдат.

Мак-Кленнон усмехнулся:

— Ну, с простачками-то я полажу.

Он провел день у психиатров. Они творили чудеса. Настроение было светлым и оптимистичным.

Маус был совсем другим. Со Сломанных Крыльев он вернулся замкнутым и необщительным. Определенным доказательством тому было то, что в команде исследователей было несколько привлекательных женщин. И ни одна из них еще не удостоилась его орлиного взгляда. Это отметила Эми в один из своих моментов дружелюбного настроения. Сам Мак-Кленнон не заметил.

— Будет у тебя настроение потом сыграть партию? — спросил Мак-Кленнон. В последнее время Маус потерял интерес даже к шахматам.

— Не думаю. О чем это он? — Вошедший сержант что-то шептал адмиралу.

— Сангарийский флот только что ушел от Звездного Рубежа, — объявил Бэкхарт. Он

улыбался. — Они бросили Мак-Гроу на растерзание рыбакам. Кажется, вопрос пиратов отпадет сам собой.

— Что они будут делать? — спросил Мак-Кленнон.

— Мы не знаем. Будем надеяться, что прежде они хорошенько подумают. Я оставил Штрехльшвайтер послание ее хозяину. Может быть, судьба Метрополитана заставит их прислушаться.

— Какое послание? — спросил Маус.

— Я посоветовал сангарийцам изменить образ жизни. Я сказал, что не заинтересован в их уничтожении, но сделаю это, если они не изменятся. Я передал, что могу повторить урок на Осирисе, если они будут настаивать.

— Повторите? — спросил Томас.

— Нет. Я умею врать.

Всю следующую неделю Мак-Кленнон проводил то у психиатров, то у ученых. Сеансы психотерапии сняли напряжение его запутавшегося мозга. Постепенно на передний план выступала единственная личность — Мак-Кленнон. У него случился только один *небольшой приступ*.

«Марафон» вышел из гипера у Трех Небес. С «Лепанто» от фон Драхова поступил сигнал, что он вместе со своим эскортом проник на Верфи. Было несколько стычек, но ничего се-

рьезного. Звездоловы спорили, но не сопротивлялись.

— Грабер пытается обвести нас вокруг пальца, — заметил адмирал. — Он крепко вцепился в Звездный Рубеж. Знаете почему? Он делает ставку на начинку. Рассчитывает, что, если ему удастся достаточно быстро наложить лапу на оружие, он будет сильнее нас.

Тем временем Бэкхарт пустил в ход свои полномочия проконсула. Он связался с флагманом сейнеров и назначил им время. Это было время запуска минус двадцать пять часов. Адмирал приказал держать канал открытым и каждые пять минут передавать ультиматум Конфедерации. Поступающие сигналы должны были регистрироваться и оставаться без ответа. Просьбы об отсрочке и дальнейших переговорах наталкивались на глухую стену.

За два часа двенадцать минут до запуска сейнеры Трех Небес объявили о безоговорочной капитуляции. Космические пехотинцы флота начали немедленную оккупацию ключевых позиций.

Бэкхарт вызвал Мак-Кленнона.

— Томас, мы покончили с выкручиванием рук. Найди свою леди и спроси, летит она или остается. Через час мы стартуем к Звездному Рубежу.

— Да, сэр. Сэр, я только что от связистов. Флот сангарийских рейдеров по-прежнему направляется к Метрополии.

— Отлично. Значит, у нас освободится еще несколько эсминцев. — Его глаза потускнели. — Готовится крупный удар. Синие уже выбрали место. Мы ждем, когда противник до него доберется. Найди свою леди.

Найти Эми было совсем нетрудно. Из каюты ее можно было вытащить только силой. Томас постучал.

— Это Мак-Кленнон. Меня послал адмирал.

Она редко говорила с ним, и только по деловым вопросам.

— Чего он хочет?

— Мы уходим на Звездный Рубеж. Ты останешься здесь или полетишь с нами?

— Они сдались?

— У них не было выбора.

Она вздохнула:

— Мойше, я изо всех сил пытаюсь понять, что происходит, и не могу. Ты думаешь, он сдержит слово?

— Не знаю. Правда, не знаю. Узнаем только на собственной шкуре. Он оставит здесь людей, чтобы установить новый порядок. Хотел бы я знать, какие у них инструкции. Но что собира-

ешься делать ты? Решать надо быстрее. Мы готовы к отлету.

— Я лечу на Звездный Рубеж. Консуэла там. Ей поручили руководство всей командой.

— Что ж, это для нее хорошо.

Томас помешкал. Она отказывалась от возможности, которую он ей предложил.

Все еще болит; думал он, бредя по коридору. Она даже не хочет попытаться понять.

Передав решение Эми, Мак-Кленнон отправился на поиски своего партнера.

Он нашел Мауса в кают-компании. Тот сидел, бездумно уставившись в голокуб. Мак-Кленнон сел рядом.

— В чем дело, приятель? Поговорим?

Маус нехотя выключил изображение.

— Не сейчас, Томми. Я еще не готов.

— Хорошо. Ты заметил маленькую светленькую лейтенанточку из артиллеристок? Танни Как-то-там.

— Ракеты В? Первый сорт. Кажется, мужчины глаз от нее оторвать не могут. В малышках есть что-то такое...

— Говорят, она Скорпион.

Маус рассмеялся:

— Ты же не пытаешься меня сватать?

Маус славился своими утверждениями о том, что женщины-Скорпионы — самые пылкие жен-

щины во вселенной. Мак-Кленнону так и не удалось заставить его объяснить, каким образом геоцентрическая астрология переносилась на небеса Внешних Миров.

— Не совсем. Я задал кое-кому несколько вопросов. Мне казалось, что тебе было бы интересно узнать ответы.

— Мне интересно. Эта бомбочка того и гляди взорвется. Видно по тому, как она движется. Только шепни ей на ушко и выпустишь такого демона, что и пяти парням не совладать. Но в то же время мне не интересно. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Нет. Не понимаю. Ты уже месяц живешь монахом. Я думал, что уж скорее энтропия даст задний ход.

— Мне надо кое-что обдумать, Томас. Бросим тему?

— Если хочешь. Мы направляемся на Звездный Рубеж.

Словно в подтверждение завывла сирена перехода в гипер.

— Я слышал, они в конце концов сдались.

— Теперь все, что от нас требуется, — это внушить должное уважение Граберу.

— Старик найдет способ.

— Он всегда находит, правда?

— Томми, как ты думаешь, каковы наши шансы?

— Что?

— Наши шансы пережить эту заварушку с тварями из центра.

— Мы этого не узнаем, Маус. Тянуться будет долго. В этой войне будут сражаться правнуки наших правнуков. И это прискорбно.

— Прискорбно? Почему?

— Мы можем погибнуть как раса. Я не хочу сказать, что нас уничтожат, я говорю о том, что мы перестанем быть тем, что мы есть сейчас. Я много об этом думал. Ты знаешь, к чему я пришел.

— Ты слишком много думаешь, — улыбнулся Маус.

— Видишь ли, человечество — раса безумцев. Ни один из нас не похож на другого. А когда мы собираемся в толпы, ни одна толпа не похожа на другую. Мы все время несемся в миллиардах направлений. Каждый живет на свой лад. Каждая культура — тоже. И это наш способ выживания. Культуры почти по Дарвину. Одни вымирают, другие рождаются. Одни расцветают, другие приходят в упадок, но суть в том, что их всегда много разных. Когда погибает одна, ее место занимает другая.

— Что-то я тебя не понимаю, — сказал Маус, в его голосе слышалась заинтересованность. — Какое отношение это имеет к чему бы то ни было?

— Смотри, это центральная раса... Чтобы драться с ней, нам придется собраться вместе. Поколение за поколением. Как в муравейнике. Мы превратимся в расу воинов. Мы будем нацелены только на борьбу. С самого рождения дети будут попадать в систему, делающую из них солдат. Уцелевшие пойдут наверх и состарятся в этой упряжи. У них тоже будут дети, которые пойдут по их стопам. Через несколько поколений все забудут, что есть какой-то другой способ существования. А потом мы в каком-то смысле превратимся в подобие тех, с кем деремся. Наше разнообразие исчезнет. И мы окажемся в тупике. Потому что любая культура в конце концов — тупик. Понимаешь, что я имею в виду? Что делает милитаризованное общество после уничтожения последнего врага? Обратит оружие против себя.

Маус бросил на него косой взгляд.

— О странных вещах ты волнуешься, друг мой.

— Я считаю, что это разумная тревога. Я считаю, что мы должны не терять перспективы и попытаться сохранить наше разнообразие.

— Ну так напиши докладную с предложением начать исследования.

— Напишу, наверное.

— Когда они нас уничтожат, то это не будет иметь особенного значения, Томми. А с моей точки зрения, это неизбежно. Мы можем только отсрочить конец. Это все равно что пытаться не дать реке течь в море, вычерпывая ее чайными чашками.

— Может быть. Может быть.

Корабль содрогнулся. Казалось, он вывернулся из-под них. «Марафон» направлялся к Звездному Рубежу, этой легендарной, неприступной, девственной богине, планете-крепости, которая бесчисленные века интриговала полдюжины рас.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ:
3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

«**М**арафон» вышел из гипера через десять дней после отлета с Трех Небес. Тридцать часов он шел в норме, а потом к нему присоединились тяжелые эсминцы со Сломанных Крыльев. Бэкхарт опасался, что Грабера все же придется убеждать.

— Там сто траулеров, — возражала Эми. — Ты же знаешь, Мойше, какие они огромные. Плюс все вспомогательные корабли. Как можно думать, что пара десятков кораблей флота может их разгромить? С ними не справился даже весь сангарийский флот!

— Надеюсь, вам не придется этого узнать.

— Эми, эти корабли специально для этого построены, — пояснил Маус. — Они способны только истреблять. В особенности класс «Империя». Уничтожать корабли противника, орбитальные крепости, наземные города. Эти штуки

созданы для уничтожения. Что есть у вас, рыбаков, — это кучка кораблей, построенных для других целей. Пушки на них нацепили как довесок. Ваши траулеры просто лепились как придется, росли сами по себе, без особой цели.

— Я все равно считаю, что вы чересчур самоуверенны.

Томас с Маусом только пожали плечами.

— Может быть, ты и права, — проговорил Мак-Кленнон. — Мы привыкли верить, что непобедимы. — Он взглянул на Мауса. — Может быть, именно поэтому так гнетет эта история с центральной расой. Она подрывает нашу веру.

Они сидели в кают-компании «Марафона». Здесь же собралась почти вся научная группа. Отсчет времени до выхода из гипера приблизился к десятиминутной отметке. Свободные от вахты собрались, чтобы взглянуть на чудо, которое Мак-Кленнон прозвал богом войны тридцать первого века.

Несокрушимый мир. Мертвый металлический голос, гремящий в ночи и отпугивающий всех, кто осмеливается приблизиться. Звездный Рубеж. Арсенал вчерашнего дня, защищенный лучше, чем добродетель любой средневековой девственницы.

— Волноваться нечего, — сказал Мак-Кленнон. — Если бы была хоть какая-нибудь опасность, мы бы сидели не здесь, а на боевых постах.

— В оружейном тревога не объявлена, — заметил Маус. Он смотрел на маленькую блондинку, у которой над нашивками лейтенанта красовалась эмблема канонира. — Взгляни, как она двигается, Томми.

Мак-Кленнон улыбнулся:

— Кажется, он приходит в себя. Мартовский кот начинает просыпаться.

Маус слегка покраснел.

— Боже? — тихонько заметил Мак-Кленнон. — Ты? Смушен?

— Не знаю, Томми, кажется, я тоже немного изменился. Я сам себя не понимаю.

— До выхода из гипера одна минута, — объявил голос по радио. Шум в кают-компании стих.

Вошел Бэкхарт в сопровождении руководителей научной группы, они уселись в кресла возле голографического шара, установленного в центре зала.

— Отличный у него вид, а? — заметил Мак-Кленнон.

Кают-компания погрузилась в молчание. «Марафон» вышел из гипера. Через несколько секунд голографический шар заполнил совер-

шенно круглый мяч. Окружающие детали появлялись по мере того как их регистрировали корабельные радары. Первыми показались суда, сопровождавшие «Марафон», потом траулеры, а потом безжизненные обломки, оставшиеся от битвы с сангарийцами и Мак-Гроу. Планета, однако, не изменилась.

Мак-Кленнон это уже видел. Он не был удивлен. Раса строителей уничтожила всю топографию Звездного Рубежа. Планета была отшлифована в буквальном смысле.

— Очень похоже на бильярдный шар, — пробормотал Маус.

— Когда она открывается, то уже не кажется такой дружелюбной, — заметил Томас. Воспоминание об этом заставило его содрогнуться. — По ней словно проходит дрожь...

Кто-то опустился в кресло рядом с ним. В тот же момент он заметил, как связист наклонился к Бэкхарту, шепнул ему что-то и вручил папку. «Что там такое?» — подумал Томас.

— Капитан Мак-Кленнон?

Он обернулся на голос и оказался лицом к лицу с маленькой блондиночкой-артиллеристкой.

— Да, — пробормотал он, совершенно опешив.

— Привет! Я Танни Ловенталь. Канонир.

Она пододвинула на сантиметр свой миниатюрный фундамент.

Маус хихикнул. Томми обернулся. Казалось, внимание Шторма полностью сосредоточено на голографическом шаре. Внимание Эми тоже, но она покраснела до ушей.

— Чем могу служить? — спросил Томас.

— Ничем. Мне просто хотелось с вами познакомиться. Кто-то сказал, что вы — это вы, и я подумала, что стоит представиться. Сами знаете, вы теперь знамениты.

Она накрыла его руку ладонью. Ладонь была маленькая и теплая. Он чуть было не отдернул руку.

Маус снова чуть слышно хихикнул.

— Странно, правда? — спросила девушка. — Я имею в виду Звездный Рубеж.

— Очень. Особенно когда он не в настроении.

— Ага. Это точно. Вы же здесь уже были, правда? Когда работали у звездоловов?

Разговор тянулся всего несколько минут. Вдруг девушка сказала:

— Мой выход. Обрато в соляные копи. Пока!

Она сжала его руку и на мгновение заглянула прямо в глаза.

— Пока, — ответил он.

Совершенно растерянный, он огляделся по сторонам, чтобы узнать, что произошло, пока он был занят разговором.

Судя по всему, Бэкхарт что-то объявил. Томас это пропустил.

— В чем дело, Маус?

— Сейнеры его уже вскрыли. Мы можем немедленно послать туда своих людей. — Шторм с трудом сдерживал смех. Он кивнул в сторону удаляющейся фигуры Танни. — Вот что значит задавать вопросы, Томми. Это становится известным.

Эми смотрела на шар, упрямо выставив подбородок. Она покраснела, а из ушей чуть ли не пар валил.

— Как эта пустоголовая секс-машина вообще попала на такой пост? — спросила она.

— Возможно, она в своем деле вполне компетентна, — продолжая улыбаться, ответил Маус.

— В этом-то я не сомневаюсь. Ясно с первого взгляда.

Маус едва заметно махнул Мак-Кленнону, чтобы тот испарился. Эми была готова закатить сцену. Сцену, которую она не имела права закатывать, поскольку заявила, что порывает свои отношения с Мак-Кленноном.

Мак-Кленнон поднялся и направился к адмиралу.

— А мне можно будет спуститься? — спросил он, когда Бэкхарт освободился. — Просто взглянуть?

Адмирал задумался.

— Думаю, да. Кажется, опасности нет. Они уже неделю там работают, и пока ничего не случилось. Но подожди, пока спустятся все ученые. И попроси, пожалуйста, Эми попозже заглянуть ко мне в кабинет. Думаю, у нас найдется для нее работа координатора.

— Да, сэр. — Он побрел назад к Эми и Маусу. Шторму удалось ее успокоить. Он все еще усмехался.

— Томми, думаю, я принимаю твой вызов. Помнишь, ты предлагал партию? Видишь тот стол?

Новостей больше не поступало. Люди начали расходиться.

— Договорились. Эми, шеф просит, чтобы ты, когда будет время, заглянула к нему в кабинет.

Они с Маусом протолкались сквозь толпу и взяли два стула. Маус достал свои карманные шахматы.

— Хотел бы я, чтобы ты стер свою мерзкую улыбочку. У тебя с ней идиотский вид.

— Я и сам бы рад, Томми, да не могу. Забавно, как она на тебя напустилась. Да, она — это нечто.

— Несомненно. Интересно только, что именно.

— Я так и не мог понять, то ли ты бросишься на нее прямо сейчас, то ли тебя хватит удар. А что именно — это ты в любой момент можешь выяснить. Она сказала тебе, как ее зовут и где ее искать. Теперь твой ход.

На следующий день ученые начали спускаться на планету. В тот же день на борт прибыла делегация важных сановников. У сейнеров были каменные лица. Мауса с Мак-Кленноном назначили их встречать. Эми явилась, чтобы помочь.

— Что это на тебе? — спросил Маус.

— Форменное платье.

— Какое форменное платье?

— Полицейская форма. Ваш адмирал велел доставить его этой ночью.

— Не знал, что у тебя есть форма, — заметил Мак-Кленнон. — Мы знакомы уже полтора года, и никогда в ней не видел.

— Вот в чем была наша ошибка, Мойше. Все это время мы прятались друг от друга.

Он предвидел сложный, напряженный день и не стал спорить.

— Возможно, ты права.

Он изучил список делегации.

— Скольких из этих людей ты знаешь?

Она тоже просмотрела список.

— Немногих, да и то понаслышке. Грабер. Пейн. Это все командующие эскадрами или командиры кораблей.

В списке было более ста имен.

— Маус, мы не сможем приветствовать каждого лично.

Тот бросил взгляд на почетный караул, готовый приветствовать прибывших на борт.

— Нет, черт побери! Так мы до завтра не закончим.

Эми уже посмотрелась на офицеров флота и представляла, что они имеют в виду.

— Не беспокойтесь, — вмешалась она. — У нас о таких церемониях и не слыхали. Они и не заметят. Будьте просто вежливы.

Маус отправился переговорить со старшим сержантом, командовавшим почетным караулом. Мак-Кленнон стоял рядом с Эми и, чтобы не встречаться с ней глазами, изучал список.

— Тебе идет форма, — тихо сказала она. — Все эти медали...

— Бэкхарт любит их раздавать.

— За это дело ты получишь еще одну?

— Возможно.

— Мойше... Мне надо тебе кое-что сказать. Когда я говорила, что мы прятались друг от друга... Я тоже пряталась от тебя. И обманывала себя. Я так за тобой гонялась потому...

Он посмотрел на нее. Она покраснела до ушей.

— Да?

— Мне стыдно. Когда я думаю об этом, то начинаю себя презирать.

— Правда? Мне тоже не нравится многое, что я сделал.

— Я была специальным агентом капитана корабля. Я должна была следить за тобой и докладывать ему. Потому что он хотел поставить тебя во главе спецслужбы сейнеров. Это означало, что ты станешь важной персоной. Я ею не была. Я никогда бы ею не стала. У меня появлялся шанс только в том случае, если Ярл умрет или покинет «Данион».

Мак-Кленнон понял, что она пытается сказать.

— Все в порядке. Я понимаю. Теперь ясно, почему иногда твои поступки казались мне такими странными.

— Мойше...

— Забудем об этом, нам и так несладко пришлось. Не надо ворошить прошлое.

Над шлюзом зажегся красный огонек. По корабельной связи объявили о прибытии шаттла с делегацией. В объявлении всему персоналу корабля предлагалось оставаться приветливыми и дружелюбными при любых обстоятельствах.

Шлюз повернулся. Появился огромный, похожий на косматого медведя человек. Он оглянулся по сторонам, будто ожидая, что на него набросятся орды погибших душ.

— Грабер, — шепнула Эми.

— Займись им, Маус, — сказал Томас.

— Я?

— У тебя больше решительности и обходительности.

Маус откомендовался капитаном Штормом из штаба адмирала Бэкхарта. Он представил Томаса и Эми, а потом пригласил прибывших следовать за собой.

Ребята в карауле держались в превосходной, безупречно выдержанной стойке «смирно».

Космические пехотинцы на посту перед каюткомпанией тоже являли собой образец военной выправки. Они вскинули руки и отдали честь.

Внутри уже ждал адмирал Бэкхарт.

Он не стал терять времени на представления или извинения, что собрал здесь всех практически под дулом пистолета, а просто прокрутил кассеты улантидов. Пока они демонстрировались, Маус с Мак-Кленноном передавали копии известных данных об угрозе из центра. Эми раздавала копий кассет.

Зажегся свет.

— Джентльмены, — начал Бэкхарт, — вы только что видели объяснение нашего недружелюбного поведения. Теперь я готов ответить на любые вопросы. Доктор Ченселлор, капитан Мак-Кленнон, капитан Шторм и лейтенант Кольридж поговорят с каждым, кто этого пожелает.

Мак-Кленнона удивила сдержанность сейнеров. Даже самые жуткие картины войны их не тронули. Они остались упрямо необщительными.

Командир «Даниона» подозвал к себе Эми. Между ними завязался оживленный разговор. Пока велся допрос Эми, остальные задали несколько вопросов, а потом посоветовались с Грабером и Пейном.

Шторма и Мак-Кленнона рыбаки не замечали.

— Мы готовы делиться с вами всеми поступающими данными, — заговорил Бэкхарт, отвечая на вопрос Грабера. — Согласно директивам Верховного Командования, вы будете получать почти все копии. Центральная раса угрожает нам всем.

— Ты когда-нибудь замечал, как Старик меняет личину в зависимости от того, с кем говорит? — спросил Мауса Мак-Кленнон. — Их у него три.

— Все мы меняем, — улыбнулся Маус, — и их обычно куда больше, чем три. Просто у него это очень заметно.

— Думаешь, они это воспримут?

— Люди Пейна — да. Большинство остальных — нет. Грабер выглядит так, будто он удостоит нас своим сомнением. — Маус осторожно снял пушинку со своей черной форменной рубашки. — Мы жертвы своей собственной репутации. Они не могут поверить в нашу прямоту.

Грабер доказал свою готовность слушать. Из-за этой его готовности заседание затянулось на несколько часов. Появились стюарды, накрыли столы и подали обед.

Наконец Грабер был более или менее удовлетворен. Его подчиненные постепенно потянулись прочь, Маус повел их к шлюзу.

Эми шла рядом с Мак-Кленноном.

— Я возвращаюсь на «Данион», — проговорила она, глядя в пол.

— Хорошо.

— Мойше... прости.

— И меня прости, Эми. За все. Мне не хотелось причинять тебе боль.

— Счастливо оставаться, Мойше.

— И тебе счастливо.

Она последней из сейнеров вошла в шлюз. Маус повернулся к Мак-Кленнону. Томас кивнул.

Маус включил механизм шлюза.

— Думаешь, все кончено? — спросил Мак-Кленнон.

— Не знаю, Томми, не знаю... Томми? В чем дело? Сержант, сюда! Носилки! Кто-нибудь, дайте носилки!

Этот приступ был самым сильным. Психологам потребовалось три дня, чтобы его вытащить.

Это его удивило.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ:

3050 год н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

— Не думаю, что тебе следует лететь, Томас, — проговорил адмирал. — Пусть этим занимается Маус. А если с тобой опять случится приступ?

— Всё будет в порядке. Послушайте, спросите лейтенанта Корли. Она говорит, что пройдет ещё неделя, прежде чем я снова окажусь на грани кризиса.

— Маус?

— Ну, кто-то же должен заглядывать им через плечо, правда? Иначе мы так и не узнаем, до чего они добрались. Так уж эти люди устроены. Если не стоять у них за спиной с пистолетом, они ничего не скажут. Ученые скорее согласятся, чтобы их нагишом протащили по улицам, чем высказать ошибочное суждение. Если полетит Томми, то глаз будет в два раза больше.

— Хорошо. Томас, ты знаешь женщину, которая возглавляет команду сейнеров? Поговори

с ней. Возьми магнитофон. Я хочу услышать, что она скажет.

Двенадцатью часами позже Мак-Кленнон и Шторм в сопровождении двух сержантов космической пехоты вступили в стальные залы Звездного Рубежа. Кольцо доков посадочной площадки находилось в добрых двадцати километрах ниже гладкой поверхности планеты. Спуск вниз по узким отвесным шахтам был просто ужасен. Маус потерял весь свой гонор.

Космические пехотинцы погрузились в электромобиль и двинулись прочь от шаттла.

Маус направился к стальному коридору, подалее от кольца доков. Он всматривался в то, что давным-давно должно было быть наземным пунктом управления.

— Томми, иди сюда, взгляни-ка на это.

Мак-Кленнон, все еще стоявший в коридоре, подошел к Шторму.

— Что именно?

Он не видел ничего, кроме пехотинца-часового.

— Около той консоли.

— Ого! Скелет.

В рапортах сообщалось, что скелеты находят по всей крепости. Тысячи скелетов.

— Мы готовы, сэр, — сообщил один из сержантов.

Мак-Кленнон сфотографировал кости.

— Ладно, Маус, давай для начала заглянем в Исследовательский Центр.

— Хорошо, может быть, там мы все и узнаем.

— Постарайся быть пообаятельнее. Кажется, Консуэла эль-Санга на это клюнет.

— А когда я не был обаятелен?

Маленький автомобильчик катил по бесконечным залам, туннелям, огибал опасные повороты, спускаясь все глубже и глубже в этот стальной мир. Сержант космической пехоты гнал так, будто его преследовали тени неизвестных создателей крепости. Каждый раз, когда им попадался на дороге скелет, он заметно вздрагивал. Они проехали зал, где скелетов было особенно много.

— Эти кости воззвали к нам и изменили нашу жизнь, — сказал Томас. — Издалека, как принцесса-девственница.

— Снова ударился в поэзию?

— Это бывает, когда я в депрессии. — Мак-Кленнон глянул на космических пехотинцев. Те бесстрастно смотрели вперед. — А это место навеивает депрессию.

Солдаты как с фабрики роботов вышли. Даже на кассеты адмирала они не отреагировали.

Самоубийственная скорость, с которой водитель гнал машину, была единственным свидетельством, что их хоть что-то волнует.

Машина спикировала на уровень, где сводчатые потолки поднимались на сотни метров. Его наполняли гигантские машины, устремляясь к потолку, как причудливые небоскребы. Здесь были и жизнь, и свет, но все это были машины.

— Интересно, для чего они?

— Аккумуляторы лучевого оружия, — предположил Маус.

— Некоторые. Здесь должны быть и регенераторы воздуха.

— Гляди! — пронзительно крикнул Маус. — Стоп, сержант! Сдайте назад. Еще назад. Еще немного. Гляди, Томми. На четвертом ярусе сверху.

Мак-Кленнон заметил маленькую непонятную машинку. Она деловито копошилась около одной из стальных громадин.

— Робот-ремонтник.

— Да. Ладно, сержант. Поехали.

Они спустились еще на несколько уровней, некоторые были такие же высокие, как и тот, где они заметили робота. Им попалось еще несколько подвижных машин различных конструкций.

Судя по всему, погибли только строители, а цитадель была жива и здорова. Штурм и Мак-Кленнон не заметили никаких признаков упадка.

— Такое чувство, что идешь по кладбищу, — сказал Маус, когда машина миновала огромный пустой зал, где ровными рядами лежали сотни скелетов. — В дрожь бросает.

— Знаешь что, Маус? Это вовсе не цитадель. Это пирамида.

— Ты шутишь.

— А почему бы и нет? Сам подумай. Можешь предложить хоть одну стратегическую причину, по которой здесь следовало бы воздвигнуть мир-крепость?

— Конечно.

— Например?

— Прямо напротив располагаются Магеллановы Облака. Предположим, кто-то, кто готов потратить сотни тысячелетий на завоевание галактики, идет за мной по пятам. Тогда я строю позади вечный и неприступный форт, а потом перепрыгиваю на другую, не такую враждебную звездную кочку.

— Ну и кто из нас больший фантазер?

— Фантазер, черта с два!

— Маус, они могли бы просто ее обойти.

— Этот центральный рой ничего не обходит. Они будут торчать здесь до тех пор, пока не разделяются с Рубежом.

— Может, ты и прав, но я все же держусь своей теории.

Через несколько минут они добрались до центра. Мак-Кленнон почти немедленно отыскал Консуэлу эль-Санга и не обнаружил в ней никаких следов враждебности. Он был удивлен.

— А что? — спросила она. — Я не сейнер, я пленница, как и другие ученые.

— Я не знал.

Мак-Кленнон представил Мауса и задумался, слышала ли она что-нибудь от Эми.

— Мойше... Это правильно?

— Мак-Кленнон. Томас. Но зови меня, как тебе удобнее.

— Томас, это самое увлекательное время моей жизни. Наконец-то мы можем обменяться наблюдениями с вашими учеными... Как будто открылась совершенно новая вселенная. Идем, я покажу тебе, что мы делаем.

Походка у нее была по-юношески упругой, хотя гравитация здесь была выше, чем у сейнеров.

Маус вопросительно поднял бровь.

— Идем, — пожал плечами Мак-Кленнон. — Пока она не передумала.

В соседней комнате работала целая толпа людей. Ровными длинными рядами стояли сотни складных столов. Большая их часть была завалена всякими предметами, бумагами или приборами ученых и их помощников. Возле стены у коммуникаторов и огромного, по пояс, компьютерного терминала возились техники.

— Люди за столами изучают находки и заносят их в каталоги, — пояснила Консуэла. — Мы привезли с собой несколько тысяч добровольцев. Как только они что-нибудь находят, то сразу извещают центр по радио. Мы высылаем на место эксперта. Консультанты ведут постоянный обмен информацией с лунными археологами. Группа у панели пытается перепрограммировать центральный мозг Звездного Рубежа, чтобы люди могли работать с ним напрямую.

— Вы нашли ключ к языку строителей? — спросил Томас.

— Нет, это будет только после того, как мы сможем общаться с компьютером.

— Не понял. По-моему, все должно быть наоборот.

— Знаете, как мы работаем? Звездная рыба связывается с компьютером и передает все нашим телетехам. Телетехи передают компьютерщикам на кораблях. Те создают параллельные

тестовые программы. Связисты их посылают. Техники здесь пытаются передать их назад в главный мозг. Звездная рыба считывает ответ и снова передает ее телетехам. И так по кругу. Идея заключается в том, чтобы помочь компьютерам найти общий язык. Нам кажется, что мы уже на грани прорыва.

— Наверное, ключом ко всему может быть математика, — предположил Маус. — Она должна быть одинаковой по всей вселенной. Но я понимаю, какого труда вам стоит перейти к более абстрактным понятиям.

— К сожалению, нам приходится использовать нематематический интерфейс, — отозвалась Консуэла. — Звездная рыба не может мыслить математически. Их понятие о числах сводится к один-два-три-много.

— Мне казалось, ты считал их умницами, Томми.

— Они и есть умницы, — ответила Консуэла. — Но образ мышления у них скорее интуитивный, чем эмпирический. И все же мы достигли прогресса. Когда наши компьютеры смогут общаться...

— Будьте осторожны, — предупредил Мак-Кленнон. — Очень, очень осторожны.

— Почему?

— Это главная машина, да?

— Так говорят рыбы.

— Хорошо. Значит, она большая и сильная. Возможно, она играет с вами в кошки-мышки. Она же безумна.

— Да брось ты, — запротестовал Маус. — Как машина может спать?

— Не знаю. Знаю только, что во время первого сражения я был в контакте. И ощутил легкое прямое прикосновение. Это было непосредственно от этого микроэлектронного разума. На вашем месте я бы опасался, что этот мозг может использовать свою мощь для захвата управления вашими командными компьютерами.

— Он прав, капитан. Томас, мы знаем. Это серьезная проблема. Большинство звездных рыб в стаде занимаются только собой. Лишь немногие пытаются помочь общаться. Кажется, у мозга действительно есть определенные психологические проблемы. Одиночество. Комплекс бога. Глубоко заложенная ксенофобия и агрессивность... Именно он, в конце концов, направляет интеллект боевых систем.

— Оборонительных систем, — поправил Мак-Кленнон. — Маус над этим смеялся, но подумай, а вдруг Звездный Рубеж — пирамида?

— Не понимаю.

— Я тут похожу, — вмешался Маус, — не улетай без меня, Томас.

— Не улечу. Я хочу сказать, что Звездный Рубеж мог быть построен с той же целью, что и египетские пирамиды на Старой Земле.

— Гробница? Не думаю. Мысль не нова, но это как-то не всерьез.

— Предположим, строители знали... Ах да, у вас же нет полной информации. — Он рассказал о центральной расе и своем подозрении, что строители бежали от нее. — Ну вот. Они дошли до конца. Дальше бежать некуда, только выпрыгнуть из Магеллановых Облаков. Думаю, они сдались. Остановились, построили себе пирамиду, поместили сюда все свои сокровища и вымерли.

Мисс эль-Санга улыбнулась:

— Романтическая теория, которая согласуется с известными фактами. И теми, которые ты примыслил. Остроумно. Полагаю, что, когда нам удастся связаться с центральным мозгом, мы найдем ответ.

Ему вспомнился случай из детства. Он обнаружил — сам обнаружил, — что $a^2 + b^2 = c^2$. Как он торжествовал, рассказывая об этом приятелю! Тот посмеялся над ним и заметил, что Пифагор опередил его на три с половиной тысячи лет.

Теперь он чувствовал то же самое.

— Я слышала, вы с Эми расстались.

— Да. Я не думал, что ты знаешь.

— Она звонила вчера. И была очень расстроена.

— Она восприняла как личное то, что таким не было.

— Мне тоже так показалось. Конечно, она много жаловалась, но у меня создалось впечатление, что ты хотел быть честным со всеми.

— Старался. Не знаю, насколько успешно.

— Начнем с того, что тебе вообще не стоило вмешиваться. Наземники и сейнеры говорят на разных языках. Я уже тридцать шесть лет с рыбаками и все же еще не совсем приспособилась.

— Мы оба что-то искали и спешили за это ухватиться.

— Я тоже через это прошла.

— Помоги ей, ладно? Мне не хотелось ее обижать.

— Помогу. И не чувствуй себя виноватым. Эми гораздо крепче, чем кажется, просто она любит внимание.

— Мне казалось, вы подруги.

— Мы долго были больше чем подругами, капитан. Пока она не встретила Хайнриха Кортеса.

— А!

— Эй, Томми! — Маус неся на них, как мини-Джаггернаут. — Иди сюда!

Он резко обогнул их и умчался обратно.

— Прошу прощения, Консуэла. — Он догнал Мауса. — В чем дело?

Маус остановился.

— Я только что говорил с девчонкой, которая делает для рыбаков то же самое, что мы для Бэкхарта. Она вне себя. Эти идиоты торчат здесь уже десять дней, рыбаки нагнали на планету тысяч восемь людей, а они еще и не брались за системы вооружения. Их это, видите ли, не интересует. Они занимаются только тем, что собирают сломанные зубочистки и всякие старые кости.

— Доберутся и до оружия, Маус. Надо дать им привыкнуть, прийти в себя от радости. К тому же им необходимо сначала связаться с главным компьютером. Если это удастся, то мы даже сэкономим время. По-крупному. Машина сможет приспособить вооружение для нас. Тогда можно будет снять готовое оружие, отправить на орбиту и строить на его основе корабли.

Маус попытался успокоиться.

— Хорошо. Может быть, ты и прав. Но мне все равно не нравится, что *никто* не занимается оружием, хотя мы здесь именно ради него.

— А что, если технология этого оружия требует знания других технологий?

— Что ты имеешь в виду?

— Вернемся лет на сто назад. Построй-ка мне с теми технологиями пульсирующий гразер. Ты не смог бы. Надо было бы создать технологию построения пульсового аккумулятора. Согласен?

— Иногда ты мне совсем не нравишься, Томми, — усмехнулся Маус. — Ладно, скажу этой сейнерской даме, пусть проявит терпение.

— Разрешите обратиться, капитан? — К ним подошел старший из сопровождавших космических пехотинцев.

— Да, сержант? — отозвался Томас.

— Адмирал передает вам привет и говорит, что вы нужны ему немедленно.

— В чем дело?

— Он не сказал, сэр. Он велел передать вам, что это критично.

Маус казался озадаченным. Мак-Кленнон тоже.

Но не успели они пуститься в путь, как новость уже облетела огромный зал. Все стало ясно.

Случилась стычка между звездными рыбами и акулами. Объявились целые орды хищников, и их прибывающий поток не иссякал.

— Мать их так! — воскликнул Томас. — Я совсем о них позабыл.

— Но они о нас не забывают, — проворчал Маус. — Черт бы их побрал!

Люди заметались в разные стороны. Атмосфера была на грани паники. Примчался доктор Ченселлор.

— Мне сказали, что вы отправляетесь наверх. Передайте это адмиралу, просто на всякий случай.

Он сунул в руки Мак-Кленнону какую-то папку, бросил «Спасибо» и устремился к группе, столпившейся у компьютера. Ученые пытались подготовить немедленное отключение опроса внешних устройств на случай атаки акул.

— Лучше бы они велели этой идиотской коробке самой разобраться с их проблемой, — проворчал Маус, когда они уже сели в машину. — Что он тебе дал?

— Свои заметки. Что-то среднее между дневником и регулярными научными записями.

— Дай-ка мне пару страниц.

Водитель гнал еще быстрее, чем в первый раз.

— Вот это интересно, — заметил Маус. — Мебели нет.

— Что?

— Команды исследователей не нашли никакой мебели. Это подтверждает твою теорию пирамиды.

— Это точно. Я не видел ничего, кроме машин. Все тела лежали на полу.

— Может быть, они тоже были здесь чужаками?

Мак-Кленнон пожал плечами.

— А вот еще. Тебе будет интересно. Как ты думаешь, каков размер Рубежа?

— Ну... С Венеры?

— Почти попал. Земля минус два процента. Но сама планета меньше, чем Марс. Остальное — надстройка.

— Что?

— Это он так назвал. Вот тебе и вопрос. Если основная часть структуры — полая, от откуда такая гравитация? На пару десятых больше, чем на Земле.

— Брось, Томми, — фыркнул Маус. — Машинная, наверное.

— Нет. Но ответ тебе понравится. Согласно записке, строители, прежде чем начать строить, взяли нашу планетку, отполировали ее, а потом выстлали слоем нейтрониума. Вся крепость покоится на нейтрониуме, который играет роль подушки, предохраняя сооружение от тектонической активности.

— Тпру! — Водитель резко рванул в сторону, и Маусу пришлось вцепиться в сиденье. — Это как им удалось стабилизировать нейтрониум?

— Узнай это, а главное — как они его заложили в фундамент, и мы богаты.

— А какой источник энергии?

— Здесь нет генератора. Думаю, это подразумевается. Ни на Трех Небесах, ни на лунных раскопках я не встречал ничего, что позволило бы говорить о таком уровне технологии.

— Так, значит, этот маленький народец сюда влез. Как и мы.

— Может быть. — Мак-Кленнон представил себе людей Бронзового века, вставших лагерем на улицах города космического века.

— Ну, давай читай дальше, мне не хочется думать о путешествии наверх.

На «Марафоне», прямо у люка, их уже встречал лейтенант флота.

— Не соблаговолите ли следовать за мной, господа?

Адмирал ждал их на мостике.

— А, Томас! А я уже гадал, куда вы делись.

— Это критично, сэр? Мы не спали уже целую вечность.

— Критично. Но сейнеры говорят, что не похоже, чтобы гроза разразилась немедленно. Отдохните как следует перед отправкой.

— Отправкой?

— Я посылаю вас на «Данион». Томас, ты войдешь в контакт и обеспечишь «Ассирийцу» и «Пруссак» наведение в реальном времени.

— Вы шутите, сэр!

— Почему? По моим расчетам, они могут расчистить этот хлам. Заодно покажем Граберу, что может случиться, если он вздумает финтить.

— Во-первых, вы настроены слишком оптимистично, сэр. Акулы суперсмертельно опасны. Если их вывести из себя, они выбрасывают антигелий. Во-вторых, почему я? Телетех сейнеров сделает то же и даже лучше. Они лучше подготовлены.

— Я хочу, чтобы это был ты. Мне не нужен сейнер, который будет подтасовывать данные, чтобы мы уронили лицо.

— Я должен идти?

— Это приказ.

— Тогда пусть это будет другой корабль. На «Данионе» меня просто линчуют.

— Грабер выбрал «Данион». Этот корабль мы уже знаем. У него тоже есть свои тайны.

— Благодарю вас. Сэр.

— Если ты захочешь отказаться, корабельный юрист тебя поддержит, — театральным шепотом заметил Маус. — Ты находишься под арестом и не обязан работать.

— У меня и без того забот хватает, не хочу злить Старика. Еще больше злить.

Бэкхарт бросил на Мауса испепеляющий взгляд.

— Отправишься с ним, сынок. Главным телохранителем. Возьмешь двух пехотинцев. Томми, если так тебе будет спокойнее, перед отлетом посиди у психкоманды.

— Ладно.

«Данион» не изменился. Только теперь вокруг не было дружеских улыбок. Эми встретила их у шлюза в сопровождении отряда мрачных сейнеров. Она рассадил всех в небольшие машины, и процессия тронулась.

Завидев их, люди плевались и изрыгали проклятия.

— Скажи мне, пожалуйста, — начал Маус, — откуда всем известно, что мы здесь?

— Тут не флот, — коротко ответила Эми.

— Если будешь так себя вести, я больше с тобой спать не буду.

Маус рассмеялся, когда она гневно обернулась.

— Полегче, приятель, — вмешался Мак-Кленнон. — Нам надо выбраться отсюда живыми.

Что-то пронеслось прямо у них над головой.

— Видел? — проворчал Маус. — Это Кенди... А еще хотела за меня замуж.

— Эми, вы показали своим людям эти кассеты?

— Какие кассеты?

— С центральной...

Маус слегка толкнул его локтем.

— Здесь пахнет маленькой политической хитростью, приятель. Небольшая цензура. Грабер опасается, что не удержит своих людей в узде, когда те узнают, что происходит на самом деле.

— Не вам об этом говорить, — отозвалась Эми.

— О! Боже упаси! Никогда, дорогая. А что ты сделаешь, если я все-таки буду?

— Вчера я виделся с Консуэлой, — заговорил Мак-Кленнон, прерывая их перебранку.

— Как она? — смягчилась Эми.

— Помолодела лет на двадцать. Счастлива, как ребенок, которого пустили к прилавку с конфетами. Она надеется, что ты к ней заглянешь.

— А ты там был?

— Вчера. Это интересно, но не думаю, что мы получим ответы на все вопросы.

Машины въехали в Сектор Управления. Огромная дверь захлопнулась за ними, и они оказались отрезанными от остального корабля. Маус вслух поинтересовался почему. Никто ему не ответил.

Мак-Кленнона ждала его старая бригада поддержки, Ганс и Клара. Особого дружелюбия они

не проявили, но враждебности было меньше, чем за пределами Сектора. Клара даже улыбнулась:

— Добро пожаловать назад, Мойше. Тебе даже досталось твое старое кресло.

— Клара, прежде чем мы начнем, я хотел бы тебя кое с кем познакомить. Это Эми.

— Эми. — Клара протянула руку. — Пока Мойше с нами работал, я только о вас и слышала.

Мак-Кленнон снял рубашку и передал ее Маусу. Сержанты космической пехоты осмотрели кресло и оборудование и встали по сторонам. Впрочем, они старались не мешать.

Комната контакта погрузилась в тишину. Судя по всему, людей не предупредили, что намечаются посетители.

Томас устроился в кресле.

— Клара, я не уверен, что у меня еще получится.

— Такое нельзя забыть. Ганс!

— Ты отпустил волосы, Мойше, — сказал Ганс: — Придется мне как следует их вымазать.

— С тех пор, как мы сели на Сломанных Крыльях, у меня не было времени на парикмахеров.

Он пару раз вздрогнул, сначала когда Ганс начал втирать ему в кожу жирный гель, а потом — когда надевали устройство-сетку. Через мгновение голову накрыл тяжелый шлем.

— Там тебя ждет рыба, Мойше, — проговорила Клара. — Можешь выходить. Удачи.

Он перешел в переходную зону, а потом оказался во вселенной звездной рыбы.

Звездный Рубеж смотрелся огромным молочным шаром, окруженным бессчетными золотыми мячами и иголками. Три корабля класса «Империия» начали испускать вихри цвета. Они уже задействовали все боевые станции и подняли все экраны. Золотые драконы скользнули в сторону, стараясь держаться подальше от кораблей.

А позади драконов, на фоне галактики...

«Боже мой!» — подумал он.

Он заметил гигантские косяки и тучи красных молний, за которыми терялась усыпанная звездами мантия вселенной. Акул было так много, они были в таком возбуждении, что невозможно было различить каждую в отдельности.

— Да, человек-друг Мойше. Они скоро нападут, — проговорил кто-то прямо у него в голове.

— Головастик!

— Привет! Добро пожаловать домой! В твоём мозгу я вижу новые пережитые приключения, человек-друг Мойше. Вижу распахнутые двери там, где когда-то лежали тени.

— Какого дьявола... Ты изменился, Головастик, ты стал поэтом.

У него в голове зазвенели нежные колокольчики смеха.

— Да, мне повезло, человек-друг Мойше. Сначала контактер-шпион, который научил шутить, а потом контактер-она, полная поэзии.

Мак-Кленнон почувствовал, как звездная рыба устремляется в глубь него, несется через скрытые прежде тайники, изучает все секреты и страхи, до которых не могла дотянуться прежде.

— Ты все вспомнил, человек-друг Мойше.

— Контакттер, говорит связь, — раздался голос издалека, откуда-то снаружи. — Нам необходимо организовать канал для наводчиков «Ассирийца» и «Пруссака». Сообщите нам, когда будете готовы.

Мак-Кленнона охватил страх. Звездная рыба сняла его одним мысленным прикосновением.

— Я готов, — ответил Томас.

Он слышал, как связисты «Даниона» замкнули сеть и подключились к дредноутам. До него доносились голоса: флот и сейнеры объявили боевую тревогу. Со своего поста он видел, как вокруг кораблей флота развернулись защитные экраны. Два гигантских корабля начали двигаться навстречу урагану акул.

Хищники учуяли атаку еще до ее начала. Они вдруг устремились вперед, пытаясь до-

браться до нападающих и до кораблей, скрывающихся за ними.

Мак-Кленнон почувствовал, как Головастик через его мозг связался с «Данионом». Он видел ответ «Ассирийца» и «Пруссак». Казалось, их пушки разрывают саму ткань вселенной. Акулы гибли сотнями.

Но в десятки раз больше акул прорывалось сквозь стену огня и бросалось на корабли, сгрудившиеся вокруг Звездного Рубежа.

Через десять минут космос пылал, выброс энергии был просто колоссальным. А еще через десять минут Мак-Кленнон начал чувствовать горечь и отчаяние. Сообразив, откуда идут эти чувства, он спросил:

— В чем дело, Головастик?

— Слишком много акул, человек-друг Мойше. Нападение было ошибкой. Даже огромные корабли-убийцы твоего народа не смогут устоять.

Мак-Кленнон присмотрелся к положению. Космос алел, правда, но неоспоримых признаков поражения заметно не было.

И все же звездная рыба была способна делать прогнозы точнее, чем самый мощный компьютер людей.

Через пятнадцать минут тревожные знаки заметил и Мак-Кленнон. Акулы целыми стаями бросались на экраны кораблей и постепенно одерживали верх. Это происходило с каждым кораблем. Неподалеку от Звездного Рубежа уже пылал десяток истребителей. Огонь мог разгореться где угодно, газовые заряды антиматерии попадали на обшивку и постепенно разрушали железные корпуса кораблей.

Становилось все хуже.

— Мойше? — Казалось, голос Клары доносится с другого конца галактики. — Ты уже давно в контакте, может, вернешься?

— Нет. Я в порядке.

— Ты весь взмок.

— Ничего. Здесь невесело.

Несмотря на усилия Головастика, ему уже не удавалось снимать приступы страха: Он сам был в смятении. Его народ безжалостно уничтожался.

Положение стало еще хуже.

«Пруссаку» пришлось отступить. Акулы усилили атаку на «Ассирийца». «Габсбург» принял контакт реального времени и занял место «Пруссака».

Эсминцы флота оказались гораздо эффективнее рыбачьих траулеров. Их огневой заслон был практически непреодолим.

— Прорыв! Прорыв! — закричали голоса где-то вдали.

Мак-Кленнон только позже понял, что означали эти возгласы. В этот момент он думал, что акулы одержали победу. И только потом, когда возликовал Головастик, до него дошло, что поток обратился вспять.

Акулы начали кидаться друг на друга и сотнями гибли в этой дикой безжалостной грызне. Победители искали новых жертв. То тут, то там хищники уже обращались в бегство.

Через полчаса единственными красными точками, горящими на просторах космоса, были гаснущие и распадающиеся куски акульих тел. Космос кишел пожирателями падали, которые пришли сюда следом за акулами. Головастик гоготал, как подросток над неприличной шуткой.

— Нам удалось, в очередной раз удалось, человек-друг Мойше! Даже когда это было невозможно. Великолепно! Лучше и придумать нельзя. Могу биться об заклад, стадо и траулеры избавлены от акул на всю оставшуюся историю человечества. Здесь погибло так много...

— Мойше? — вмешалась Клара. — Ты в порядке? Нам надо тебя выводить. Ты и так пробыл слишком долго.

Мак-Кленнона охватила печаль. На мгновение он не мог обнаружить ее источник, а потом понял. Головастику жаль его отпускать. Звездная рыба знает, что это уже навсегда.

— Не знаю, что и сказать, Головастик. Мы ведь уже прощались.

Головастик придумал какую-то хилую шутку. Мак-Кленнон с натугой рассмеялся.

— Не очень?

— Не очень. Помни меня, Головастик.

— Всегда. Человек-шпион с твердого шарика останется бессмертен в памяти стада. Будь счастлив, человек-друг Мойше. Помни, существует и надежда взять верх над убийцами миров. Старейшины велели мне это тебе передать. Мы помним их по другим галактикам. Там их удалось остановить.

— В других галактиках?

— Со временем они приходят в каждую галактику, человек-друг Мойше. Они инструмент Первой Расы, народа из твердой материи, который явился прежде остальных. Они не стареют и не умирают. Они не рождаются, как вы, а появляются из машин-инкубаторов, их собирают по кускам уже взрослыми. Это искусственные твари. Они не думают, как вы. Они знают только свою цель.

Мак-Кленнон почувствовал, как Головастик пытается использовать понятия, чуждые сознанию звездной рыбы. В том, что ему пытались поведать, ощущалась некая древняя, изначальная мудрость. Казалось, Головастик пытается придать старому грозному преданию относительную точность и краткость современной человеческой мысли.

— Они завоевывают миры, которые можно было бы приготовить для Первой Расы. Но Первая Раса исчезла, она не может ни использовать эти миры, ни прекратить работу своих инструментов. Она исчезла еще до рождения вашей родной звезды.

— Кто построил Звездный Рубеж? Ты знаешь?

— Как вы и думали, маленькие люди из твердой материи. Те, чьи кости вы обнаружили. Они враждовали с Первой Расой. Они выиграли сражение, и все же им пришлось бежать от инструментов врага.

— Но...

Головастик отвечал на его вопросы прежде, чем он их задавал.

— Они тоже старые, человек-друг Мойше. Они бегут, а убийцы миров идут по пятам. Это не первый раз они проходят через нашу галак-

тику. Вы ничего не знаете о Звездном Рубеже. Он древний. Древнее, чем камни Земли. Враги губителей миров — всего лишь тени прошлого. Они исчезают, бегут прочь, редуют, но всегда оставляют за собой цепочку ловушек для своих врагов. Стадо издревле их знает, Мойше, человек-друг, мы столкнулись с ними еще в прежнюю эпоху, когда галактики бывали моложе и ближе друг к другу, а наши отцы бороздили соединяющие их потоки.

— Ты становишься поэтом.

— Все мы переплетаемся, человек-друг Мойше. Все переплетаемся.

— Мойше! Нельзя больше медлить!

Еще никогда голос Клары не казался таким отдаленным. Мак-Кленнон почувствовал ее тревогу.

— Контактер? Говорит связь. Мы кончаем передачу.

— Контактер, слышу. Головастик, я...

— Возвращайся к себе, человек-друг Мойше. Ты будешь помнить.

Последняя фраза звездной рыбы озадачила Мак-Кленнона. Что он будет помнить?

Что-то обрушилось на его сознание. Эта волна крушила все на своем пути. Он в ужасе щелкнул аварийным переключателем. «Головас-

тик, друг мой...» — это была последняя отчаянная мысль, потом его накрыла темнота.

Боль!

Всепоглощающая боль, хуже, чем мигрень. Голова просто раскалывается на части.

Он закричал.

— Держите его! — крикнул кто-то.

Он бился, стараясь сбросить удерживающие его руки. Что-то вонзилось в тело. От места укола потекло теплое умиротворение. Боль начала стихать. Вскоре он уже смог открыть глаза. Свет уже не пугал его.

— Вернись! — прикрикнула на кого-то Клара. — Мойше, как ты себя чувствуешь?

— Будто смерть прошла стороной. Стороной.

На ее лице читалось облегчение, но она все же проворчала:

— Говорила же я тебе возвращаться, почему не слушался?

— Головастик рассказывал мне о Звездном Рубеже. Рубеже. О том, кто построил его, и о центральной расе. Расе. Это было важно. Важно.

— Ты слишком перенапрягся.

— Сделай мне еще укол. Укол. Я буду в порядке. Порядке. Как идет сражение? Сражение? Что, черт возьми, случилось? Случилось?

Ганс держал его руку, а Клара сделала второй укол. Боль почти исчезла. Только перед глазами стояла какая-то пелена, как при температуре.

— Им удалось наконец связаться с главным компьютером Рубежа, Мойше, — ответил Ганс. В голосе юноши теперь не слышалось ни малейшей враждебности. — Ты удерживал их достаточно долго. Как только он нащупал ключ, то в считанные секунды расшифровал наш язык. Он понял, в чем дело. И что-то сделал с этими акулами.

— Что он сделал? Сделал?

Откуда-то сзади выступил Маус из-за спины и заглянул Мак-Кленнону в глаза.

— Мы надеемся, что это ты нам расскажешь. Это ты там был.

— Я не знаю, что случилось. Случилось. На мгновение мы потеряли надежду. Надежду. А потом на акул обрушился какой-то ураган. Ураган.

— Это не класс «Империя» так сработал, нет?

— Они действовали превосходно. Лучше, чем весь флот Пейна во время первого сражения. Сражения. Думаю, Грабер проникнется должным уважением. Уважением. Такого никто не ожидал. Ожидал.

Маус нахмурился.

— Почему он так говорит? — спросил он Клару.

— Не знаю, прежде я никогда с этим не сталкивалась.

— Как я говорю? Говорю?

— Сам себя повторяешь.

— Что ты имеешь в виду? В виду?

— Когда мы сможем его забрать? — спросил Маус.

— В любое время, — ответила Клара. — Но ему лучше остаться здесь. Наши медики привыкли иметь дело с телетехами.

— Нет, адмирал хочет, чтобы он вернулся немедленно. Давай, Томас. Ноги на пол. Посмотрим, можешь ли ты стоять.

— Без проблем. Проблем.

Он чувствует слабость, но двигаться может. Почему они так странно на него смотрят?

Он начал припоминать.

— Он сказал мне, что я буду помнить. Помнить.

— Кто тебе сказал? — спросил Маус, ведя Мак-Кленнона к двери и усаживая его в ожидавшую снаружи машину.

— Головастик. Звездная рыба. Я начинаю. Начинаю. Маус, мне надо поговорить с адмиралом. Адмиралом. Я вспоминаю все, что рыбе из-

вестно о центральной расе и их врагах. Врагах. — Он повернулся. — Клара. Рад был снова с тобой встретиться. Встретиться. Ганс. Будь умницей. Слушайся бабушку. Бабушку. — Он протянул руку. Удивительно, но Ганс ее принял.

— Конечно, Мойше. Удачи.

Он бросил взгляд на Клару.

— Удачи, Мойше, — сказала Клара. — Может быть, ты удивишь нас еще раз.

Он нетерпеливо рвался вперед. Ему хотелось доложить о том, что он узнал, пока еще помнит.

Перед погрузкой на шаттл Маус остановился, чтобы поговорить с Эми.

— Береги себя, — сказал он. — И будь счастлива. В том, что случилось, не было твоей вины. Можно сказать, это судьба.

— Знаю, Маус. Но ничуть не меньше болит. — Она натянуто улыбнулась. — Великое призвание? Возможно, это и к лучшему. Прости, что была такой стервой.

— Чепуха, — пожал плечами Маус. — Береги себя.

— Береги Мойше.

Маус странно на нее посмотрел.

— Он твой друг, но он мой муж, и я буду его помнить. — Она наклонилась ближе и про-

шептала: — Обещай не говорить ему, пока он не пойдет на поправку. У нас будет ребенок.

— Обещаю. Сейчас ему не следует беспокоиться еще и об этом.

Шторм отступил в люк, помахал, повернулся и опустился в кресло. Он был так взволнован, что даже на время забыл о предстоящем полете.

Мак-Кленнон сидел напротив него, рядом с одним из космопехов, и отчаянно что-то строчил.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: 3051 год н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Прима Защиты Уланта отдала приказ. Клаймеры покинули корабль-носитель. Истребители преследования заняли позиции в арьергарде, готовые перехватывать и уничтожать все вражеские суда, которые попытаются покинуть место битвы. Корабли класса «Империя» и «Завоеватель» вместе с равными им по классу кораблями улантидов, токе, Кхар'мехла и Ашифнта начали наступление. Крейсера, фрегаты и бомбардировщики выстроились в заградительный щит. Рой mosquito флота набирал скорость, готовясь на скорости света пролететь сквозь боевые порядки противника, плюясь лучами и торпедами и собирая минутной свежести разведанные для компьютеров Примы Защиты.

Центральная раса ничего не подозревала. Даже народ, который они уничтожали, не имел ни малейшего представления о том, что грядет подмога.

На разработку этой операции у штаба улан-тидов ушли годы. Это была их игра. Впервые за всю историю офицеры Конфедерации подчинялись приказам другой расы. Даже Воины Токе отложили в сторону свою гордость и стали под начало тех, кто знал больше, чем они сами.

Двенадцать суверенных правительств пяти рас объединились в Соединенный флот.

Клаймеры материализовались прямо посреди вражеских истребителей. Они разрядили оружие прежде, чем враг успел отреагировать, и тут же вернулись на корабли-носители за новой порцией боеприпасов.

Секундой спустя из гипера вылетели космоскафы.

Драться на одноместных кораблях-разведчиках могли только люди особой породы. Эгоисты, солипсисты, люди, убежденные в собственной неуязвимости. Люди, не боявшиеся драться без всякой защиты, кроме скорости и бешеной маневренности.

Корабли-одиночки неслись сквозь флот центральной расы, пуская самонаводящиеся ракеты и стреляя направо и налево лучевыми пушками, установленными на носу кораблей. Для некоторых молниеносная скорость оказалась фаталь-

ной. Вражеских кораблей было так много, что произошло несколько столкновений.

Компьютеры Соединенного флота получили необходимые данные. Размер, положение, направление вектора скорости вражеских кораблей замелькали в огромных дисплеях командного пункта Защитницы и кораблей поддержки. Корабли и установки, принадлежащие подвергшейся нападению расе, были идентифицированы и отмечены как дружественные. Крупные вражеские корабли тоже были помечены особо, информация о них была передана клаймерам, которые готовились ко второй атаке.

Генеральный Штаб Уланта все спланировал тщательно. Неприятных сюрпризов удалось избежать.

На позицию вышли тяжелые корабли и начали планомерно уничтожать уступавшего в технике противника.

Все преимущества были на стороне Союзников. Все, кроме одного.

Численное превосходство противника было сто к одному.

Они были целеустремленным народом, эта центральная раса. Когда их корабль терял боеспособность, они грузились на спасательный катер и пытались высадиться на планету. Те не-

многие, которым это удалось, истребляли все, что попадалось им на пути, пока кто-нибудь не уничтожал их самих. И на земле, и в космосе у них было очень слабое представление о тактике.

В тактике не было необходимости, когда единственной стратегией было использование немислимого численного превосходства.

Казалось, они не знают, что такое страх, и по природе своей неспособны отступать. Они просто сражались и умирали, уступая свое место следующим.

Единственными кораблями, которые пытались покинуть поле битвы, были курьеры, стартовавшие через десятичасовые интервалы.

Ими, как и курьерами, спешившими к месту сражения, занимались истребители преследования.

Один за одним корабли Союзников гибли или теряли боеспособность.

На сороковом часу операции, которая первоначально планировалась на сто часов, Прима Защиты связалась с Улантом. Она выразила опасение, что вверенные ей силы не смогут выполнить возложенную на них миссию. Боевые потери — двадцать пять процентов состава. Приблизительное соотношение сил — семьдесят к одному в пользу противника.

Эти цифры не учитывали расстановку сил. Корабли союзников сосредоточились на самых важных и опасных вражеских судах. Значительный процент остальных кораблей составляли легковооруженные транспортные суда.

Люди центральной расы упрямо направляли свой главный удар на обитателей планеты.

Однако пессимизм Защитницы был небезосновательным. Через сто часов после начала операции в ее рапорте сообщалось, что флот Союзников на пятьдесят процентов выведен из строя. Запас ракет полностью исчерпан. Потенциал лучевого оружия на исходе. От уцелевших клэймеров больше нет никакого проку. Люди падают с ног от усталости.

Прима Защиты вышла из боя.

Противник не обратил внимания на ее отход. Он сомкнул ряды и продолжил свою прерванную атаку на планету.

Защитница получила приказ отойти и наблюдать. Конфедерация посылала подкрепление. На подходе были транспорты с боеприпасами и запчастями.

В конце концов после месяца кровопролитных сражений были уничтожены последние вражеские корабли. Союзный флот возвращался домой зализывать раны и обдумывать ход сра-

жения. Защитница удалилась, не вступая в контакт с планетой, которую спасла. Она не хотела, чтобы вражеский флот, который придет на смену погибшему, обнаружил какую-нибудь информацию о таинственных спасителях планеты.

Великая битва, если судить по числам. Страшная резня. Но это была пиррова победа. От бережно подготовленной и собранной мощи Союзников осталась одна десятая.

Вдоль этого Рукава галактики двигалось еще по меньшей мере четыре подобных флота. По сути дела, Союзникам удалось добиться только одного: теперь они знали, что чудовищную силу можно разгромить. *Победа не радовала ни один генштаб.*

Она лишь вселяла еще более мрачное предчувствие грядущих битв.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ: 3050—3052 годы н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мак-Кленнон около месяца передавал свои воспоминания.

— Боже, Маус, меня уже тошнит от всего этого. Почему бы им не ограничиться кас-сетами моих показаний?

Маус выдвинул вперед пешку, надеясь спровоцировать обмен фигур.

— Потому что это дьявольски интересно. Все равно что познакомиться с человеком, который умеет двигать ушами. Непременно хочется увидеть, как он это делает. Я тоже не могу с собой справиться. Жаль, что нельзя влезть тебе в голову. Боже, знать, как выглядела галактика еще до того, как родилось Старое Солнце!

Мак-Кленнон отказался от размена. Он двинул коня на защиту пешки и взглянул на часы:

— Четыре часа. Я начинаю бояться. Полная процедура депрограммирования. За все два года

операции. Они не отстанут, пока я не выложу им эту историю со звездной рыбой плюс всю историю вселенной со дня Большого Взрыва.

Маус тоже посмотрел на часы. Скоро «Маратфон» выйдет из гипера и начнет готовиться к посадке на Луну Командную.

— Меня тоже не радует депрограммирование, зато мы увидимся с теми, кого не видели уже давно. Они, должно быть, сильно изменились.

— Может быть, слишком сильно. Может, мы вообще с ними больше не увидимся. — Мак-Кленнон пытался вспомнить своих друзей с Луны Командной. Макс станет старше. Грета будет совершенно другим существом. Теперь он ее может и не узнать.

Мысли Томаса вновь скользнули в воспоминания. Каждый раз, когда он к ним обращался, то наталкивался на что-нибудь новенькое. Они казались довольно занимательными, но он не мог избавиться от какой-то тяжести на сердце.

И армад, двигавшихся вдоль Рукава, было не пять. Их было восемнадцать, а галактика была инфицирована не одним, а четырьмя Сфероидами. Он не мог согласиться со звездной рыбой, не мог принять ее убеждение в том, что, по сути дела, врагу никогда не удавалось одержать пол-

ную победу. Ему все равно, что это их третье вторжение в Млечный Путь, что жизнь всегда выживала и что между этими мрачными походами, в промежутках, длившихся миллиарды лет, вопреки всем усилиям истребителей миров на них поднимались новые расы. Не приносило успокоения и знание, что на его веку враг не успеет добраться до Конфедерации.

Если Бог есть, то Он жесток. Допустить существование такой чудовищной силы, сметающей все на своем пути...

— Головастик думал, что делает мне подарок, — сказал Мак-Кленнон. — Он знал, что меня интересует прошлое. Он знал, что у его рода есть сведения, которых мы так жаждем. Это был дар отчаяния. Теперь мы знаем, насколько все безнадежно.

— Я бы этого не говорил. Ты, по-моему, излишне мрачен.

— С чего ты взял?

— Ты сам сказал, что звездная рыба считает, что их можно остановить. Что такое уже бывало. Что создатели Звездного Рубежа как раз над этим работали, когда на них обрушилась чума.

— Они работали над этим, стараясь на основе своей собственной расы создать расу убийц.

Маус пожал плечами.

— Привет, Танни!

Мак-Кленнон поднял голову и встретился со взглядом смеющихся зеленых глаз.

— Не пригласить ли тебе моего друга на прогулку? — предложил Маус. — Он снова в унынии.

Женщина рассмеялась:

— Именно это я и собиралась сделать. Или ты предпочитаешь шахматы, Том?

— Давай бросим монетку, — ухмыльнулся Мак-Кленнон. — Ой! Щипаться нечестно!

— Да идем же. Через час мне надо возвращаться на пост. — И она плавно выплыла из кают-компаний.

— Ну берегись, стоит только Макс ее увидеть... — пригрозил Маус.

— Эй! Лучше не надо. Ни в коем случае. Слышишь? Будет такой фейерверк, что сверхновой бомбе стыдно станет.

— Жду не дождусь, приятель, — рассмеялся Маус. — Или ты думаешь, я забуду, что ты перехватил мою добычу?

— Ну, ты не можешь заграбастать всех сразу, Маус, — отозвался Томас и поспешил за Танни Ловенталь, мгновенно позабыв о Звездном Рубеже, операции, звездной рыбе и судьбах вселенной.

Месяц он проторчал в чреве Старой Луны. Мясники из психа разобрали его душу по камешкам и перестроили ее на более здоровой основе. Первые три недели были настоящим адом. Психиатры постоянно заставляли его бороться с самим собой, проявляя при этом не больше сострадания, чем водитель броневика к своей заупрямившейся колымаге.

Они не принимали никаких отговорок. Они не терпели никаких задержек. Они продолжали снимать показания даже пока он спал, безостановочно записывая невероятные запасы воспоминаний, которыми его наградил Головастик. Они были безжалостны.

И эффективны.

Пребывание у сейнеров заставило его забыть о холодной целеустремленности своих соотечественников из флота. Он не был к этому готов. Он не был готов сопротивляться восстановлению.

И оно продвигалось быстрее, чем ожидали доктора.

Когда кризис миновал, они вскрыли его брюхо и запломбировали язву.

На двадцать девятый день к нему пустили посетителей.

— Только по двое за раз, — протестовала медсестра. — Войти могут только двое.

— Исчезните! — приказал ей Маус.

— Есть, сэр! Есть, капитан! Слушаюсь, сэр.

Две женщины едва не сбили Мауса с ног. Он выронил свои карманные шахматы. Фигурки раскатились по полу.

— Черт поberi!

Грета плюхнулась на край кровати, наклонилась и обняла Мак-Кленнона.

— Как здорово, что ты вернулся! Я звонила каждый день с тех пор, как об этом услышала. Мне разрешили прийти только сегодня.

— Боже, Уолтер, — вмешалась Макс, старая подруга. — Что с тобой сделали? Ты выглядишь как смерть на палочке.

— Вот за что я тебя и люблю, Макс. У тебя всегда найдется доброе слово. — Он сжал руку Греты. — Как ты, деточка? Как Академия?

Девушка начала болтать. Вмешалась Макс и затрещала о новых марках, появившихся в ее лавочке. Она приберегает их специально для него.

Маус собрал свои шахматы, положил коробку на тумбочку и уселся на стул. Он закинул ногу на ногу, подпер рукой подбородок и, едва

заметно улыбаясь, принялся рассматривать Мак-Кленнона.

Томас отвернулся, пытаясь спрятать глаза.

— Уолтер; ты плачешь, — тихонько заметила Макс.

Мак-Кленнон закрылся рукой.

— Макс... Задание было тяжелым. Долгим и тяжелым. Я надолго заблудился. Я забыл... я забыл, что у меня есть друзья. Там я был так одинок.

— Но ведь там был Маус.

— Он был там. Без него бы... Он вытащил меня. Маус! Иди сюда. — Он взял Шторма за руку. — Спасибо, Маус. От всей души спасибо. И пусть это никогда не повторится.

На мгновение Маус сбросил все свои маски и позы. Он кивнул.

Грета снова защебетала. Мак-Кленнон обнял ее еще раз.

— Никак не могу в это поверить. Я думал, ты меня уже забыла.

— Как я могла?

— Кто я такой? Сентиментальный болван, который помог хорошенькой девушке, попавшей в беду. Мы никогда друг друга по-настоящему не знали.

Она обняла его в третий раз.

— Я тебя знала, — шепнула она. — Ты обо мне заботился. Это самое главное. Когда ты исчез, твои друзья всегда мне помогали.

Она уткнулась ему в плечо и всхлипнула.

Мак-Кленнон нахмурился и посмотрел на Макс.

— Твое Бюро заботилось о ней, как о родной дочери, — отозвалась та. — Еще ни с одним курсантом в Академии так не носились.

— А ты?

Макс пожала плечами:

— Я делала все, что могла. — Она смутилась. — А как же еще я могла за тобой уследить? У меня же нет связей.

— Я рада, что с тобой все будет в порядке, — промурлыкала Грета. — Папа?

На глазах Мак-Кленнона снова появились слезы.

— Не надо было? Я не хотела...

— Все хорошо, дорогая. Все хорошо. Я просто не был к этому готов.

Он сдвинул ее так, что она выдохнула.

— С дороги, женщина! — прогремел кто-то в коридоре. Бэкхарт пинком распахнул дверь. — Иди ставь клизму кратеру Тихо! Исчезни и поблудней!

Сестре пришлось во второй раз спешно retirроваться.

Адмирал окинул взглядом комнату.

— Кажется, все под контролем, — заметил Бэкхарт.

— Да, местечко становится людным, — отозвался Мак-Кленнон. — Должно быть, исключительно благодаря моему природному магнетизму.

Бэкхарт улыбнулся одной стороной рта.

— Н-да, в этом-то преступлении тебя никто обвинять не станет, сынок. Расставляй фигуры, Маус. Сыграем партию, уступим нашего пациента женщинам.

Едва началась игра и едва Мак-Кленнону удалось осушить слезы Греты, как дверь снова распахнулась. Сестра наблюдала за происходящим скорбно, но молча.

Лицо Тинни Ловенталь отразило целую гамму эмоций. Наконец она остановилась на задиристой улыбке.

— Том, я-то думала, я буду первой. Никогда бы не подумала, что можно так быстро бегать на коротких ножках.

Они с Макс обменялись испепеляющими взглядами. Воздух разорвал лязг скрестившихся рапир. Потом Макс улыбнулась и представилась. Они с Тинни миновали рифы первого знакомства в считанные секунды.

Бэкхарт взглянул на часы:

— Проклятие, уже поздно: Я сейчас кому-то...

В комнату торопливо вбежала сестра с переносным коммуникатором.

— Вам звонят, капитан Мак-Кленнон.

— Дайте-ка мне, — приказал адмирал и схватил трубку из рук растерявшейся сестры. — Джонс? Нашел ее? Она на линии? Хорошо. Томас, твоя мать. — Он передал телефон Томасу и вернулся к игре.

Мак-Кленнон не знал, что ему делать и что говорить. Они с матерью стали почти чужими друг другу. Она была до мозга костей обитательницей Старой Земли, и они отчаянно ссорились с тех самых пор, как он вступил во флот. Их последняя встреча, как раз перед операцией у сейнеров, закончилась очень печально.

— Мама?

— Томми? Это действительно ты?

— Да.

— Я думала, ты погиб. Когда они явились ко мне в квартиру... Боже, мне сказали, что ты замешан в эту историю с войной. Из-за нее всю планету поставили с ног на голову. Повсюду патрули. Они хватают людей прямо на улицах!

— Да, я имею к этому кое-какое отношение...

Мама ничуть не изменилась. Ему не удавалось вставить ни слова.

— Мне сказали, ты женился. Она хорошая?

— У нас ничего не получилось, но она была очень хорошая. Она бы тебе понравилась.

Он оглядел присутствующих. Казалось, только адмирал догадывался, о чем его спрашивает мать.

Они говорили недолго. С тех пор, как они пошли разными путями, у них осталось мало тем для разговора. Достаточно было того, что, несмотря на все свои различия, они не были безразличны друг другу.

Закончив разговор, Мак-Кленнон передал телефон адмиралу.

— Благодарю вас, сэр.

— Я твой должник, Томас, одно задание за другим. Я отправил вас в ад на целых четыре года. Извиняться не буду. Вы — лучшие. Там и требовались лучшие. Но теперь я могу попытаться загладить свою вину. Я могу попытаться доказать тебе, что не все у тебя отняло... — Казалось, адмирал не может подобрать нужные слова.

— Благодарю вас, сэр.

На этот раз растерянная и смирившаяся сестра сама распахнула дверь. На пороге стоял юноша в черной форме гардемарина.

— Дядя Том?

— Хорст-Иоганн! Боже, приятель, тебя не узнать. Ты вырос на полметра!

К собравшимся присоединился сын Юппа фон Драхова. С тех пор, как его родители расстались, мальчик был ближе к Мак-Кленнону, чем к собственному отцу. Хорст остался на попечении отца и никак не мог простить тому его постоянное отсутствие. Томас никак не мог объяснить себе привязанности парнишки. Мальчик видел отца гораздо чаще, чем его... Он вспомнил о своей матери и подумал, что дети по особой логике судят тот вид взрослых, который называется родителями.

Мак-Кленнон откинулся на подушках и окинул взглядом собравшихся. Кружок небольшой, подумалось ему, зато собрались настоящие друзья. На удивление хорошие друзья, если вспомнить о том, что ему пришлось пережить за последние годы... Друзья, которых, как ему часто казалось, он потерял.

Неужели он действительно так долго отсутствовал, заблудившись где-то в дебрях своего сознания?

Теперь вселенная казалась юной и свежей, созданной специально для него. Даже воспоминания, оставленные звездной рыбой, и надвигающийся из центра рок не могли ее омрачить.

Хорст-Иоганн простился первым, пообещав заглянуть в ближайшие выходные. За ним последовал Маус, которому пора было возвращаться к своим затянувшимся отчетам и рапортам, потом Танни, которая должна была заступить на свой пост на «Марафоне». Она исчезла, шепнув ему на ухо обещание, не оставившее у него сомнений, что его мужское достоинство не атрофировалось за недели в больнице.

Бэкхарт молча сидел на стуле и ждал с терпеливостью каменного изваяния Рамзеса.

— Пора уходить и нам, — объявила Макс через полчаса после ухода Танни. — Грете надо возвращаться к утренним занятиям. Будь умницей. И постарайся не подцепить еще одной блондиночки.

Мак-Кленнон самодовольно ухмыльнулся.

— Ты еще придешь?

— Конечно. Я глаз с тебя не спущу. Больше ты от меня не улизнешь... Да, много воды утекло, Уолтер.

Грета залилась румянцем.

— Спасибо, что пришла. И тебе, Грета. Спасибо. Иди сюда. — Он обнял ее и шепнул: — Если понадобится, ты знаешь, где меня искать.

— Знаю.

— Очень важно знать, что ты кому-то нужен.

— Знаю. Я приду в субботу.

Когда женщины ушли, Бэкхарт еще несколько минут сидел молча.

— А вас не хватятся в конторе? — спросил наконец Мак-Кленнон.

— Я не такой незаменимый, как мне казалось, Томас. Я возвращаюсь после шестимесячной операции и обнаруживаю, что у них все схвачено и никаких проблем на горизонте.

— Что у вас на уме?

— На самом деле, я уже сказал это, лучше, наверное, не получится. Мне жаль, что пришлось так с тобой поступить.

— Вы сожалеете, но во второй раз сделали бы то же самое.

— Если придется. Но не думаю, что надо будет. Теперь, черт возьми, у нас затишье. Все внимание приковано к войне.

— А мы сможем извлечь какой-нибудь прок из Звездного Рубежа? Или из той информации, которую мне дали рыбы?

— Ну, насчет рыбы я не знаю. Она только доказывает, что у нас есть надежда. А Звездный Рубеж... Наши друзья-сейнеры занялись им вплотную. Планетка — настоящий заповедник военных технологий будущего. Некоторые самые простые

системы можно будет использовать уже в следующей стычке.

— Боги мертвы. Да здравствуют боги, — сказал Мак-Кленнон про себя.

— Что?

— Да так, чепуха.

— Давным-давно, в другой жизни, я обещал тебе отпуск. А вместо этого послал на флот Пейна. На этот раз я посылаю тебя домой. Я уже передал в Приют, чтобы подготовили для вас дом. Бери с собой Мауса.

— Мауса?

— Маус вытаскивал тебя, когда становилось жарко. Теперь твоя очередь. Он на грани срыва. Сангарийцев нет, а его с детства питала именно ненависть к ним.

— Да. Понимаю.

Оказалось, чтобы покончить с операцией и передать дело в трибунал, потребовались целые горы писанины. С трибуналом удалось покончить, просто выступив с показаниями. Томас дал необходимые объяснения, все прошло гладко, без всяких проблем. Казалось, психотехи починили его так, что он стал лучше своего исходного варианта. Работал он как вол, и у него еще оставались силы носиться с одной дружеской ве-

черинки на другую. Он вспоминал о Маусе, о тех днях, когда казалось, что Шторм бывает одновременно в десятке мест, занимается сотней дел и проектов одновременно.

Теперь Маус превратился в свою противоположность. Он ничего не мог довести до конца.

В конце концов все закончилось. «Марафон» принял их на борт и доставил на тихий мир Циньяна, названный Приютом за то, что стал домом для миллионов ушедших в отставку гражданских служащих и командного состава служб.

Но Танни Ловенталь это путешествие могло показаться унылым.

Возвращение домой. Последняя операция дала ему немного денег, немного марок и монет для коллекции, несколько старых и новых воспоминаний и перемирие с самим собой. Почему-то этого было недостаточно.

Но он обрел своих друзей, людей, которых ему так долго не доставало. Откуда же это разочарование?

На душе оставался один рубец, который психиатрам так и не удалось до конца залечить.

Он не мог забыть Эми.

Они ведь так и не порвали по-настоящему. Они так и не сказали «конец». Они просто пошли разными путями.

Он любил, чтобы все было расставлено по полочкам.

Шло время. Лето Циньяна превратилось в осень. Осень постепенно перешла в зиму. Маус с Мак-Кленноном играли в шахматы и ждали, становились все ближе, и наконец Маус рассказал всю историю своего прошлого, поведал о причинах своей ненависти к сангарийцам. Мак-Кленнон старался мягко поддержать друга, не дать ему окончательно скатиться в пропасть, потом все так же мягко начал помогать ему подняться на ноги.

Решение трибунала, постоянно откладываемое, не становилось ближе.

На Циньяне совсем не чувствовалось, что идет война. Луна Командная в шесть раз увеличила свой флот и начала строить новые корабли, но во всем остальном жизнь в Конфедерации текла как прежде.

Время от времени навевалась Танни. Макс и Грета тоже о нем не забывали.

И все же...

Иногда, по ночам, когда темное зимнее небо было пугающе прозрачным, Мак-Кленнон откладывал в сторону коллекцию марок, коробку с монетами или роман, который начал писать,

и выходил на веранду. Вздрагивая от холода, он смотрел на звезды, бледно светившиеся неземными созвездиями, и воображал огромные корабли, похожие на стальные летающие джунгли. Он думал о стадах золотых драконов и о прожившем миллионы лет звере, которого он научил шутить.

Он никогда не любил ее больше, чем теперь, когда она потеряна для него навсегда. Маус сказал ему... Возможно, она станет пугать его именем его собственного ребенка. Теперь она не стала бы его ненавидеть. Она бы поняла. Но есть еще условности, которые нужно соблюдать, и ветер общественного мнения, против которого не поплыть...

Жизнь никогда не идет так, как тебе хочется. Каждый подвержен действию социальных эквивалентов теорий этого мерзкого старикашки Гейзенберга.

Затрещал коммуникатор. Мак-Кленнон поднял трубку.

— Маус, — крикнул он через минуту, — на несколько дней заглянет Юпп.

Томас вернулся на террасу. Корабль прожег небо, спускаясь по направлению к сияющим башням города, чьи сказочные золотистые шпили

поднимались над дальним лесом. Мак-Кленнон притворился, что это падающая звезда, и загадал желание.

— Сыграем партию, пока ждем?

— Давай, — усмехнулся Маус.

— Подожди лыбиться. На этот раз я тебя обыграю, приятель.

И он обыграл. В конце концов обыграл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Литературно-художественное издание

Кук Глен
Звездный Рубеж

Художественный редактор О. Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 15.12.99.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 25,20.
Тираж 11 000 экз. Заказ № 972.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

40000 2

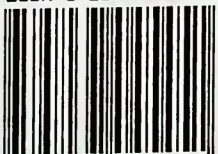
Это история Звездного Рубежа.

История заброшенной планеты на дальнем краю галактики. Планеты, превращенной в самую неприступную из твердынь. Планеты Смерти, овеянной тайной, загадочной, подвластной лишь самой себе.

История Повцов Звезд, понимавших — овладев арсеналами Звездного Рубежа, они смогут не страшиться никого.

Это — история битвы с новым, доселе неизвестным врагом. Врагом, который возник из неведомых далей космоса — могущественный, безжалостный, умеющий только одно — убивать. История отваги, мужества, ярости. История завершается...

ISBN 5-237-04545-6

9 785237 045451